НОСИРИ ХУСРАВ

ИЗБРАННОЕ

ДУШАНБЕ - 2003

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
МИНИСТЕРСТВО ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДОХОДАМ
И СБОРАМ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
НАЛОГОВО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ

Носири Хусрав

ИЗБРАННОЕ

Составитель и автор вступительной статьи
академик М. Диноршоев

ДУШАНБЕ - 2003

ББК 83. 3 Тадж
Н-84

Носири Хусрав
Избранное

Составитель и автор вступительной статьи
академик М. Диноршоев

«Избранное» Носири Хусрава включает в себя «Зод ал- мусафирин» («Припасы путников», «Сафариому» («Книга путешествия») и образцы его поэзии, наиболее полно раскрывающие суть философских взглядов мыслителя, особенности его писательского таланта и поэтического дарования. Издание рассчитано на философов, религиоведов, литературоведов и всех интересующихся историей культуры.

НОСИРИ ХУСРАВ И ЕГО НАСЛЕДИЕ

Носири Хусрав относится к плеяде таких замечательных мыслителей, поэтов и писателей, как Рудаки (858-941) Фирдавси (934 – 1021), Беруни (973 – 1048), Ибн Сина (980 – 1037), Омар Хайям (1048 – 1131) Мухаммад Газзали (1058 – 1111), Саадии Шерози (1203-1292) и Хофизи Шерози (1321-1389), которые внесли огромный вклад в развитие таджикско-персидской и мировой культуры.

Носири Хусрав жил и творил в одиннадцатом веке. Этот век во всех отношениях был самой неспокойной эпохой в истории таджикского народа. В историческом и политическом отношениях он был эпохой распада некогда могучего и великого национального государства таджикского народа – Государства Саманидов и утверждения в Центральной Азии государств тюркских династий Газневидов, Караханидов и Сельджукидов. Это важное историческое и политическое явление привело к серьезным изменениям во всех областях общественной жизни: произошло резкое падение экономики страны, разрушились прежние научные, культурные и литературные центры, пришли в упадок некогда цветущие города, претерпели серьезные изменения нравы и образ жизни автохтонного населения. Эти процессы, породив в людях чувства неуверенности, пессимизма и недовольства к новоявленным и чужеродным правителям, отразились даже в художественной литературе. Носири Хусрав в частности писал:

Деянием всех стали насилие, обман и притеснение,
Словами всех стал обман, а обещанием – колдовство.

Царство мира если было в руках демонов,
То и теперь положение осталось таким же.
Вновь царственный муж стал хриплым, как сова,
А зловещая сова стала царственным мужем.
До небес возвысилось неразумие,
А человечность и великодушие оказались в пещере…
Земля Хорасанская, что была пристанищем культуры,
Теперь местом подлых демонов стала.
Домом мудрости был Балх, но теперь
Дом этот разрушен из-за превратностей судьбы.
Если Хорасан был царством Соломона,
Теперь он стал царством гнусных демонов.
Коварством хорасанцы стали их рабами,
Звезда Хорасана стала несчастливой и дурной.
Слуга кипчака стал сердечно почтенным,
А его служанка – первой госпожой! [1]

В социальном плане время Носири Хусрава было эпохой усиления и развития феодализма в форме пожалования земель – *иктвдори*. Развитие этой формы землевладения крайне осложняло и обостряло положение земледельцев. Ибо земледельцы, работающие на пожалованных землях, наря-ду с выплатой неимоверно высоких налогов, принуждались к бесплатному выполнению дорожных работ, строительству каналов и других оросительных систем. В силу превраще-ния пожалованных земель в наследуемую собственность, земледельцы, работающие на них, не имели права свободно их покидать. Это означает, что в 11 в. еще более усили-лись тенденции и отношения закрепощения земледельцев и ограничения их прав. Этим объясняется, наверное, тот факт, что Носири Хусрав в своем поэтическом наследии, реши-тельно осуждая насаждаемые Сельджукидами социальные порядки и открыто отстаивая интересы земледельцев, дех-

подстрочный перевод мой.

[1] Носири Хусрав. Девон. Гелон, 1339. С.101 – 102. – *Здесь и далее*

кан и ремесленников, называет их «лучшими создателями мирских благ».

В эпоху Носири Хусрава довольно острой была идейная и идеологическая ситуация. Особенно обостренной были суннитско-шиитские отношения. Этому в значительной мере способствовала сельджукидская государственная религиозная политика, которая, всемерно поддерживая суннизм, решительно преследовала и притесняла шиизм. В результате суннитско-шиитские противостояния 1051, 1053, 1085 и 1089 гг., произошедшие в различных регионах Аббасидского халифата и Сельджукидского государства, привели к большим людским и материальным потерям. Подобная государственная религиозная политика, ослабляя основы государственности, не способствовала безопасности государства и не могла обеспечить общественное развитие. Это есть один из важнейших исторических уроков, который ни в коем случае не должен игнорироваться и в наш век бурного развития религиозного самосознания и религиозной самоидентификации.

Наиболее влиятельной и в то же время гонимой сектой шиизма в 11 в. был исмаилизм. Это явление было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, исмаилиты нового призыва, возвещая о счастье, справедливости и равноправии, тем самым привлекали к себе внимание различных слоев общества. Во-вторых, из всех религиозных направлений, сект и школ только исмаилизм призывал к сопротивлению сельджукидским захватчикам. Этот патриотический призыв исмаилитов был положительно воспринят широкой автохтонной массой людей, патриотически настроенной аристократией и возглавлен такими истинными патриотами как Носири Хусрав. Исходя из этого с уверенностью можно сказать, что преследование и притеснение Носири Хусрава наряду с конфессиональными имело и глубокие политические причины.

Культурологическое лицо эпохи Носири Хусрава определялось, однако, не одной религиозной ситуацией, не одной религией и не одними религиозными сектами. Научные, философские и религиозно-философские направления, течения и школы, которые возникли в предшествующую эпоху, продолжали существовать и приумножать свои достижения и в 11 в. Например, перипатетическая философия во главе с самим Ибн Синой и его учениками Ибн Зайлой, Бахманяром, а затем и Омаром Хайямом продолжала свои традиции и в 11 в. и, как подчеркивает Мухаммад ал-Газзали в «Опровержении философов», имела огромное влияние на общественную жизнь, особенно на молодежь. Знамя же научной мысли высоко неслось Абу Райханом Беруни, Ибн Синой, Омаром Хайямом и его коллегами по нишапурской обсерватории.

В рассматриваемый период значительное развитие получил калам – философия ислама, призванная, по признанию Ал-Фараби, Ал-Газзали и Ибн Халдуна, защищать принципы и основоположения ислама от вводимых еретиками новшеств. В обосновании калама при его возникновении большую роль сыграли наши соотечественники Абу Ханифа и Мотриди Самарканди. В 11 в. калам имел выдающихся представителей как из числа суннитов, так и из числа шиитов. Наиболее авторитетными среди мутакаллимов этого времени были Абу Бакр Бакиллани, Абу Маали Джувайни и Мухаммад ал-Газзали. Последний имеет наибольшие заслуги в развитии суннитского философского калама.

Вместе с тем следует сказать, что в культурной и идейной жизни 11 столетия важное место занимал суфизм. Получив в трудах виднейших суфиев Суллами, Кушайри, Хаджвири и Ансари наиболее теоретический характер, он глубоко и широко проник в общественное сознание этой эпохи и приковал к себе внимание широкой публики. Хаджвири, сам будучи одним из великих суфиев этой эпохи, свиде-

тельствовал, что в его время в одном только Хорасане жили триста великих суфийских старцев, каждый из которых имел в суфизме свое направление.

Философские и общественно-политические взгляды Носири Хусрава, а также его религиозные убеждения, как будет показано ниже, безусловно формировались под воздействием коротко нами описанных исторических и социокультурных условий эпохи жизни и деятельности мыслителя. Вместе с тем Носири Хусрав, как показывают его философские сочинения, продолжал линию своих великих исмаилитских предшественников – линию Ахмада Насафи (Нахшаби), Абу Хатима ар-Рази, Абу Якуба Сиджистани (Сагзи) и Хамидаддина Кирмани, выполнявших в 10 в. роль исмаилитских пропагандистов в Центральной Азии. Его философские сочинения свидетельствуют о том, что он при создании своего философского учения опирался на концепции Платона, Аристотеля, Плотина, Ал-Фархби и Ибн Сины. При разработке своей философской концепции он в значительной мере учитывал как зурванистско-дахритскую философскую традицию, так и традицию философии «друзей материи» – философии Ираншахри и Абу Бакра ар-Рази.

Однако Носири Хусрав – не только выдающийся философ, но и крупный поэт и писатель. Чтобы по достоинству оценить его литературный подвиг, необходимо сказать несколько слов о той литературной среде, где формировался его литературный талант. Прежде всего следует отметить, что в связи с поражением и распадом Государства Саманидов на отдельные самостоятельные государства, его единый литературный круг также распался и в новых политических центрах образовались новые литературные круги. В литературном круге Газневидов, например, сошлись такие известные поэты, как Абулькасим Унсури, Абулхасан Фаррухи, Манучехр Дамгани, Мас'уд Са'ди Салман и др. Литературный круг Сельджукидов же, в частности, образовали Амир Муиззи, Азракии Хирати и др.

Поэты этих литературных кругов не продолжили традиции литературы 9 – 10 вв., воспевавшей в касыдах (одах, панегириках) и героических поэмах идеалы иранского (таджикского) шуубизма, политической независимости, единого, сильного, централизованного национального государства, патриотизма, гуманизма и т.д. Основным содержанием их творчества было воспевание и восхваление чужеродных царей и султанов – захватчиков, нарушивших мирную жизнь и все права автохтонного населения, унизивших его честь и достоинство, подавивших его национальные интересы и потребности. Другими словами, в литературе с этого периода ведущей тенденцией стала панегирика. Она усилилась до такой степени, что пробила себе дорогу даже в четверостишия. Амир Муиззи вполне был уверен, что

Тот, кто не слуга султана времени,
Тот не должен надеяться на благополучие в жизни.
Образ жизни, не одобренный царем,
Не одобряется и мудрецами мира.
Любое стихотворение, не воспетое в честь шахиншаха,
Лишено всякого признака мудрости и содержательности.[2]

Носири Хусрав, не приняв эту литературную позицию своих современников, апеллировал к литературным традициям 10 в. – к традициям Рудаки и Кисои Марвази, о чем мы в его «Девоне» находим множество подтверждений.

***

Абу Муинуддин Носири Хусрав, как свидетельствует он сам, родился в 394 г. хиджры, соответствующий 1004 г. христианской эры. В «Девоне» своем он писал:

Миновало по хиджре после трехсот лет девяносто четыре года,
Когда мать моя родила меня на шаре земном.[3]

Его нисба Кубадиёни указывает на то, что он родом из

[2] Цит. по: Мирзозода Х. Таърихи адабиёти тоджик. - Душанбе, 1989. С. 57.
[3] Носири Хусрав. Девон. С. 178.

Кубадиёна, ныне находящегося на территории Республики Таджикистан. В его «Девоне» на этот счет есть ясное указание:

Породнился я с Юмганом,
Ибо порвал с потомством Кубадиёна.[4]

О его детстве и годах юности в источниках нет никаких сведений. Можно только предположить, что начальное образование он получил в своем родном Кубадиёне, а затем для продолжения учебы уехал в Балх – вторую столицу Газневидов, где осел на постоянное жительство. В Балх, наверное, переехала и его семья. Это подтверждается несколькими достаточно достоверными фактами. Во-первых, в Мерв на службу к Сельджукидам он со своим братом Абулфатхом переехал из Балха. Во-вторых, он из своего семилетнего путешествия возвратился не в Кабадиён, не в Мерв, не в какой-то другой город, а именно в Балх. В-третьих, он в своем «Девоне» постоянно сетует на насильственное разлучение с родным Балхом, с родными и родственниками, живущими там:

О ветер вечерний! Если пронесешься над краем Балха,
Пронесись над домом моим и узнай там обстоятельства.
Посмотри: что после меня сталось с краем моим?
Что с ним сделал век – насильник и злодей?
Боюсь, что веком злым он разрушен дотла,
Сады те разрушены, дома те лежат в руинах.
Когда передашь мой поклон, расскажи обо мне
Племе моему, что плохи дела мои и состояние.
Скажи племени моему, что век после разлуки с вами
Не принес мне ничего, кроме зла и печали…
Утопаю в слезах и горю в огне сердечном,
От этого хилым и тощим стало тело мое.[5]

[4] Там же. С. 297.
[5] Там же. С. 253 – 254.

В Балхе Носири Хусрав решительно взялся за учебу и усвоил весь круг наук, изучаемых в его время. Об этом он сам пишет:

О знании каком бы я ни слышал,
Близко к его дверям я сидел...
Не осталось ни одного вида знания, чтобы я его
Не постиг в большей или меньшей степени.[6]

Носири Хусрав, как он сам пишет, «принадлежал к сыновьям знатных»[7] и, очевидно, благодаря своему таланту, знатному происхождению и родительским связям с высшим обществом в конце 20-х – начале 30-х гг. 11 в. нашел дорогу ко двору султана Махмуда Газневидского. По его словам, он лично «видел приемы таких царей и султанов Персии как султана Махмуда Газневида и его сына Мас'уда».[8] Он при дворе Газневидов, занимаясь канцелярскими делами, приобрел значительный авторитет и потому его величали не иначе как «дабири фозил» - «Мудрый секретарь» и «ходжаи хатир» - «уважаемый наставник».[9] Именно во время службы у Газневидов он в свите султанов Махмуда или Мас'уда посетил индийские города Лахор и Мултан, являющиеся исмаилитскими центрами.[10] Его целью, как подчеркивает мыслитель в своей «Ваджхи дин» («Лицо веры»), было изучение нравов и обычаев жителей этих городов, в том числе и исмаилитов.[11] Здесь как раз встает вопрос о том, когда же Носири Хусрав примкнул к исмаилитам и принял исмаилитскую веру.

Многие считают, что Носири Хусрав принял исмаилизм и примкнул к исмаилитам в 1045 г., когда ему уже был 41 год. И это предопределилось будто бы тем сновидением,

[6] Там же. С. 182.
[7] Там же. С. 299.
[8] Носири Хосроу. Сафар-намэ. Книга путешествия. Перевод и вступительная статья Е.Э.Бертельса. М.-Л., 1933. С. 128.
[9] Носири Хусрав. Девон. С. 190.
[10] Носири Хосроу. Сафар-намэ. Книга путешествия. С. 141.
[11] Носири Хусрав. Ваджхи дин. - Техрон, 1970. С. 55.

которое описано мыслителем в начале «Сафарномы» «Книги путешествия». Я, однако, думаю, что это слабый довод. Ибо согласно всем теориям сновидения ему не мог присниться описанный им сон, если бы он уже не был исмаилитом или же не находился, по крайней мере, на пути к исмаилизму. Больше того, мне думается, что сон, который довольно красочно описывает Носири Хусрав, чисто литературный и психологический прием, не более. Я полагаю, что Носири Хусрав примкнул к исмаилитам и принял исмаилизм еще в годы учебы в Балхе. Он был исмаилитом еще будучи дабиром – секретарем при дворе султана Махмуда Газневидского. Но, зная ортодоксально суннитские нравы Махмуда и его крайнюю нетерпимость к инакомыслию, мыслитель в соответствии с шиитско-исмаилитским принципом *такийя* – сокрытия веры – тщательно скрывал свое исмаилитское верование. В пользу этой нашей версии мы выдвигаем следующие доводы:

- Благодаря энергичной деятельности исмаилитских *да'от* – пропагандистов Ахмада Насафи (Нахшаби) Абу Хатима ар-Рази, Абу Якуба Сиджистани (Сагзи), Хамидаддина Кирмани исмаилизм получил широкое распространение в Мавераннахре, Хорасане и Афганистане, став внушительной социальной и политической силой. Влияние этого течения было настолько сильно, что к нему примкнули даже эмир Наср II Самани (914–942) и влиятельные лица его двора. Несмотря на то, что во время правления эмира Нуха ибн Насра (943–954) исмаилитское движение было подавлено и обезглавлено, тем не менее оно подпольно существовало до эпохи Носири Хусрава и имело много сторонников, в том числе и среди влиятельных людей эпохи. В частности, Абдуллах – отец Ибн Сины, приехавший во времена правления Нуха ибн Мансура (976 – 997) из Балха в Бухару и ставший управляющим селения Хармайсана (ныне Рометан) Бухарского округа, как показывают последние исследования, был не простым исмаилитом, а исмаилитским *дафи* и

ученым.[12] «Отец мой, - писал Ибн Сина, -родом был из Балха... Оттуда он переехал в Бухару в дни (правления) Нуха ибн Мансура. Отец мой был из тех, кто проникся учением египтян и считался исмаилитом. От них он воспринял учение о душе и разуме в том виде, в каком они излагали и понимали его сами. Таким же был и мой брат. Всякий раз, когда они беседовали между собой, я слушал их и понимал то, что они говорили, но душа моя не принимала сказанного ими».[13] Тайная исмаилитская община в Балхе была наверняка сильна и во время переезда в этот город Носири Хусрава. Юный Носири, попав в эту среду, уже в молодости принял исмаилитскую веру и философию.

- Поезки Носири Хусрава в Лахор и Мултан – центры исмаилизма в Индии – были не простым любопытством, не простой любознательностью. Он ездил в эти центры, чтобы лучше познать исмаилитскую веру, исмаилитскую философию, исмаилитские нравы и обычаи, дабы со знанием дела следовать им.

- Как известно, во время пребывания в Египте Носири Хусрав был принят Али ал-Мунтасиром – восьмым имамом Фатимидов (1036 – 1094) и удостоен исмаилитского сана *худжат* – доказательство. Худжат – четвертая ступень в иерархии исмаилитских санов. Вряд ли Али ал-Мунтасир сразу удостоил бы Носири Хусрава этого высокого сана, если бы тот уже не прошел более низкие ступени иерархии исмаилитских санов. Исходя из всего сказанного, следует согласиться с мнением востоковедов В.Иванова, фон Грунебаума, Е.А.Бертельса и Н.Арабзода, что Носири Хусрав уже задолго до предпринятой им в 1045 г. поездки в хадж находился на начальных стадиях исмаилитского пути.[14]

[12] Ариф Тамир. Ибн Сина фи марабе'и Ихван ас-сафа. Изд-во Азиз ад-дин, 1983. С. 72 – 87.
[13] Абу Али ибн Сина. Избранные произведения. Т.1. Душанбе, 1980. С. 37.
[14] Бертельс А.Е. Носири Хусрав и исмаилизм. - М., 1959. С. 178; Арабзода Нозир. Мир идей и размышлений Носира Хусрава. -Душанбе, 2003. С. 45.

В 1040 г. умер султан Мас'уд Газневидский, к власти пришел его брат Мухаммад, который питал к Носири Хусраву глубокое чувство ненависти и был его ярым противником. Поэтому в том же 1040 г. он со своим братом Абулфатхом Абдалджамалом переехал в Мерв и поступил на службу к Чагрибску Сельджуку, при дворе которого исполнял обязанности секретаря и занимался управлением государственным имуществом. «Я, – писал сам мыслитель и поэт, - занимался канцелярскими работами, принадлежал к числу заведующих государственным имуществом и выполнял работу в диванах. Долгое время я занимался этим делом и приобрел некоторую известность среди моих сослуживцев».[15] Брат же Носири – Абулфатх Абдалджалил даже стал визирем Абу Сулаймана Чагрибека ибн Сельджука и пребывал на этом посту и после 1052 г. – года возвращения Хусрава на родину из семилетнего путешествия. Причины благорасположения Сельджукидов к братьям Хусравам нам не известны. Можно только предположить, что у них перед Сельджукидами, наверное, были какие-то заслуги, за что они удостоились быть заведующим государственным имуществом и визирем султана.

В 1045 г. Носири Хусрав подал в отставку со всех постов, занимаемых им в Сельджукидском диване, и объявил о своем намерении совершить хадж – паломничество в Мекку. Обосновал он этот свой шаг тем, что некий старец во сне упрекал его за то, что он сорок лет своей жизни провел попусту в развлечениях и пьянстве, и в целях спасения указал ему в сторону Кыблы, т.е. Мекки. Но, думается, что наряду со стремлением совершить хадж истинной причиной указанного шага Носири Хусрава было его намерение посетить арабские исмаилитские центры и более глубоко и всесторонне изучить, усвоить исмаилитскую религиозную доктрину, исмаилитскую философию, образ жизни, нравы

[15] Носири Хосроу. Сафар-намэ. Книга путешествия. С. 29.

и обычаи. Не случаен тот факт, что три года своего семилетнего путешествия он провел в Египте, посещая также и другие центры исмаилизма.

Носири Хусрав вместе со своим младшим братом Абу Саидом и слугой-индусом шестого марта 1046 г. через Сарахс уехал в Нишапур, оттуда – в Симнан и Рей, а затем – в Казвин и Табриз и, наконец, в 1047 г. прибыл в Мекку. Совершив хадж, он уехал в Египет и пробыл там три года. Испытав много лишений и преодолев множество трудностей, Носири Хусрав объездил различные страны Азии и Африки, посетив Иран, Армению, Ирак, Сирию, Палестину, Хиджаз, Судан, Тунис и Египет. Во время пребывания в Египте он еще три раза совершал паломничество в Мекку. По пути из Мекки он заехал в Лахсу и Басру. Он путешествовал на севере Африки до Кайрувана, а на юге – до Намибии и Судана. Всюду он живо интересовался нравами и обычаями народов, культурными достопримечательностями, встречался с деятелями науки и литературы. В Симнане он встретился и беседовал с ученым Али Исаии, в Табризе – с поэтом Катроном, в Алеппо – с выдающимся арабским философом и поэтом Абу Ала ал-Ма'ари, в Каире – с крупнейшим и авторитетнейшим имаилитским ученым и философом Хибаталлахом Абу Насром ибн Имраном Ширази, известным как Муайяд фи-д-дин. Под руководством этого Имрана Ширази он окончательно укрепился в исмаилизме – в его религиозной доктрине и философии. О его роли в становлении своей исмаилитской личности он впоследствии писал:

Ночь мою в день светлый превратил Ходжа
Доказательствами яркими как Солнце.
Мне стала презренной смерть естественная,
Как он дал мне вкусить воду живую.
С его позиции посмотрел я вокруг –
Свод вертящийся увидел под собой.[16]

[16] Носири Хусрав. Девон. С. 314.

***

Как рубин, поднял меня из земли до неба,
Подобен был я праху, но ныне почитаем.
Руку мою вложил в ладонь пророка на верность
Под деревом великим, тенистым и плодовитым.[17]

По рекомендации Имрана Ширази Носири Хусрав удостоился приема имама времени Али ал-Мунтасира и был им назначен *худжати джазираи Хуросон* – худжатом области Хорасана. Этот факт подтверждается такими строками «Девона» поэта:

Имама века я стал уполномоченным,
Ибо выбором моим стали послушание и вера.[18]

***

Не возгоржусь тем, что от имама времени
Посол я к людям мудрым Хорасана.[19]

После семилетнего путешествия и пребывания на чужбине Носири Хусрав 24 октября 1052 г. возвратился на родину – в Балх и приступил к активной пропаганде идей исмаилизма. В результате, как отмечает Абу ал-Маали – автор «Баён ал-адён» («Изложение религий»), формировалась секта «Ан-Носирия» («Носиризм»), которая активно пропагандировала исмаилизм в Табаристане, Мазандаране, Систане и Хатлане. Из-за этой деятельности, а также вследствие резкой критики им улемов-захиритов и сельджукидских султанов Носири Хусрав стал подвергаться жесточайшему притеснению и преследованию. Поэтому он вынужден был первоначально переехать из Балха в Гурган и Мазандаран, а затем – в Саманган. Но и в этих местах он не нашел безопасного пристанища. Поэтому когда эмир Бадахшана Али ибн Асад пригласил его в Бадахшан, он с ра-

[17] Там же. С. 176.
[18] Там же. С. 277.
[19] Там же. С. 290.

достью принял его предложение и в 1059 г. прибыл в Юмган.[20] Этот выбор мыслителя был обусловлен тем, что эмир Бадахшана выказывал родственные ему религиозные чувства, жители Бадахшана издавна были исмаилитами и, самое главное, Бадахшан находился за пределами Сельджукидских владений и их диктата. Об условиях жизни мыслителя в Юмгане источники молчат. В его же «Девоне» об этом мы находим разноречивые сведения. То он говорит:

Помни эти слова Худжата,
Сидящего в Юмгане как падишах.

То жалуется, что он в Юмгане – в этой «каменной тюрьме» живет в нищете, одиночестве, нужде и горести, без всякой помощи и поддержки. В этой связи А.Е.Бертельс полагает, что Носири Хусрав, по всей вероятности, терпел лишения только в начале своего пребывания в Юмгане. Но позже, когда был принят его призыв, Юмган превратился в настоящее царство «Худжата Хорасана», в «школу познания», в «источник науки и мудрых слов».[21] Но если учесть, что Носири Хусрав прибыл в Юмган по приглашению эмира Бадахшана, по его же просьбе составил свою «Джаме' ал-хикматайн» - «Гармонию двух мудростей» (1070 г.), то эта версия А.Е.Бертельса окажется достаточно слабой. По всей вероятности все было наоборот: положение Носири Хусрава в Юмгане ухудшилось, когда уже Али ибн Асад не был у власти.

Носири Хусрав до конца жизни оставался в Юмгане. Он там умер и там же похоронен. О дате его кончины нет точных сведений. Но большинство ученых, основываясь на «Таквим ат-таварих» Хаджи Халифы, считают достоверной датой его смерти 481 г. хиджры, соответствующий 1088 г. христианской эры.

[20] В «Девоне» Носири Хусрава есть касыда, в которой говорится, что он уже 15 лет живет в Юмгане и ему исполнилось 70 лет. Поэтому: 1004 + 70 – 15 = 1059 г.
[21] Бертельс А.Е. Носири Хусрав и исмаилизм. С. 188.

Носири Хусрав, несмотря на жизнь, полную превратностей судьбы, оставил потомкам большое философское, поэтическое и прозаическое наследие:

Ты не гляди на мое немощное тело, ибо в словах
У меня больше сочинений, чем на небе звезд.

В этих словах Носири Хусрава безусловно присутствует чрезмерная доза поэтической гиперболы. И тем не менее, как увидим ниже, он оставил нам поистине богатое духовное наследие.

Как из «Сафарнамы», так и из «Девона» Носири Хусрава вытекает, что творческую деятельность он начал в молодости в качестве придворного поэта Газневидов. В эти годы его стихи были панегирическими касыдами, воспевавшими дворцовые торжества, пиршества и увеселения. Но этим наследием поэта мы сейчас не располагаем. Весьма вероятно, что оно было уничтожено им самим, когда он ушел из придворной службы и когда в нем укрепилась идея о панегирической поэзии как поэзии лести и личной корысти, как поэзии, глубоко унижающей личность человека – поэта. Бесповоротно утеряны, наверное, его произведения «Бустан ал-укул» («Сад разумов»), «Китаб аджаиб ас-сан'ат» («Книга чудес искусства»), «Китаб ихтиёр ал-имам ва ихтиёр ал-иман» («Книга об избрании имама и избрании веры»), «Гараиб ал-хисаб ва аджаиб ал-хуссаб» («Диковины арифметики и чудеса арифметиков»), «Китаб лисан ал-олам» (Книга о языке мира»), а также «Китаб ал-мифтах ва ал-мисбах» («Книга ключа и светильника»), «Далил ал-мутахайирин» («Доказательство для изумленных»), «Китаб ад-далаил» («Книга доказательств»), упоминаемых в «Джаме' ал-хикматайн»[22] и в «Хон ал-ихван». Ученые ныне не располагают и «Девоном» арабских стихов Носири Хусрава, о существовании которого свидетельствует он сам:

[22] Носири Хусрав. Джаме' ал-хикматайн. Изд. 2-е. – Техрон, 1363. С. 137; 306.

Читай оба моих дивана, чтобы увидеть,
Что я одного уровня с Унсури и Бухтури.[23]

Но и сохранившихся трудов мыслителя достаточно, чтобы признать его крупным философом, поэтом и писателем, сыгравшим важную роль в развитии таджикско-персидской культуры 11 столетия и последующих веков. Чтобы убедиться в этом и дать читателю возможность понять величие Носири Хусрава как философа, поэта и писателя, коротко охарактеризуем сохранившиеся его сочинения, разделив их на три группы.

Первую группу составляют философские сочинения мыслителя.

1. «Зад ал-мусафирин» («Припасы путников»), написано в 1061 г. Сам мыслитель, очень высоко оценив значение этого своего труда, писал:

Одно из моих сочинений «Зад ал-мусафир».
Оно духовности основа и канон.
Если на могиле Платона прочтут его,
Восславит меня самого Платона могила.

«Зад ал-мусафирин» является своего рода энциклопедическим трудом, охватывающим всевозможные вопросы – от чисто философских и теологических проблем до вопросов космологического и космографического характера. В нем автор излагает проблемы гносеологической роли слова и писания, внешних и внутренних чувств, удовольствия и страдания, сущности субстанции и акциденции, души и тела, движения, пространства и времени, излагает гипотезы вечности и сотворенности мира. Вместе с тем автор в этом своем труде уделяет большое внимание анализу теологических проблем – проблем бытия Бога и его атрибутов, пророчества и имамата, воздаяния и наказания, потусторонней жизни и т.д. В связи с анализом этих проблем Носири Хусрав в этом своем сочинении дает критику мно-

[23] Носири Хусрав. Девон. С. 15.

гих школ мысли. Он особенно резко выступает против философии дахритов, утверждавших материальность всего сущего, доказывавших идею вечности материи, отрицавших духовное начало бытия. Он здесь по всем линиям развенчивает философию Абу Бакра ар-Рази.

2. **«Ваджхи дин» («Лицо веры»)**, написано в том же 1061 г. По определению автора, «Ваджхи дин» - это «книга об основах шариата, формуле веры, молитве, посте, закате, хадже, джихаде, вилаяте, повелении и запрете».[24] В ней речь идет и о различных религиозных обрядах: браке, даче милостыни, ритуальном омовении и религиозных праздниках. Вопросы философии, науки, познания и т.п. здесь изложены в духе «Зад ал-мусафирин». Вызывает удивление тот факт, что исмаилитский дух книги выражен не рельефно. Быть может, она позже была откорректирована официальным суннитским духовенством.

3. **«Кушоиш ва раҳоиш» («Разрешение и освобождение»)** представляет собой ответы на тридцать вопросов, заданных Носири Хусраву неким желающим изучить принципы исмаилитской веры и философии. Вопрошающего интересовали проблемы сотворения мира, сущности времени, соотношения субстанции и акциденции, материи и формы, души и тела. На все эти вопросы Носири Хусрав отвечает в духе «Зад ал-мусафирин», что свидетельствует о неизменности его религиозных и философских позиций.

4. **«Хон ал-ихван» («Трапеза братьев»)** рассматривает вопросы сотворения мира, появления человека, сущности потустороннего мира, рая и ада, благодеяния и греха, различия духа и души, сил души, тленности тела и вечности души, необходимости пророчества, обязательности соблюдения шариата, рассматривает ступени исмаилитской иерархии – *мустаджиб, мазун, даи, худжат, имам, натик*. В этой работе Носири Хусрав стремился в большей степени, чем в

[24] Носири Хусрав. Ваджхи дин. - Техрон, 1970. С. 4.

предыдущих своих работах, заменить арабскую философскую терминологию таджикскими (персидскими) эквивалентами.

5. **«Джаме' ал-хикматайн» («Гармония двух мудростей»).** Сочинение это написано в ответ на предложение эмира Бадахшана Али ибн Асада прокомментировать и разъяснить 91 вопрос, содержащийся в касыде Ходжи Абулхайсама Джурджани. Книга написана в виде диалога философа с исмаилитским теологом по вопросам доказательства бытия Бога и его единства, тела, души и разума, изначальности, протяженности и вечности мира, сотворения из ничего, разума и знания и т.д. Каждый диалог вокруг этих проблем завершается согласием сторон – гармонией идей философа и исмаилитского теолога. Чтобы привести стороны к гармонии, Носири Хусрав применяет особый исмаилитский метод толкования – *та'вил*. «Джаме' ал-хикматайн» представляет ценность и в том плане, что дает интересные сведения о зороастризме, иудаизме, христианстве, мутазиллизме, каррамизме, дахризме и прочих течениях религиозной и философской мысли.

Однако, не вдаваясь в подробный анализ изложенных в указанных трудах мыслителя идей, отмечу лишь следующее:

- Судя по проблематике религиозно-философских сочинений мыслителя, он является одним из создателей исмаилитской теологии. Но в отличие от своих предшественников, он – создатель исмаилитского калама и теологии на таджикском (персидском) языке. В этом, наверное, следует видеть одну из важнейших исторических заслуг Носири Хусрава. Центральными в его теологии являются проблемы единобожия (монотеизма), пророчества и имамата, ада и рая, воздаяния и наказания и др. Но сердцевиной его теологии все же является учение об абсолютном единстве Аллаха, об абсолютном единобожии (монотеизме). Он считал, что последовательный монотеизм состоит в отказе припи-

сывать Богу какие-либо положительные или отрицательные атрибуты. Исходя из такого понимания монотеизма он доказывал, что учение мутакаллидов – «подражателей» (т.е. суннитов), каррамитов и мутазиллитов о Боге не есть монотеизм, а есть политеизм, ибо они приписывают Аллаху атрибуты и действия его тварей. В частности, обращаясь к каррамитам, он восклицал: «Ты, о мутакаллим, остерегаешься характеризовать Творца одним из атрибутов его тварей, но вместе с тем приписываешь ему другой атрибут тварей. Это и есть твоя ошибка и твой политеизм… Если ты считаешь недопустимым приписать Богу такой человеческий атрибут как невежество, то ты не должен приписать ему … и знание, которое также является человеческим атрибутом… Бога потому нельзя характеризовать атрибутами «невежества» и «немощи», что они суть атрибуты тварей, а не потому, что эти атрибуты низменны. Если дело обстоит таким образом, то нельзя характеризовать Бога, Преславного и Всевышнего, также противоположными этим двум атрибутам качествами, каковыми являются знание и сила, ибо и они суть человеческие атрибуты».[25] Здесь как раз и кроется ответ на вопрос, почему Носири Хусрав не принял ни мутакаллидскую (суннитскую), ни каррамитскую, ни мутазиллитскую версию монотеизма, а апеллировал к его исмаилитскому варианту, называя его «дини хак» - «истинной верой».

- Опираясь на своих идейных предшественников Платона, Плотина, Ахмада Насафи (Нахшаби), Абу Хатима ар-Рази, Абу Якуба Сиджистони и Хамидаддина Кирмани, Носири Хусрав создал своеобразную неоплатоническую философию, ориентированную на ислам. В своем онтологическом учении в соответствии с духом ислама он доказывал сотворенность мира из ничего, отрицал вечность материи, движения, пространства, времени и мира. Сотворен-

[25] Носири Хусрав. Джаме' ал-хикматайн. С. 49 – 50.

ность мира и его возникновение во времени он доказывал через доказательство невечности движения и времени, материи и формы и особую интерпретацию принципа причинности: всё причинно обусловлено, но ряд причинно-следственных связей не может продолжаться до бесконечности, он завершается Богом, который и есть первая причина всего сущего. «Он (т.е. Бог. – М.Д.), - писал Носири Хусрав, - тот, к кому восходит все. Он причина любого сущего. Создание вещи из ничего – это его действие». Но вместе с тем следует отметить, что между исламом и онтологической позицией Носири Хусрава есть и существенная разница: кораническая концепция сотворения мира исходит из того постулата, что Бог есть непосредственный, единственный творец мира. Носири Хусрав же, как и все другие исмаилиты, считал, что Бог сотворил Общий разум, Общий разум создал Общую душу, а Общая душа произвела мир. Но это различие не следует абсолютизировать, ибо в этой неоплатоническо-исмаилитской философии Носири Хусрава Бог есть Всеобщий творец всего сущего, что в принципе совпадает с исламской концепцией Бога-Творца.

- В области гносеологии главная идея Носири Хусрава состоит в признании познаваемости мира. Он был абсолютно уверен, что «все земные вещи – субстанции, растения, животные – вместе со многочисленными своими видами, фигурами, формами, вкусовыми качествами, цветами и разнообразными действиями познаваемы человеком».[26] Эта гносеологическая концепция, имевшая многочисленных ярых противников в лице ученых-захиритов, скептиков и агностиков, усилиями Носири Хусрава и его предшественников пробила себе дорогу в научные круги, стала методологической основой научного знания. В результате естественнонаучное знание в 9 – 11 вв. добилось значительных успехов в творчестве Абу Бакра ар-Рази, Мухаммада Худ-

[26] Там же. С. 11.

жанди, Мухаммада Хорезми, Ал-Фараби, Ибн Сины, Омара Хайяма и др. В философских трудах Носири Хусрава большое внимание уделено анализу гносеологической роли слова, речи, писания, внешних и внутренних чувств, разума и интуиции. Причем следует сказать, что он в истории нашей философии, наверное, является первым мыслителем, осуществившим исследование гносеологической роли слова, речи, писания и рассматривающим гносеологию как пропедевтику философского и научного знания.

- Принципы философской онтологии Носири Хусрава прямо противоположны основоположениям дахритов, считавших все бытие материальным, отрицавших бытие Мудрого Творца мира, утверждавших идею вечности материи, доказывающих, что творцом мира является сама небесная сфера. Носири Хусрав не разделял учения Абу Бакра ар-Рази о пяти вечных субстанциях, невозможности сотворения из ничего, пророчестве, наслаждении и страдании, атомистической структуре тела и т.д. Поэтому он во всех своих философских трудах особенно в «Зад ал-мусафирин» и «Джаме' ал-хикматайн» дает развернутую критику как философии дахризма, так и философии друзей материи, приводя при этом множество цитат и отрывков из их сочинений. Если учесть, что труды дахритов и философские сочинения Абу Бакра ар-Рази не дошли до нас, то работы Носири Хусрава приобретают особую источниковедческую ценность. На их основе можно осветить многие темные страницы истории нашей философии.

Критика Носири Хусравом философии дахризма и «друзей материи» затрагивает и философию восточных перипатетиков, ибо они, подобно дахритам и «друзьям материи», стояли на позициях признания вечности материи, пространства и времени. Носири Хусрав скрытно критикует и теории перипатетиков о материальном происхождении души и ее вечном духовном существовании и о душе как умерен-

ной смеси материальных элементов. Исходя из изложенного можно утверждать, что Носири Хусрав на основе анализа фундаментальных теологических, онтологических и гносеологических проблем и критики основоположений материалистически устремленных философий создал своеобразную систему шиитско-исмаилитского философского калама. Позднее на этих же началах Мухаммад ал-Газзали построил суннитский философский калам.

Вторую сохранившуюся группу сочинений Носири Хусрава составляют его поэтические произведения.

1. «Девон» стихов, состоявший, по свидетельству Давлатшаха Самарканди – автора «Тазкират аш-Шуаро» - «Антологии поэтов», из более чем тридцати тысяч бейтов – двустиший. Но находящийся ныне в обращении «Девон» поэта охватывает немногим более одиннадцати тысяч двустиший. В нем собраны касыды, газели и рубаи – четверостишия Носири Хусрава, написанные им после 1045 г.

2. Рушноинома» - «Книга о свете»; месневи, состоящий из 592 бейтов. Иранский ученый Муджтаба Минави считает, что поэтическая «Рушноинома» не является сочинением Носири Хусрава. Его «Рушноинома» - это трактат «Шаш фасл» («Шесть разделов»), в котором популярно изложено для публики содержание его главных философских трудов.

3. «Саодатнома» - «Книга о счастье»; месневи, охватывающий 300 бейтов и излагающий в поэтической форме основные моральные нормы как положительной, так и отрицательной этики. В последнее время принадлежность «Саодатномы» Носири Хусраву отвергается. М.И.Занд, например, считает, что она принадлежит перу Шарифа Исфахани – персидского поэта 14 в.[27]

Исследователи по-разному оценивают поэтическую ценность поэзии Носири Хусрава. Иранский ученый Мухаммад

[27] Занд М.И. Шесть веков славы. Очерк персидско-таджикской литературы. – М., 1964. С. 112.

Казвини считает его – наряду с Фирдавси, Хайямом, Анвари, Джалаладдином Балхи (Руми), Саади и Хафизом – одним из великих персидских поэтов. По мнению же известного английского востоковеда Эдварда Брауна, «Носир Хусрав был не только поэтом-новатором, но и по учености..., и по смелости мысли, презрению к лицемерам и льстецам, а также свободомыслию он превосходил всех персидских поэтов». Но итальянский востоковед И.Пицци в своем труде «История персидской поэзии» пишет, что «Девон» Носири Хусрава «лишен какой бы то ни было поэтической ценности». Вторя ему, русский востоковед В.А.Иванов настаивает на том, что в «Девоне» Носири Хусрава оригинальных мыслей нет, и его стихи отличаются «деревенской неотесанностью»[28]. В свою очередь, известный индийский востоковед Шиблии Ну'мони считает, что «Носир ввел философию в персидские стихи, но именно поэтому в них нет ничего поэтического».[29]

Не вдаваясь в этот спор, решить который должны ученые-литературоведы, отмечу лишь, что и «Девон» Носири Хусрава и его поэмы «Рушноинома» и «Саодатнома» показывают, что их автор – выдающийся поэт-философ, поэт-мыслитель, обладающий высоким даром поэтического воображения и вдохновения, особым, только ему присущим поэтическим стилем. Он – поэт смыслов и значений и поэтому чрезмерно не увлекается поэтической красивостью стиха; некоторая незначительная шероховатость, наблюдаемая в его поэзии, этим и объясняется. Поэзия Носири Хусрава характеризуется глубоким антипанегиризмом, ярко выраженной этической, религиозной, социальной и патриотической заостренностью, в чем можно убедиться, прочитав включенные в настоящее «Избранное», образцы его поэтического наследия.

[28] См.: Бертельс Е.А. Носири Хисрау и его взгляды на поэзию. – Известия Отделения общественных наук. №4. С.140. – Сталинабад, 1953.
[29] Рипка Ян. История персидской и таджикской литературы. – М., 1970. С. 186.

Третью группу сочинений Носири Хусрава составляют его прозаические произведения, написанные в жанре воспоминания. Это – «Сафарнома» («Книга путешествия») и «Сафарномаи машрик» («Книга путешествия по странам Востока»). Последнее сочинение, правда, считается поддельным и до сих пор не изучено. Что касается его широко известной «Сафарномы», то она есть изложение всего того, что он увидел и зафиксировал в ходе своего семилетнего путешествия по странам персидским, турецким и арабским. Он в этом труде прозорливым оком рассматривает те проблемы, которые были привычны для эпохи. В книге дается точная характеристика географического положения и климата стран, посещенных Носири Хусравом, описываются уровень благосостояния, государственный строй, традиции, обряды, обычаи и образ жизни различных народов. Поэтому она становится своеобразной антологией по географии, истории, этнологии, этнографии и культуре стран, в которых побывал философ, мыслитиель и поэт. Следует также подчеркнуть, что Носири Хусрав своей «Сафарномой» положил начало новой литературной традиции – традиции сочинения воспоминаний, нашедшей продолжение в творчестве Махмуда Восифи, Ахмада Дониша, Садруддина Айни и др.

В работе Абдурахмана Сайфи Озода «Та`рихи хулафои фотими» («История фатимидских халифов») Носири Хусраву приписываются и следующие сочинения: «Канз ал-хакаик» («Кладезь истин»), «Хафт боб» («Семь ворот), «Тафсири Кур`он» («Комментарии к Корану»), «Мир`от ал-мухакиккин» («Зеркало искателей истины»), «Рисолаи офок ва анфус» («Трактат о вселенной и душах»), «Иршод ас-соликин» («Наставление путникам»), «Рисола дар да`вати рухониён ва тасхири кавокиб» («Трактат о вызове духов и подчинении звезд»), «Усули адаб» («Принципы воспитания»), «Шаш фасл» («Шесть разделов») и «Гавхаррез» (« Истече-

ние жемчужин»). Изучение этих сочинений и определние их принадлежности Носири Хусраву было бы большим шагом в развитии носироведения.

В настоящее издание включены «Сафарнома», изданная Е.А. Бертельсом в 1933 году (с незначительной корректировкой М. Диноршоевым текста и комментариев к нему), введение и первые 13 глав «Зод ал-мусафирин», перевод которых впервые осуществлен М. Диноршоевым, а также образцы поэзии Носири Хусрава.

М. Диноршоев

ЗОД -АЛ-МУСОФИРИН
(Бобҳои 1-13)

ПРИПАСЫ ПУТНИКОВ
(Главы 1-13)

Перевод и комментарии
М.Диноршоева

Во имя Аллаха милостивого и милосердного. У него просим помощи.

Хвала Богу – творцу тайной и явной субстанций, властелина места и времени, превышему «когда?» и «где?» Несмотря на то, что он – даритель наших чувств, тем не менее, позволительно, если скажем, что он слышащий и видящий. Повеление – его атрибут, а повиновение и покорность – наш удел. Привет истинному пророку – Мухаммаду – посланнику Аллаха, который есть господин пророков, обладатель доброго разума и правдивого слова.

ВВЕДЕНИЕ[1]

Мы скажем, что рождаемые сущие, такие как растения и животные, возникают в мире благодаря формам, которые не предшествуют основам, являющимся стихиями. Рождаемым сущим на протяжении определенного времени присуща жизнь, основам - нежизнь. Всякая вещь, как из числа людей, так и не из числа людей, достигшая своего совершенства, в меру своего возникновения начинает подвергаться исчезновению. Это подобно тому, что говорит Всевышний Бог о создании и исчезновении людей: "Аллах - Тот, Кто сотворил вас немощными, потом сделал вас сильными, а после этого - вновь слабыми и старыми. Творит Он, что пожелает, ибо Всеведущий Он, Всемогущий"[2].

Мудрецам необходимо исследовать свое состояние о том, откуда они приходят и куда уходят. Они должны поразмыслить, дабы внутренним оком увидели себя ходящими в путешествии, у которого нет никакой паузы и остановки, ибо пока человек находится в этом мире, он не лишен двух видов движения - роста и увядания. Движение же не существует иначе как через время. Время же движущейся вещи бывает двояко: одна ее часть уже прошла, а другая -

[1] В берлинском издании: фасл – раздел, глава. Здесь и далее подстрочные примечания принадлежат переводчику.
[2] Коран. 30:54.

еще не наступила. Между этими двумя частями времени, присущими движущейся вещи, находится граница, которая неделима, как линия, находящаяся между Солнцем и тенью, которая не принадлежит ни Солнцу, ни тени. Ту границу, находящуюся между этими двумя временными частями, по-арабски называют "ал-он" ("теперь"), а по-персидски - "аknун" ("теперь"). Это "теперь" не имеет никакого измерения и никакой протяженности. Оно ("теперь") не относится ни к прошлому, ни к будущему времени. Напротив, это название для той границы, называемой "теперь", стало необходимым из-за изменения состояния движущегося тела. Этой границей отделяются друг от друга два времени движущегося тела. В настоящей книге об этом значении пойдет речь в своем месте.

Поскольку человек на протяжении всей своей жизни находит себя в границе "теперь", постольку его прошлое время ежечасно увеличивается в силу увеличения количества его движения. Время движущейся вещи есть количество ее движений, и будущее ее время будет находиться в состоянии уменьшения. Человек, если он разумный, знает, что он подобен путнику, который на протяжении всей своей жизни ни на миг не может останавливаться, пока не пройдет ту линию, что есть время его бытия, и не проходит все точки "теперь" этой линии. Следовательно, этому разумному путнику следует исследовать [вопрос о том] [3], откуда он пришел и куда будет деваться. И когда он будет знать, откуда он пришел, ему станет известно место, куда он прибудет (и то, в чем он будет нуждаться). Поэтому человек должен приобрести припасы путников, ибо путник без припасов будет на краю гибели. Всевышний Бог говорит: "Запасайтесь на дорогу, поистине лучший припас - благочестие"[4]. В этих словах, говорящих "запасайтесь", в скрытой форме сказано, что вы на-

[3] Слова, заключенные в квадратные скобки, добавлены переводчиком для большей ясности перевода.
[4] Коран. 2:197.

ходитесь в путешествии. Поскольку дело обстоит таким образом, постольку мы большинство людей нашли в неведении в этом вопросе. Невежды народа предали истину забвению, настаивали на аллегориях и высших смыслах Книги Бога, пренебрегали ее внутренними смыслами и значениями, соблазнялись чувственными и материальными вещами, отдалялись от умопостигаемых и изящных вещей. Честолюбцы, выводя различным способом свои капризы из веры, назвали их фикхом. Они назвали знатоков истинных знаний, проницательных людей, искателей истины и различающих вечную устойчивую субстанцию от изменчивой тленной субстанции безбожниками, еретиками, карматами.

Поэтому мы видели необходимость составить настоящую книгу об этих значениях и назвать ее "Припасы путников". Для завершения этой книги просим помощи у Бога при посредничестве господина нашего времени ал-Мустансира Биллаха. При помощи рациональных доказательств и логических аргументов мы покажем мудрецам откуда пришли и куда возвращаются люди. Мы при помощи аятов Божественной Книги - Корана выясним, что пророк (избранный, да приветствует Аллах его и семью его) для того послан к народу, чтобы разбудить спящих от спячки, в которой утопает большинство людей. Невежды народа, которые в силу своей страсти подчинялись мнению и аналогии, потому не смогли постичь Божественную науку, что в имамате, являющемся следствием пророчества, следовали за еретиками и противниками истины. Поэтому они оказались далеки от понимания значения и символов Божественной Книги. Так, Всевышний Бог рассказывает в следующем аяте о своем посланнике, который жаловался ему, Преславному, о народе, отказавшем понять смыслы Корана и настаивающем на притчах: "И скажет посланник [в тот день]: Господи! Воистину мой народ отверг Коран"[5].

Наш завет мудрецам - поразмыслить над этой книгой не спеша, дабы в этом путешествии в ней найти и взять свои припасы. Когда они найдут свои припасы, будут знать, что наш пример в обнаружении этой изящной, трудной и необходимой науки подобен примеру того, кто копает глубокие колодцы и прокладывает большие каризы[6] , дабы вывести воду из-под земли и направить ее в степь, чтобы испытывающие жажду и путники, достигшие ее, от жажды не погибали. Этот источник приятной воды должен быть защищен от сумасшедших народа, дабы они своим невежеством и глупостью не могли его осквернить, замутить, не смешали бы с землей и глиной. Успех при нахождении верных слов по руководству людей обеспечивается Аллахом. Воистину успех и помощь от Бога.

ОГЛАВЛЕНИЕ КНИГИ

Она состоит из двадцати семи глав.

Глава первая. О слове, являющемся знанием для присутствующих.

Глава вторая. О писании, являющемся знанием для отсутствующих.

Глава третья. О внешних чувствах.

Глава четвертая. О внутренних чувствах.

Глава пятая. О теле и его частях.

Глава шестая. О движении и его видах.

Глава седьмая. О душе.

Глава восьмая. О первоматерии.

Глава девятая. О месте.

Глава десятая. О времени.

Глава одиннадцатая. Об образовании.

Глава двенадцатая. О действующем и претерпевающем.

[5] Коран. 25:30.

[6] Каризы – подземные оросительныеканалы.

Глава тринадцатая. О возникновении мира.

Глава четырнадцатая. О доказательстве бытия творца.

Глава пятнадцатая. О творце телесного мира. Что он такое?

Глава шестнадцатая. Об истинном творце. О творении и творце.

Глава семнадцатая. О Слове и Писании Истины, слава Ему Всевышнему.

Глава восемнадцатая. О наслаждении и его доказательстве.

Глава девятнадцатая. О причине существования телесного мира.

Глава двадцатая. О том, почему Бог не сотворил мир раньше того, как его сотворил.

Глава двадцать первая. Об обстоятельствах соединения души с телом.

Глава двадцать вторая. О причинах соединения души с телом.

Глава двадцать третья. О доказательстве специфицирующего при помощи особых аргументов.

Глава двадцать четвертая. О том, что было, есть и будет.

Глава двадцать пятая. О том, откуда пришел человек и куда он возвращается.

Глава двадцать шестая. Об опровержении веры в метемпсихоз.

Глава двадцать седьмая. О доказательстве воздаяния и наказания.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О СЛОВЕ, ЯВЛЯЮЩЕМСЯ ЗНАНИЕМ ДЛЯ ПРИСУТСТВУЮЩИХ

Первую главу настоящей книги потому посвятили разъяснению слова, что при составлении этой книги мы преследуем цель известить мудрецам, откуда люди пришли в этот мир и куда они будут деваться. А это есть знание тайное и трудное и по разъяснению, и по постижению. Знающая душа передает знания другим душам либо посредством слова, либо посредством писания. Познающая душа приобретает знания у других душ либо при помощи чувства слуха, когда говорят, либо при помощи чувства зрения, когда пишут. Слово - превосходнее и изящнее писания, ибо слово мудреца предназначено для присутствующего, писание же в деле познания лучше для отсутствующего. Посредником между обладателем знания и присутствующим является слово, посредником же между ним и отсутствующими - писание. Следовательно, тот посредник, который существует между почтеннейшими по знанию знатоками, является наиболее достойным и изящным, чем посредник между менее почтенными. Стало быть, выяснилось, что слово достойнее, чем писание. А также присутствующие, если что-либо из слова им будет непонятно, могут обращаться к рассказывающему, который другим выражением объяснит слушателю значение, обозначаемое словом. Читатели же писания не могут обращаться к писателю, если что-либо из писанного им будет непонятно, ибо писателя могут не найти. Но и если найдут его, может оказаться, что он не обладатель знания, а только переписчик его. Слово вместе с тем есть рассказ о том, что есть в душе познающего, а писание есть рассказ о его слове. Следовательно, писание есть рас-

сказ, повествующий о том, что заключено в душе обладателя знания. Слово же есть рассказ о том, что есть в душе. Стало быть, выяснилось, что слово превосходнее и изящнее писания. Знающая душа сама по себе не нуждается ни в слове, ни в писании. Она нуждается в них обоих для передачи знания другому при помощи языка, на котором говорит, или при помощи руки, посредством которой пишет. И еще: слушатели слова ошибаются меньше, чем читатели писания, ибо в писании есть множество букв, которые при видении писанного похожи друг на друга[7]. Эти же буквы при слушании не схожи друг с другом. Таким образом, если кто-то написал чего-то и оно похоже на что-то, то читателю писанного становится непонятным, какова цель писателя, написавшего эти слова. У слушателя же, когда он услышит одно из этих имен, не возникает неясности, и он не предполагает, что под этим именем подразумевается какое-либо другое имя. Ибо когда он напишет эти два имени, они окажутся, как мы сказали и показали, похожими друг на друга.

Стало быть, выяснилось, что слово предпочтительнее писания. Идея слова - духовна, писание же телесно. А также скажем, что слово для писания подобно духу для тела. Разве не видишь, что когда при помощи слова извещают искателю значение написанного, он перестает нуждаться в обращении к писанию. Стало быть, скажем, что подобно тому, как слово есть дух писания, подобно этому у значения слова есть свой дух. Разве не видишь, что когда слушатель познает значение, на котором построено слово, он перестает нуждаться в буквах и выражениях того слова! Он отбрасывает все это и берет значение абстрактно. Стало быть, этим объяснением выяснилось, что значение есть дух духа писания, а слово есть тело значения. Писание же есть тело слова. Этим объяснением выяснилось, что значение ближе к слову, нежели к писанию. Цель познания слова и писания - это

[7] Дословно: «буквы», по смыслу – «звуки».

познание значения. То, что ближе к цели познающего, то превосходнее того, что далеко от его цели. Цель познающего - познание значения, а слово ближе к постижению значения, чем писание. Если кто-то спросит: "Что такое слово?", то ответом ему будут наши слова: слово есть упорядоченные имена, в которых заключено значение. Но а если скажут: "Что такое имя?", то мы ответим: имя есть упорядоченные по согласию с некой группой буквы, которые указывают на какой-либо предмет. А если скажут: "Что такое буква?", то мы ответим: буква в слове подобна точке в линии. У буквы нет значения, напротив, - значение находится под буквой. Когда познающий сочетает буквы вместе, он получает имена, известные у некоторой группы людей. Это подобно тому, что у точки нет никакого измерения, но длина, что есть линия, образуется от сочетания точек. И длина называется первым измерением. Скажем, что известные имена суть материя образа слова. Материей образа имени выступают известные буквы. Материей же образа буквы является звук. А материя формы слова - это воздух. Это подобно тому, что материей формы платья является холстина (тик), материей формы холстины - нитка, материей формы нитки - вата, материей формы ваты - элементы. Далее скажем, что слово исходит от человека только при помощи звука. А звук образуется не иначе, как путем освобождения воздуха, заключенного между двумя телами. Пока не существует долгий, т.е. длительный, звук, образ слова не образуется. Пока воздух не будет задерживаться в том, что берет его, и путем давления не высвобождается через узкий проход, долгий звук, являющийся материей слова, не образуется.

Таким образом, человеческое дыхание втягивает воздух в легкие и задерживает его в этом органе. Затем легкие сжимают воздух в грудную клетку, расширяя и сужая по своему желанию проход того воздуха - гортань. В результате

выхода воздуха из легких появляется по каналу гортани долгий звук. Всякий раз, когда сужают гортань, она издает изящный голос, а когда ее расширяют, ее звук становится грубым. Таково предопределение Великого и Всезнающего Аллаха. Затем звук попадает в ротовую полость. Дыхание переводит звук в середину ротовой полости, между зубами, губами и языком, упорядочив его посредством букв. Некоторые звуки, как, например, сокращенные, оно производит через нос, а некоторые через рот, дабы породить буквы отчетливо, ясно, без порока.

Стало быть, скажем, что долгий звук как бы подобен прямой растянутой линии. Говорящая душа при помощи языка, зубов и губ преобразовывает звук в полости рта и путем различных поворотов переделывает его. Эти повороты суть формы букв по слышанию, а не по видению. Каждым трем-четырем буквам, либо большему или меньшему их количеству, дали какое-то имя, которое, будучи слышимым, указывает знатокам языка на некоторую реальность. Инструментом говорящей души, при помощи которого преобразовывают материю звука, являются те вещи, о которых мы говорили, т.е. легкие, воздух, гортань, грудная клетка, полость рта, зубы и язык.

У писания также есть свои естественные свойства. Говорящая душа создала его из некой правильной линии и преобразовала его посредством различных известных форм и видоизменений, как она преобразовывает правильный звук. Инструментом говорящей души при воздействии на правильную линию, сходную с долгим звуком, являются рука, карандаш, чернила и т.д. В этом действии[8] у души есть неорганические посредники, как карандаш, бумага, чернила. Все они суть неорганические посредники, кроме руки, которая также далека от вместилища и центра души - от головного мозга. В действии со словом инструментами

[8] Т.е. в писании.

души являются легкие, грудная клетка, горло, язык, ротовая полость и т.д., которые суть живые органы, стоящие близко к головному мозгу, являющемуся вместилищем и центром души. По этой причине говорящая душа при использовании слова преследует цель, чтобы вещь при помощи слова стала слушателю более известной, чем читателю - при помощи писания, ибо слово ближе к душе и специфичнее для нее, чем писание. Посредники и инструменты души, помогающие ей в производстве слова, стоят к ней близко и являются живыми. Посредники и инструменты писания стоят далеко и не одушевлены. Слово подобно духовному живому, писание же - неодушевленному, телесному. Искатели истины при помощи этого живого духовного посредника быстрее постигают науку, чем при помощи неодушевленных телесных посредников. Таково наше суждение о слове. Теперь при помощи Всевышнего Аллаха и его содействии поговорим о писании.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ПИСАНИИ, ЯВЛЯЮЩЕМСЯ ЗНАНИЕМ ДЛЯ ОТСУТСТВУЮЩИХ

Из всего живого писание есть только свойство человека. Неразумное живое существо участвует с человеком и в образовании речи, и в создании искусств. В изобретении же писания оно не участвует. Но участие других живых существ вместе с человеком в создании речи таково, что каждому из большинства из них свойственен именно ему присущий звук (голос). Этот звук (голос), издаваемый ими, заменяет им человеческую речь. А также большинство бессловесных живых существ при радости и безопасности издают звук, отличный от звука, издаваемого ими при страхе и безысходном положении. Так, домашняя птица, самец которой называется петухом, а самка - курицей, имеет специфический голос. Известно, каков голос петуха при безопасности и радости. Когда же над ним пролетает какая-то другая птица, и он испугается ее и желает предостеречь своих сородичей, то известно, какой он подает голос. Когда же он зовет курицу на корм, и она подходит, то известно, как он ее призывает. Известен его голос и тогда, когда он приказывает ей придти на данное место, сесть и снять свой груз. Стало быть, эти разнообразные голоса, издаваемые при различных нуждах, заменяют речь себе подобным.

Живые существа соучаствуют с человеком и в искусствах. Так, паук ткет себе дом, а пчела создает себе соразмерный, упорядоченный и без изъянов дом. Есть птицы, которые строят себе в дереве лаз и ютятся там. Существуют и птицы, которые из глины строят дом, создают в нем галереи и отделения. Несмотря на то, что они только животные, тем не менее, человек бессилен в их искусствах. Так, шелковичный червь из листьев тутовника создает шелк, пче-

ла из цветов производит мед, а раковина из дождевой воды творит жемчужины и т.д. Стало быть, все это - искусства животных, подобно тому как у человека есть свои искусства. Однако ни одно живое существо в писании не соучаствует с человеком. Писание следует за словом, и оно присуще только человеку. Слово является общим свойством людей, ибо каждый пишущий есть человек, но не каждый человек есть пишущий. А также все писанное есть слово, но не каждое слово есть писанное. Каждый человек, у которого есть эти два преимущества, являющиеся свойствами людей, тот близок к человеческому совершенству. Но слово есть писанное, для которого язык является своего рода карандашом, долгий звук - прямой линией, формы букв - простым воздухом, выполняющим роль доски. Воздух не создает изображения, но принимает их, ибо слово быстро исчезает в воздухе. А писание есть слово, для которого карандаш выполняет роль языка, прямая линия - роль долгого звука, формы букв - доску, поверхность глины и глиноподобных вещей. Глина потому принимает формы, что писанное на ней сохраняется долго. Превосходство писания состоит в том, что при его помощи знание доводится до отсутствующих и от предыдущих поколений передается последующим поколениям. От слова же никто, кроме присутствующих на собрании, не извлекает пользы, разве что путем языкового общения. Достоинство писанного еще и в том, что оно есть слово, в котором письмо, его формы и буквы выполняют роль звука. Стало быть, пока существует письмо, слово пишущего благодаря звуку остается и сохраняется. Тот, чей голос слышат слушатели, не может отрицать, что это я говорю. Следовательно, писанное есть само по себе существующее слово и после того, как произносящий его уже умолк. Глаз для (писанных) форм букв подобен уху для произнесенных форм букв. Но в глазу непишущих есть пелена, которой нет в глазу пишущих, хотя и те и другие в видении форм букв и других видимых вещей равны. Таково и состояние тех, ко-

торые слышат какое-то слово, но не постигают в нем ничего, кроме звука и не познают его значения. Другая группа людей может услышать то слово и познать его значение. Обе эти группы - слушатели по внешности. Но каждый, кто через слово не постигает значение, тот не слышал того слова; в сказанном он не услышит значения и через другого. Это подобно тому, что если кто-то через писанное не познает цель пишущего, то он не увидел и писанного. Тот, кто увидит две вещи равными, но не увидит в них то значение, которое видит другой, по сравнению с тем другим - слепой. Таким же образом, тот, кто одновременно с другим слышит сказанное, но в том сказанном не услышит значения, слышимого тем другим, тот по сравнению с этим другим - глухой. Всевышний Бог в этом смысле говорит: "Пример этих двух сект подобен слепому и глухому, зрячему и слышащему. Разве они равны между собой? Неужели вы не опомнитесь?[9]" Этим объяснением, данном нами, выяснилось, что некоторые люди при зрячем глазе и слышащем ухе являются глухими и слепыми, как об этом говорит Всевышний Бог: "Они глухи, немы и слепы, и к Богу не возвращаются они"[10]. Стало быть, суждение, явно судящее о глухоте, немоте и слепоте слушающих, говорящих и видящих, является доказательством того, что людям необходимо приобрести другие глаза, язык и уши - отличные от тех, что они имеют. Об этом подробно поговорим в своем месте.

Теперь скажем, что слово есть проявление речи, а речь - субстанция говорящей души. Писание для души есть нечто акцидентальное и производное. По этой причине двое ученых, если ставят цель, могут создать письмо (алфавит), которого кроме них никто не может читать. Они могут создать и язык, которого никто, кроме них, не может знать. А также когда говорящая сила маленького ребенка начинает укрепляться, он намеревается говорить и каждой вещи, име-

[9] Коран. 11:24.
[10] Коран. 2:18.

ни которой не знает, пытается дать название. Он намеревается и говорить. Тот, кто не знает или не видел писанного, не стремится и писать, ибо речь для него - субстанциальный божий дар, а писание - нечто искусственное и приобретенное.

Каждому, приступающему к систематическому и постепенному изучению математических наук, становится ясно, что в этих науках у него открываются другие глаза и уши и появляется новый язык, которыми он раньше не обладал. Поскольку люди не слушаются ученых и не утруждают себя учебой, постольку эти глаза у них не открываются, дабы ими увидеть геометрические формы; не открываются у них и те уши, при помощи которых можно услышать рационалистические аргументы. Эти же прирожденные глаза и уши, имеющиеся у него, не помогают ему увидеть и услышать те формы и слова. В этом смысле Всевышний Аллах говорит в следующем аяте о тех, кто не слушал толкователей Его Книги и следовал за своими страстями: "Укрепили мы их так, как не укрепляли вас: даровали им слух, зрение и разум. Но ни слух, ни зрение, ни разум ничуть не помогли им, поскольку отвергли они знамения Аллаха. И поразило их то, над чем они насмехались"[11].

Таково наше суждение о писании, следовавшее за нашим суждением о слове. После этого поговорим о Слове и Писании Божьем сообразно порядку творения. Мы при помощи ясных доводов и удовлетворяющих доказательств выясним для мудрецов, каково Божье Слово и Писание, дабы они знали, что мы истинную веру[12] приняли осознанно, а не по подражанию, что Божественная вера основана на разуме, а не на невежественной деланности, как думают невежды народа.

[11] Коран. 46:26.
[12] Имеется в виду исмаилизм.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О ВНЕШНИХ ЧУВСТВАХ

Человеческая душа постигает посредством чувства слуха и зрения речь и писание, благодаря которым у нее возникает знание. Поэтому вслед за рассуждениями о речи и писании мы повествовали о внешних чувствах. Стало быть, скажем, что пять телесных чувств - это суть органы души, при помощи которых она познает вещи.

Одни из животных чувств превосходнее других. И это превосходство одного чувства над другим определяется его пользой и вредом, ибо животное при помощи этих чувств ищет полезные вещи и избегает вредных. Следовательно, чувство, в котором для животного заключена наибольшая польза, и есть превосходное чувство.

Превосходство чувств неговорящих животных друг над другом не похоже на превосходство человеческих чувств между собой. Напротив, некоторые ~~их~~ них (т.е. животных чувств - М. Д.) совместимы, а другие противоположны. Разъяснение этого суждения состоит в том, что скажем: животному в чувстве осязания, являющегося наиболее общим ощущением в силу его распространенности по всему телу, та польза, что при его помощи животное, постигая страдания и боль, от которых оно может погибнуть, остерегается их. Посредством силы этого чувства бессловесная тварь ищет свою пару ради получения наслаждения от совокупления, дабы рождением потомка беречь свой род от гибели.

В чувстве вкуса животному та польза, что при его помощи оно стремится к своей пище.

Чувство осязания у неговорящего животного превосходнее его чувства вкуса, ибо вкусовое чувство животных яв-

ляется слабым, и потому они находят мало наслаждения. Проголодавшись, они стремятся к пище силой притягивания, а не различием приятной вещи от неприятной. В особенности это касается птиц и рыб, питающихся зернами и глотающих свою пищу, не разжевывая ее. Животные остерегаются боли и страдания силой чувства осязания. Этой же силой они стремятся к совокуплению и сохранению своего рода. Стало быть, правильно, что чувство осязания неразумного животного превосходнее его вкусового чувства.

В чувстве слуха для животного мало пользы. Доказательством правильности этого суждения является отсутствие этого чувства у многих животных, в частности у таких как змеи, рыбы, муравьи, мыши, саранча, и некоторых птиц. Однако по этой причине жизнь и рождение потомка, являющиеся энтелехией этих животных, не обременена какими-либо трудностями. Следовательно, выяснено, что чувство слуха неразумных животных не обладает никаким превосходством и является самым низменным.

В чувстве же обоняния животному та польза, что благодаря ему неговорящее животное узнает свою пищу, остерегается таких вредных для его жизни вещей, как ядовитые травы, соленые воды и сжигающие вещества, и ест те растения, по запахам которых определяет, что они съедобны. Это чувство животных превосходнее многих остальных их чувств. Разве не видишь, что охотничья собака по запаху изыскивает живую птицу, находящуюся в валежниках и нивах, а муравей, почуяв в подземелье запах пшеничного зерна, уроненного поблизости муравейника или на земле, выходит из своего лаза и уносит его.

Много пользы животному от чувства зрения, ибо этой силой оно отличает своего врага от других тварей, подобно тому как обонянием узнает вредные растения. Этим же чувством оно разыскивает себе пищу и остерегается рек, вод, огня, в которых может погибнуть. Таковы пути извлечения

бессловесным животным пользы для себя и отвращения вреда от себя; таково превосходство их чувств друг перед другом.

Но для говорящей души превосходнее всех чувств является чувство слуха, ибо преимущество разумной души над другими душами заключается в том, что она обладает познавательной способностью. А душа, не имеющая слухового чувства, не достигает ни разумности, ни каких-либо математических и метафизических наук. Напротив, немой, лишенный дара речи, выпадает от категории людей. Чувство обоняния же суть самое низменное чувство разумной души, ибо наибольший ущерб от его отсутствия сводится к тому, что лишенный его не постигает благовония. Но этот ущерб возмещается той пользой, что необладающий этим чувством не познает и зловоние. Следовательно, этим объяснением выяснилось, что положение чувства слуха и обоняния по их превосходству и низменности у говорящей и животной души противоположно, ибо если слуховое чувство, как выяснено, у животных является низменным, а обонятельное - превосходным, то у человека, в отличие от бессловесной твари, чувство слуха есть ~~суть~~ превосходное, а обоняние - низменное.

Человеческое чувство вкуса является изящным и могучим. Разве не видишь, что силой этого чувства человек испытывает страсть к вещам, от которых у него, кроме удовольствия и мук голода, возникает наслаждение вкусами, отсутствующее у неразумных животных. Два чувства - осязательное и зрительное, которыми животное предохраняет себя от мороза и зноя, ищет наслаждения в совокуплении, дабы не уничтожился его род, остерегается своего врага, избегает рек и гор, оказавшись в местах, где может погибнуть, и разыскивает себе пищу, - являются общими между бессловесной тварью и человеком.

То, чем специфична говорящая душа, превосходящая

чувство, и чего лишены другие твари - это знание, составляющее преимущество человека над животным.

Знание из души мудреца, находящегося на ступени ангела, как сказано, двояким путем передается в душу невежды, стоящего на стадии животного: первый - постижение речи чувством слуха, второй - чтение писания чувством зрения. Изучив науки, он может перейти из стадии животного в стадию ангела. Стало быть, скажем, что эти два чувства для человеческой души превосходнее других чувств, ибо человеческая душа постигает знания, являющиеся ее совершенством, двумя названными органами. Из этих двух органов сила слуха возвышеннее силы зрения, потому что если некто рождается слепым, то здоровым чувством слуха постигает речь и достигает многие науки, разве только не может представить формы и цвета. Но глухой от роду даже при здоровом чувстве зрения не сможет овладеть даром речи или постигнуть какую-либо науку, кроме усвоения жестикуляцией какого-нибудь ремесла.

Вот поэтому мы и говорили, что совершенство человеческой души заключается в ее способности стать сведущей. Ибо человеческая душа со своего сотворения настроена к усвоению знания, так же как растущая и нарастающая душа - к увеличению и росту. А совершенство растущей души, заключенной в финике, состоит в том, что, развиваясь, он превращается в финиковую пальму. Совершенство же усваивающей знания души состоит в том, что она постигает науку, дающую мудрость. Но человеческая душа приходит в этот мир лишь потенциально мудрой. А то, что из потенции переходит в актуальность, достигает своего совершенства. Раз дело обстоит так, то скажем, что орган, благодаря которому его владетель приобретает совершенство, является для него самым превосходным орудием. Стало быть, эти два чувства, одно из которых - слух, а другое - зрение, являются самыми возвышенными органами говорящей души. Но оба

эти два чувства души бессловесных животных лишены упомянутых достоинств. Говорящая душа, напротив, специфична этими достоинствами и каждый, кто достигает степени наук, его чувства слуха и зрения нарастают с постижением каждой науки. Разве не видишь, что когда человек достигнет ступень арифметики, то ему скажут, какое число является первым, а какое вторым, и что числа бывают несовершенными, как четыре, делители которого суть 1/2 и 2/4, сумма коих составит три, другие - избыточными, как двенадцать, делителями коего являются 1/2, 1/3, 1/4, 1/6 и 1/12, сумма которых равна шестнадцати, третьи - совершенными, как шесть, делители которого суть 1/2, 1/3 и 1/6, сумма коих составляет шесть. Кто видит числа не так, как он видел их раньше, тому если скажут, что каждое число есть половина двух его крайних чисел, то не зная, что это за суждение, не услышит его как истинное. Но когда ему скажут, что это значит, что, например, четыре есть число, состоящее из 1/2 доли пяти и 1/2 части трех, находящихся по двум его краям, то, услышав это, усиливается его чувство слуха. Но когда он достигнет ступень геометрии и скажут ему, что сумма множителей двух сторон квадрата равна множителю радиуса (диаметра) квадрата, не поймет что ему говорят и не обозреет желаемую форму. Тогда будут обучать его квадратной фигуре, которую двумя прямыми разделят на четыре части. Прямой, являющейся ее диаметром, каждую часть еще так делят на две доли, чтобы образовался квадрат в этих четырех квадратах, стороны которого были бы диаметром одного из квадратов. Когда ему покажут эти равные квадраты, он и услышит то суждение и обозреет ту форму. Стало быть, этот слух и это зрение, которых у него раньше не было, возникли благодаря данной науке. Таково состояние нарастания (обострения) чувств слуха и зрения благодаря каждой из наук. Следовательно, доказано, что эти два чувства говорящей души нарастают независимо от других чувств.

У кого повышается научный сан, тот ежечасно становится более зрячим и более слышащим. Но кто останавливается на ступени животного, тот останется слепым и глухим. Он не будет обозревать и слышать то, что ему покажет и скажет мудрец, если даже будет иметь зрячие очи и слышащие уши. Как говорит Всевышний Бог, "у них сердца, не понимающие того, у них очи, не видящие того, у них уши, не слышащие того; они, как скоты - и даже больше, чем они, - блуждают. Таковы люди беспечные"[13]. Беспечным же называют того, кто не осведомлен о вещах, постижение которых для него возможно. Человек имеет возможность постичь науку и каждый, кто мешкает в ее достижении, относится к категории беспечных. Путь мудрецов заключается в том, чтобы не погубить творения творца, настроенные на усвоение наук, отвращением от знатоков божественной науки - пророков, дабы не заслужить вечного возмездия, и в поисках божественной науки сделать свои очи и уши зрячими и слышащими, дабы видеть и слышать все необходимое. Чтобы достичь ступени человека и освободиться от животности, они в слушании всевышней божественной науки и обозрении чудес его творчества не должны довериться телесным, являющимся общими для людей животных. Хвала Аллаху.

[13] Коран. 7:178.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О ВНУТРЕННИХ ЧУВСТВАХ

Человеческая душа постигает находимое в слове и писании значение и овладевает им посредством внутренних чувств. Поэтому после рассуждения о внешних чувствах мы повели речь о внутренних чувствах.

Человеческая душа нуждается во внешних чувствах ради постижения чувственных тел, а во внутренних - для познания рациональных сущих. Чувственнопостигаемое в слове - суть звук и название, обозначенные буквами, а в писании - письменность и буквы. Умопостигаемым же в слове и писании является значение (смысл), а также нахождение реалий, которым соответствуют высказанные и написанные названия.

Познаваемые внутренними чувствами вещи, постигаются при посредстве внешних чувств. Стало быть, скажем, что внутренними чувствами души являются представление, догадка, память, мышление и воспоминание. Кто рождается слепым, не может догадывать и представлять цвета и формы. Точно так же глухой не в состоянии догадывать и осмыслить звуки и мелодии. Следовательно, очевидно, что внутренние чувства человека возникают на основе его внешних чувств. Далее скажем, что внутренних чувств много. Одним из них является догадка, являющаяся движением мысли или первичным движением разума. Догадка следует за чувством и потому бесчувственные сущие не обладают догадкой.

Догадка ошибается больше, чем чувства, ибо люди догадывают многие вредные вещи полезными, а полезные - вредными. Разница между чувством и догадкой состоит в

том, что чувство действует лишь в бодрствующем состоянии, а догадка - как в бодрствующем, так и в дремлющем состоянии. Кроме того, человеческое чувство постигает только присутствующее, а догадка - и присутствующее и отсутствующее. Догадка для животных есть то же, что разум для человека, ибо действие догадки слабее действия разума. Стало быть, целевое движение человека зависит от мышления, являющегося действием разума, а целевое движение животных - от его догадки. Это движение животной души сводится либо к поискам пищи, либо к разыскиванию своей пары, либо к избеганию противника.

Определение чувства заключается в том, что оно есть сила, постигающая вещи посредством [колебания] воздуха. Или скажем, что оно есть сила, принимающая воздействие чувственных вещей, направленных на него.

Сила представления - это сила, которая абстрагирует от материи постигаемые чувственные образы и сохраняет их. Она расположена в передней части мозга. Сила представления передает абстрагированные образы силе памяти, являющейся одним из внутренних чувств и находящейся в задней части мозга.

Сила же воспоминания заключается в припоминании сохраненного в памяти образа. Сначала идет запоминание, а затем воспоминание, ибо пока нечто не запомнится, оно не вспоминается.

Когда сила представления абстрагирует какой-нибудь реальный, словесный или книжный образ от материи и передает его в память, то она (память) сохраняет и сравнивает его с образом, вслед за ним переданным ей представлением. Если она находит предшествующий образ, то узнает, что последний есть тот же самый образ. А если образы не совпадают, то она узнает, что этот образ не тот.

Поскольку силы души не занимают места, и ни одно

место не является их вместилищем[14], постольку она есть вместилище абстрагированных образов, вмещающее бесконечное число образов. Теперь скажем, что сила представления, как внутреннее чувство, абстрагирующее образы от материи, подобна писателю, отделяющему образ слова от ее материи, которая суть воздух и звук, т.е. устраняет воздух и звук от слова и отделяет образы написанного от чернил, бумаги, букв и т.п. Отбрасывая все эти излишества слова, оно записывает этот нематериальный образ в силе памяти. То, что появляется в человеческой памяти, есть духовная книга, написанная душой пером представления на бумаге памяти.

Разве не видишь, что сохраняемые в человеческой памяти записи, лишены слов и букв. Стало быть, они есть не что иное, как абстрагированные образы, отвлеченные чувством представления от увиденных вещей и изображенные в памяти.

Сила воспоминания подобна читателю той книги, ибо она перечитывает записанное в памяти, как только пожелает. Сохраненное же в памяти остается без изменения, как остается записанное, которое одним читается, а другим слушается.

Теперь скажем, что душа при помощи силы воспоминания без проявления всяких звуков и букв может читать ту духовную книгу, которая силой представления записана в памяти. Например, мы можем какую-нибудь суру[15] Корана или оду запечатлеть в нашей памяти, выучить и запомнить, дабы этим знать, что они существуют в памяти, если даже мы их словесно не выражаем и не высказываем.

Этим объяснением выявилось, что подобно тому как для души вовне есть книга и писание, подобно этому для нее и вовнутрь есть книга и писание. А также подобно тому как

[14] Здесь Носири Хусрав вступает в противоречие с самим собой: ведь он же говорил, что сила представления расположена в передней, а сила памяти – в задней части головного мозга (см. выше).

[15] Сура – глава Корана.

для нее вовне есть слово и речь, подобно этому и вовнутрь для нее есть слово и речь. Разница состоит только в том, что внешние книга и писание, слово и речь - суть отображенные материи, а внутренние - образы, отвлеченные от материи. Поэтому познающими отвлеченные образы являются изящные силы, которые суть внутренние чувства, в коих не тесно многочисленным чувственнопостигаемым идеям и познаниям. Все образцы этих материальных образов находятся в телесных ощущениях, которые суть внешние чувства, не постигающие сразу две вещи вместе, а только раздельно. Чувственные тела конкурируют друг с другом во внешних чувствах и им тесно в них, как то, что две буквы не могут быть вписаны в одно и то же место. В духовной же книге без всякого труда и притеснения друг друга вмещается множество различных знаний.

В речи заключена способность пробудить душу мудреца к (познанию) иной речи, чем та, которая разумной душой облечена звуком и воздухом, и иного писания, чем тот, которого душа завивала письмом и разрисовала земными рисунками, дабы когда мы рассуждаем о Божьем Слове и Писании, превосходящих обычную речь и обыкновенные писания, душа объяла бы их и постигла абсурдность представления невежественной толпы о том, что ангелы записывают поступки людей на свитках и в день страшного суда вручат каждому книжку его деяний. Нереально и их высказывание о том, что будто Гавриил явился к избранному пророку - мир ему и его дому - и передал ему стихи Корана при помощи звуков, которые он услышал телесными ушами, ибо звук не возникает иначе как в результате освобождения воздуха, заключенного между двумя телами. Ангел же - не тело, а дух. Дух же не занимает места. Ни что не обладает местом, кроме тела, в котором заключается и из которого освобождается воздух. Представление невежественных людей веры в этом вопросе противоположно Божьему Слову, ибо Всевышний Бог извещает, что Коран для пророка прино-

сится духом. Дух же не тело, а то, что не тело, не может издавать звуки. Стало быть, ангел звуки не издает. Бог извещает этим стихом, что Гавриил низвелся в сердце пророка, а не говорит, что он появился пред его очами и издал звуки: "Поистине он[16] откровение господа миров: Верный Дух свыше низвел его на сердце твое, чтобы ты был увещевающим на ясном арабском языке"[17].

Книгу эту мы составили для искателей истины, а не для несведущих невежд. Этим и завершили настоящую главу.

[16] Т.е. Коран.
[17] Коран. 26: 192-195.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О ТЕЛЕ И ЕГО ЧАСТЯХ

Вслед за рассуждениями о внешних внутренних чувствах необходимо повести речь о теле, ибо все, что душа постигает благодаря внешним чувствам, суть тело. Однако группа мудрецов предполагает, что есть чувственные вещи, которые не являются телом, как цвет, запах, свет и др. Но всеобщая истинная доктрина состоит в том, что все чувственное суть тело. Все что объемлется телом, - все то присуще телу, изящные же качества не соответствуют грубым материям. Как не могут быть телом качества нетелесных вещей, так и невозможно, чтобы качества тел не были телесными. Стало быть, з нание, как качество изящной нетелесной души, не может быть телом. А чернота, будучи качеством грубого тела, неявляющегося душой, должна быть телом.

Тела обладают такими компонентами, которых чувство не постигает, а разум познает их посредством рациональных доводов. Так, чувством не постигается, что запах исходит из таких тел как мускус, камфара и им подобных вещей, отделившись от которых достигает мозга обоняние. Но разум знает, что чувство обоняния обладает паровой природой и постигает пары. Запах мускуса и тому подобных вещей есть пар, который отделился от них и движется в воздухе. Чувство обоняния по знает его благодаря своему родству с ним. Таково и состояние цветов, вкусов, объемистых телом.

Табоиты говорили, что тело бывает двух родов: первый - естественное тело, второй - геометрическое тело. Естественное тело - это тело, которое существует актуально, очевидно по своей сущности и занимает место.

Разъяснение геометрического тела, о котором повествуют геометры.

Геометрическое тело - это тело, существующее в воображении, не обладающее актуальным бытием и не постигаемое чувствами. Как говорят геометры, оно таково: точка есть основа тела, она лишена длины, ширины и высоты. Когда точки расставим рядом друг с другом и соединим их, появится линия, началом и концом которой является точка. И говорят, что линия - это то, что имеет длину, но лишено ширины и высоты. Также утверждают, что когда расположим линии рядом друг с другом, образуется плоскость. Плоскость - это то, что обладает длиной и шириной, но лишено глубины, как поверхность доски. Когда же расположим плоскости друг на друге, из них образуется тело, которое имеет и длину, и ширину, и высоту. Это и есть геометрическое, воображаемое тело.

Но тело никак не может возникнуть из точки и быть познаваемо чувствами, ибо согласно правилам этого суждения, линия, обладающая длиной, образуется из точек, не имеющих ни длину, ни ширину, ни глубину. Невозможно, чтобы из накладывания друг на друга вещей, лишенных длины, возникла вещь, наделенная ею. Не допустимо, чтобы из совокупления двух родственных вещей, лишенных какого-то качества, возникло это самое качество.

Так, не дозволительно, чтобы при соединении двух капель воды, возникла сухость, ибо она в них не заключена. Стало быть, точно так же не допустимо, чтобы из точек, лишенных измерения, образовалась линия или какая-либо мера. Это же самое следует сказать и о плоскости, которая, как говорят, есть нечто длинное и широкое, и образуется из линий, обязательно лишенных длины и ширины. Напротив, это суждение более абсурдно, чем суждение о том, что линия образуется из точек, ибо если плоскость приобрела длину, благодаря тому, что образовалась от протяженности

линии, то откуда она взяла ширину, если составлена из вещей, лишенных всякой ширины. Если образованное от бесширотных вещей, должно быть широтным, то необходимо, чтобы составленное из длинных вещей, не обладало никакой длиной. Из этого их суждения, согласно которому плоскость образована из вещей без всякой ширины, с необходимостью вытекает, что есть широтные вещи, не обладающие никакой длиной. Но это абсурдно. Стало быть, суждение, порождающее абсурдность, само абсурдно. Таково суждение о теле, которое, как говорят, образовано из плоскостей, обладающих длиной и шириной, но лишенных высоты. Но длинная и широкая вещь обязательно является высокой. Это суждение достойно изучения, но не исследования.

Деление сущих на субстанцию и акциденцию.

Мы скажем, что сущие мира бывают либо субстанцией, либо акциденцией. Мерой субстанции является то, что она самодовлеюща по своей сущности, принимает различные противоположности из-за чего не лишается субстанциональности, бывающей устойчивой по своей сути, и ее бытие зависит от нее самой, а не чего-то другого. Акциденция же - это то, что существует в другом, но она не знаменует его элемент. Акциденция сама по себе, без другого, не бывает самодовлеющей.

Субстанция бывает двоякой: первая - телесная, вторая - духовная. Телесная субстанция - это та, которая имеет стороны, растягивается на три направления, т.е. длину, ширину и глубину, ограничена количеством и объемом и обладает серединой, краями и лицевой стороной. Ни одно тело не позволяет другому телу долго задерживаться на его месте; одна его доля не может замещать две его доли; одновременно оно не образует две различные формы и его способность принимать такие соответствующие ему акциденции

как холод и тепло, чернота и белизна и др. не безгранична, т.е. если железо наполняется до предела, то оно более не может наполняться, ибо тело принимает акциденции ограниченно. Особенностью тела является и то, что оно предрасположено к непрерывному соединению и разложению. Бытие субстанции тела имеет два значения. Первое - это то значение, благодаря которому тело становится носителем акциденции. Оно называется веществом и материей. Данное значение в действительности есть страдательная (пассивная) сила, как, например, серебро, заключенное в перстне. Второе - это то значение, благодаря которому проявляется действие, присущее телу. Это значение называется формой. Оно в действительности есть сила, возникающая в страдателе благодаря действию действителя, как, например, форма перстня, сделанная ювелиром на куске серебра.

Стало быть, субстанция составлена из этих двух значений, одно из коих называется материей, являющейся страдательной (пассивной) силой, а другая - формой, которая суть действующая сила.

Доктрина табоитов о теле.

Группа табоитов утверждала, что хотя тело по своей сути образовано из материи и формы, тем не менее материя по субстанциальности превыше формы, ибо она стала непоколебимой благодаря материи. Они говорили, что форма для материи знаменует акциденцию. Поскольку акциденция для своей устойчивости и проявления нуждается в субстанции, а субстанция в своем бытии, непоколебимости и проявлении не имеет потребности в акциденции, поскольку она (акциденция) лишена превосходства субстанциальности. Вот все, что они сказали о состоянии материи и формы. Большинство табоитов сходились на этом и не видели разницу между акциденцией и формой.

Исследование субстанциальности материи и формы.

Но истинное суждение заключается в том, что как проявление акциденции опосредствованно устойчивостью субстанции, так и бытие и непоколебимость субстанций связана с бытием и проявлением акциденции в субстанции. Соединитель субстанции и акциденции, а также материи и формы превратил формы и акциденции и причины бытия и проявления субстанций и материй и благодаря нетленности акциденций и форм сделал их вечными. Ни один из членов этих пар не существует без своей пары. Но бытие формы без материи вероятнее, чем бытие материи без формы, ибо она устойчива благодаря своему производителю и существует в душе без материи. Бытие же материи и вещества без формы невозможно. Напротив, субстанция по своей сути есть форма, а не материя. Так, субстанциальным действием огня являются свет и теплота, которые суть его формы. Стало быть, горение и освещение происходит от огненной формы, а не от материи огня, ибо материя огня та же самая, что и у воды. Раз установлено, что действие происходит от формы, то очевидно, что субстанция в действительности есть форма, а не материя. Но форма нуждается в материи ради проявления в ней, а не ради достижения вечности. Доказательством правильности этого суждения являемся мы сами, сочетающие в себе и материю и форму. Материей для нас являются стихии, которые посредством превращения постоянно выделяются. Подтверждением выделения стихий из наших тел является то, что мы временами нуждаемся в пище. Материя, находящаяся в нас, подчинена форме, но она постоянно покидает наше тело. И когда что-то из материи выделяется из нашего тела, мы ее возмещаем пищей. Стало быть, форма постоянна, а материя изменчива, как, например, дом, построенный из кирпичей. Из этого дома можно ежечасно вынимать старые кирпичи, заменив

их новыми, дабы в течение некоторого времени все кирпичи заменились, а форма осталась бы сама собой.

Различия между формой[18] и акциденцией.

Но различие между формой и акциденцией состоит в том, что когда субстанция теряет свою форму, изменяется и ее состояние. Субстанция удостоилась имени, которое носит благодаря форме, и действия субстанции происходят при ее содействии.

При утрате формы субстанция теряет свое имя и действие и перестает быть самой собой. Акциденция же - это то, при исчезновении чего субстанция остается самой собой.

Форма бывает либо божественной либо искусственной.

Одни формы являются искусственными, а другие божественными. Искусственные формы - это такие формы, как форма меча и перстня, появившиеся в куске железа и серебра благодаря искусству человека. Эти две формы дали имя и действие своим носителям. Возможно, однако, чтобы эти формы лишались своих носителей, а железо, заключенное в мече, и серебро, содержащееся в перстне, - названия перстня и меча, а также проявления специфических для них действий, как то: резать, штемпелевать и украшать палец людей, ибо они заслужили данные названия лишь благодаря упомянутым двум формам, проявившимся в них.

Стало быть, обе они для этих двух субстанций - меча и перстня - являются формой, а для железа и серебра - акциденцией. Разве не видишь, что когда эти две формы устраняются от железа и серебра, то первого не называют ме-

[18] В переводимом издании книги - «чавхар» - субстанция. Но в некоторых других изданиях – «сурат», т.е. форма. Это последнее больше соответствует содержанию текста, где речь идет о различиях формы и акциденции.

чом, а второго не именуют перстнем. Напротив, одно из них есть кусок железа, а другое - кусок серебра. Стало быть, образы меча и перстня для них являются формами, а для железа и серебра - акциденциями. Точно также железность и серебристость для железа и серебра суть божественные формы, а для тела - акциденции. Как эти две божественные формы придали определенность двум видам стихии - железу и серебру, так и те две искусственные формы придали определенность кускам железа и серебра, т.е. мечу и перстню.

Длина, ширина и глубина суть формы, а не акциденции.

Длина, ширина и глубина тела суть формы, а не акциденции. Разве не видишь, что тело становится телом благодаря им. Эти три формы предопределили то действие тела, которое происходит благодаря получению формы, соединению и разъединению. А то, что предопределяет действие вещей, есть их форма, о чем сказали при разъяснении формы меча и перстня. Эти три формы суть первичные формы, к которым возвращаются все тела, оформленные во вторичные формы, как переход меча из мечности в железность, а от нее - в телесность. Стало быть, мечность для материи суть третичная, а для железа вторичная форма. Телесность же - это первичная нетленная форма. Следовательно, ошибалась та группа, которая утверждала, что форма суть акциденция, лишенная и недостойная субстанциальности; что субстанциальности достойна лишь материя.

Стало быть, скажем, что длина, ширина и глубина - это божественные формы тела, охватившие и объемлившие свои материи. Форма есть хранитель своей материи. Материя такой формы не может высвободиться от нее. Но освободиться от акцидентальных форм она в состоянии, как, например, выделение веществ из тела человека и возмещение их пищей, о чем мы уже говорили. Примером же первого

рода форм является форма Солнца и сферы; т.е. формы, присущие этим материям, относятся к тем формам, которые объемлили свои материи и являются их хранителями. Они суть божественные формы.

Деление тела на естественное и одушевленное.

Теперь скажем, что тело, прежде всего, делится на два вида: одно из них называется естественным, а другое - одушевленным. Естественное тело - это тело, которое божественной силой двигается и принуждается (к движению) в трех направлениях или тремя способами. Естественное тело в соответствии с принятием этой принуждающей божественной силы бывает трех видов. Первый вид - это тела принуждающие, двигательная сила коих называется тяжестью, как, например, земля и вода, которые благодаря этой принуждающей силе стремятся и двигаются к центру мира. Второй вид - это тела, двигательная и принуждающая сила которых - легкость. Огонь и воздух благодаря этой силе стремятся и двигаются к периферии мира. Третий вид - это тело, принуждающая и двигательная сила которого является чем-то промежуточным между теми двумя первыми силами. Она круговым движением охватывает и субстанцию тела, которое стремится от центра к периферии мира, и субстанцию тела, движущегося от периферии к центру мира. Это суть сфера.

Но одушевленное тело - это тело, двигаемое силой божественной мощи в противоположные стороны при помощи различных орудий. Первой из этих божественных сил, двигающих одушевленным телом, является сила притяжения пищи, которая двумя орудиями - ветвями и корнями - двигает растения в двух различных направлениях - вниз и вверх. Так, его корень опускается в сторону центра мира, а ветви поднимаются в направлении его периферий. Эта же двигательная сила благодаря божественной мудрости посредством ног, рук и других органов двигает животных

в разные стороны различным движением.

Всякая телесная одушевленная субстанция необходимо должна быть естественной, ибо всякое тело, обладающее душевным разнонаправленным движением[19] , состоит из тех четырех элементов и содержит в себе также движения, присущие этим стихиям. Но не всякая телесная субстанция является одушевленной, ибо у стихий, обладающих естественными движениями, разноречивые движения отсутствуют.

Объяснение превосходства тел друг над другом.

Стало быть, скажем, что естественное тело, разнообразно движущееся естественным движением в разные стороны, должно обладать душой, которая дала ему то орудие, благодаря которому оно движется в различные направления. В действительности мы знаем, что тела, обладающие орудиями, благодаря которым двигаются разнонаправленно душевным движением[20] , являются более совершенными, превосходными и возвышенными по рангу, чем тела, кои не обладают никакими другими движениями, кроме естественного. Это совершенство, превосходство и возвышенность одушевленного тела, обусловленного душой. Стало быть, этим объяснением выяснилось, что мера души, как говорят мудрецы истинной веры и философы, есть совершенство естественного тела, благодаря орудиям. Мы хотели выяснить это общее положение, которое гласит, что душа становится совершенством естественного тела благодаря орудиям.

Движущей и принуждающей силой стремления телак периферии и центру мира является его природа.

Мы уже говорили, что естественное тело - это тело, при-

[19] Т.е. движение, совершающееся благодаря действию души.

[20] В оригинале - «харакоти табии», что значит «естественные движения». Однако по смыслу больше подходит «харакати нафсони» - душевное движение.

нудителем и двигателем которого в трех направлениях является божественная сила. Тела распались на три вида благодаря этой естественной двигательной силе. Природой же называется та сила, которая движет телом. Тело имеет три вида движения, и мы знаем, что ни одно из них имманентно не присуще ему, а происходит по воле принудителя. Ибо если бы движение обусловливалось его сущностью, то все тела двигались бы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О ДВИЖЕНИИ И ЕГО ВИДАХ

Мудрецы определяют движение как изменение сущности вещи, у которой есть сущность, изменяющаяся каким-либо способом [21]. И говорили, что движение имеет шесть видов. Два его вида совершается в субстанции[22], два - в количестве, два - в качестве. Те два движения, которые заключены в сущности субстанции, суть возникновение и уничтожение. Возникновение есть появление вещи из стихий в форме становления. А уничтожение есть возвращение из формы становления к стихиям. Те же два движения, которые существуют в количестве, суть увеличение в сущности вещи и рост в ее числе, а также уменьшение в сущности вещи и недостаток в ее величине. А те два движения, присущие качеству, оказываются акцидентальными. Одно из них - это изменение вещи по форме, как плод, который из зелёности переходит в черноту. Другой его вид - это изменение состояния вещи через изменения ее вкусовых качеств, как кислый плод, который через изменение его состояния становится сладким, или же как теплое, охлаждающееся по своей природе, и т.п. Эти два акцидентальных движения называются изменением и метаморфозой (превращением).

А также сказано, что движение имеет три вида. Одно из них - естественное, другое - принудительное, третье - волевое. Естественным назвали движение стихий и небес. Поскольку движение двух тяжелых стихий - земли и воды - устремлено к центру мира, движений двух легких стихий - воз-

[21] Это определение движения существенным образом отличается от определения Авиценны, который не допускал движение в сущности и считал его акцидентальным свойством тела.

[22] Авиценна не допускал существование движения в субстанции (см.: Диноршоев М. Натурфилософия Ибн Сины. Душанбе, 1985).

духа и огня - направлено к периферии мира, а движение субстанции неба, являющейся ни тяжелой, ни легкой, совершается круговым способом вокруг ее оси, поскольку эти три движения оказываются естественными. Принудительным же движением названо движение, осуществляемое в естественном теле, которое двигают вопреки его природе, как, например, движение камня, брошенного нами в небо, который принудительным образом поднимается в воздух, а по своей природе опускается вниз. Или как движение огня, который мы через железо и камень принудительно направляем вниз. Волевым движением названо движение живых существ, которые двигаются различным образом. Мы скажем, что волевое движение превосходнее как природного, так и принудительного движения. Доказательством правильности этой мысли является то, что человек, двигающийся волевым движением, способен принудить вещь, двигающуюся естественным движением, к принудительному движению и задержать ее от естественного движения. Так, например, он способен воспрепятствовать движению камня, двигающегося естественным движением к центру мира, и принудить его к движению к периферии мира. Стало быть, этим объяснением выяснилось, что производителем принудительного движения является живое существо, двигающееся волевым движением. В телах живых существ принудительное движение возникает после естественного движения, исходящего из душ живых существ, которым принадлежит волевое движение. Как видим, в теле живых существ существуют четыре стихии, состоящие из земли, воздуха, воды и огня. Две из этих стихий в теле живого существа стремятся к центру мира, как земля и вода, а две другие по своей природе устремлены к периферии мира, как горячие пары воздуха и огонь. Воздух и душа живого существа, которому присуще волевое движение, двигает принудительным образом свое тело упомянутыми движениями в разные стороны: если она по-

желает: спускает его (свое тело) вниз, а если захочет - поднимет его ввысь. Таким образом, мы выяснили, что принудительное движение исходит из того, что двигается волевым движением.

Теперь скажем, что движение не бывает больше двух видов. Один его вид - это волевое движение, другой его вид - принудительное. Принудительное движение, как мы разъяснили, исходит от обладателя воли и возникает благодаря ему. Принудительным является и естественное движение. Доказательством правильности этого мнения является то, что движение вещи возникает либо по своему желанию, либо по желанию иного. Известно, что у стихий нет желания, ибо они не живые. Доказательством того, что стихии неживые, является то, что они принимают жизнь. То, что принимает жизнь, не является живым. Ведь мы же говорили, что то, что принимает свет, само по себе не светоносно. Поскольку выяснилось, что стихии мертвы, у них нет жизни, и желание бывает у живого, постольку доказано, что у стихии нет желания. А поскольку у стихий нет желания, постольку они двигаются движением, называемым естественным. Предпосылкой этого доказательства является то, что движение вещи совершается либо по ее желанию, либо по желанию иного. Но доказано, что движения стихий совершаются не по желанию стихий. Стало быть, выяснилось, что движение стихий совершается при помощи желания нестихий. Поскольку движение стихий исходит от желания нестихий, постольку в мире существует что-то, благодаря чему стихии приобретают жизнь. Это нечто является душой, которая есть нестихия. Когда что-то двигается по желанию иного, его движение является принудительным, а не естественным. Следовательно, этим объяснением выяснили, что движение стихий является принудительным и происходит благодаря душе. У тел само по себе нет движения.

Разница между естественным и принудительным движениями, оба из которых совершаются принудительно.

Хотя естественное и принудительное движение имеют одно значение, тем не менее, разница между ними состоит в том, что в естественном движении цель души, как повелителя абсолютного движения, является общей, в принудительном же движении ее цель не общая, а частная. Смысл этого суждения состоит в том, что рост растения и животного при помощи души осуществляется посредством принудительного движения. Разве не видишь, что дерево образовывается с корня и глина при помощи той силы, которая есть дух плода, из-под земли подымается до средины воздуха. Рост же структуры животного обеспечивается изнутри при помощи той силы, которая в нем заключена духом. Над стихиями, из которых образовываются растение и животное, существуют два вида принуждения. Одно из них - соединение частей стихий между собой в растении и животном, дабы все они, будучи раздельными, становились единой вещью. Второе из них состоит в том, что душа двигает эти стихии в растении и животном двумя своими силами, одна из которых - сила роста, а другая - питательная сила; причем она двигает их в стороны, отличные от стороны движения отдельных стихий. Эти движения суть принудительные движения, осуществляемые душой при появлении растения и животного. Цель души при этом действии - частная, ибо цель создания растения состоит в том, чтобы животное в нем нашло свою пищу. Животное вместе со своими индивидами подвержено уничтожению, как подвержены уничтожению виды его пищи, которые суть растения. Раз дело обстоит таким образом, то мы скажем, что цель души создать в стихиях принудительное движение ради появления растения и животного - цель частная. Это есть близкое принудительное движение, т.е. то, что движется принудительным движе-

нием, очень скоро будет двигаться к направлению естественного движения, далекого от принудительного движения, т.е. покой такой вещи возвращается поздно. Выращивание дерева, его подъем вверх и его увядание в определенное конечное время подобно камню, который мы своей силой бросаем в небо и который в короткое время снова опускается вниз. Эти два действия суть принудительные движения. Но подъем камня в воздух и его падение в короткое время совершается при принуждении частной души. Подъем же большого дерева и животного в воздух и их падение в длительное время совершается по принуждению общей души. В данном душой стихиям естественном движении, являющемся, как мы уже сказали, также принудительным движением, душа преследует общую цель. Поэтому это движение не ослабевает и не возвращается, как это бывает с частным принудительным движением. Мы уже это разъяснили.

Доказательство причины бытия движения стихий, являющегося дальним принудительным движением, и почему это так должно быть.

Смысл этого суждения состоит в том, что с исчезновением и уничтожением их индивидов виды растения и животного не исчезают и не уничтожаются. Бытие и сохранение растения, от которого зависит бытие и сохранение животного, обусловлено естественным движением, сохраняемым в стихиях. Недопустимо, чтобы то движение, от сохранения бытия которого зависит бытие сохраняемых вещей, изменялось в короткое время. Или недопустимо предполагать, что поскольку сохранение вида зависит от сохранения индивида, а индивид тленен, то и вид должен быть тленным. Кто-то может сказать, что индивиды - рождающие. Если из-за их уничтожения[23] необходимо следует уничтожение вида, то благодаря их рождению вид необходимым

[23] Здесь в оригинале «бака» - сохранение. Но оно не соответствует смыслу предложения. Поэтому оно нами заменено на «фано» - уничтожение.

образом сохраняется. Поскольку одна из этих двух причин достаточна для объяснения уничтожения через смерть, а другая - для объяснения сохранения через рождение, то отсюда следует, что индивиды всегда тленны, а виды - всегда вечны. Ответом ему будет то, что мы скажем: уничтожение индивидов - необходимое явление, а их рождение - явление возможное. Необходимое и возможное не являются посредниками ни между неизбежностью и невозможностью, ни между бытием и небытием. Необходимое есть неизбежное, возможное же не соответствует необходимому и не равно ему. Стало быть, движение, называемое естественным, есть принудительное движение. Но оно превосходнее движения, понимаемого как принудительное. Точно так же форма тела, имеющего длину, ширину и глубину, превосходнее других форм, заключенных в стихиях, как холод, тепло, влажность и сухость. Следовательно, выяснили, что абсолютное движение свойственно душе, которая есть источник жизни. Тело само по себе безусловно не обладает движением. Стихии же движутся при помощи принудительных движений. То, что движется само по себе, является живым по своей сущности и никогда не погибает. Стало быть, душа, жизнь которой проистекает из ее сущности, не является тленной. Ее движение происходит из ее сущности. О жизни души расскажем в соответствующем месте настоящей книги.

Разъяснение того, что все стихии стремятся к центру.

Теперь скажем, что все движения естественных тел направлены к одной стороне. Эта сторона есть центр мира. Но в силу приобретенных ими форм каждое из них упорядоченно стоит от центра мира на какой-то границе и в каком-то месте. Вещь, движение которой совершается в одном направлении, а у нее есть другие направления, по которым она не двигается, тем не менее, она непременно подчинена этому движению. Принуждение некой вещи осуществ-

ляется только посредством сущности и воли принудителя. Стало быть, стихии подчинены естественным движениям. Доказательством правильности этого суждения является то, что если бы движение на земле лежащего камня к центру воистину не было бы без всякого отклонения принудительным к другим сторонам, открытым для него, то почему этот камень, кроме как к данной стороне, к другим сторонам не двигается?

Если кто-то предполагает, что этот камень потому двигался к земле, что она есть его общее место, а частные вещи склоняются к своим общим началам, то это его предположение ошибочно. Ибо земля по своей целокупности также состоит из частей и все они находятся на той воображаемой точке, которая есть центр мира. Каждая из этих частей земли движется к той точке центра тем же движением и стремлением, что и этот кусок камня, лежащий на земле. Эти частицы земли нагромождены друг на друга и естественным движением толкают друг друга к центру мира. Мужам этой науки[24] известно, что на той воображаемой точке, что есть центр мира, из всей совокупности этой земли не помещается больше чем одна неделимая частица. Стало быть, дело обстоит таким образом, что вся эта огромная земля ищет одну эту частицу и в своей целокупности стремится к ней. Общее ищет частное, а не частное общее. Если у кого-то возникает предположение, что частицы земли ищут свое место и при этом поиске состязаются друг с другом, дабы достичь того места, что есть центр мира, то и это его предположение ошибочно, ибо в центре мира нет больше места, чем место одной неделимой частицы. Стало быть, каким образом это громадное тело помещается в месте, равном точке. Стремление этих земляных частиц к точке свидетельствует о том, что частицы земли не ищут своего общего, и не все они спешат к своему месту. Это свидетельствует так-

[24] Т.е. философам.

же и о силе принудителя, который соединил частицы друг с другом и придал им принудительное движение, несмотря на ту тяжесть, которая вложена им в эту субстанцию.

Доказательство принужденности тела.

Доказательством подчиненности тела по своей целекупности является то, что каждый из элементов стихий в своем месте нагромоздились друг на друга. И поскольку они все из одной субстанции и имеют одну природу, а также одни из них находятся наверху, а другие - внизу, постольку это состояние свидетельствует о том, что каждая из стихий, как мы уже сказали, подчинена своему месту: земля в целом есть одна единая субстанция и стремится к центру мира, она в своем стремлении к центру мира превосходит другие стихии. Из ее совокупности, кроме одной неделимой части, находящейся в центре мира, нет другой частицы, которая исвода и стояние их частиц друг на друге свидетельствует о подчиненности большинства частиц. Ибо все частицы воды состоят из одной субстанции и все они достойны того, чтобы стояли над землей. Частицы воды соединились друг с другом в морских углублениях земли и других местах, дабы некоторые из них касались поверхности, являющейся их местом, а другие, нагромождаясь над ними, соединяются для того, чтобы некоторые из них сверху касались поверхности воздуха. Следовательно, все, что есть вода, является принужденным и на своем месте, разве что за исключением тех частиц, что находятся над землей. Теперь скажем: сторонники учения о стихиях говорят, что воздух легок и поднимается в направлении периферии мира. Но они не принимают во внимание, что воздух, находясь над землей, от нее не отделяется и его нижняя поверхность соединена с поверхностью воды и земли. Некоторая его поверхность также соединена с огнем эфирной сферы. Не все частицы этого великого моря воздуха, расположенного между двумя по-

верхностями, находятся на своем месте. То же, что не находится на своем месте, является принужденным. Стало быть, вся совокупность воздуха является принужденной. У представителя учения о стихиях нет доказательства, чтобы он сказал, что воздух - легок и он стремится к периферии мира, ибо одна его поверхность соприкасается с землей и от нее не отрывается, разве только в том случае, когда некоторая его часть стоящая выше, опускается и занимает место предыдущей части. Мы скажем, что воздух всецело стремится к тому, чтобы осесть на землю. Однако частицы воздуха находятся друг на друге и нижестоящие из них не позволяют вышестоящим опускаться и сесть на землю. Таковы и частицы земли: те из них, что близки к центру мира, не позволяют вышестоящим частицам опускаться к центру мира. На основе доказательного суждения таково и состояние нахождения частиц огня в своем естественном месте, ибо некоторая нижняя поверхность огня соприкасается с верхней поверхностью воздуха. Некоторая же поверхность верхней стороны огня соприкасается с нижней поверхностью лунной сферы.

Принужденность некоторых частиц огня согласно натуралистам.

Представители учения о стихиях говорят, что частицы огня, находящиеся на внешней поверхности, не являются принужденными, а те его частицы, которые не находятся[25] там, - принужденные. Мы говорим, что мир есть общее тело и все эти тела стремятся к центру мира. Частицы нижней поверхности эфирного огня более близки к центру. Они покоятся на поверхности воздуха и препятствуют частицам огня, стоящим выше них, спускаться на их место. Все то, что находится ниже этой поверхности, является принужденным. По обоим суждениям правильно, что большинство

[25] В оригинале – «находятся». Но по содержанию текста больше соответствует «не находятся».

частиц тел суть принужденные. Затем небеса возникли вокруг этих основ[26] и между ними, безусловно, нет никакой разреженности (пустоты)[27]; они все - единое тело и отличаются друг от друга формами своими, а не разреженностью и брешью, существующей между ними. Всевышний бог об этом говорит: "Благословен тот, кто создал семь небес друг над другом. Не увидишь ты в творении Милостивого никакой несообразности. Погляди же окрест: увидишь ли ты [в его творениях] хоть какой-либо изъян?"[28] Затем мы скажем, что движение стихий совершается в меру их форм. Форма земли - это холодность и сухость. В силу этой формы она заслуживает быть более близкой к центру мира, чем остальные стихии. Форма же воды - холодность и влажность, и земля выдворила воду с того места, которое более почтительно для земли, чем для воды. А форма воздуха – теплота и влажность, и вода выдворяет воздух из того места, которое ее достойно. Разве не видишь, что везде, где в земле есть пробоина, там находится воздух; вода, проникая туда, вытесняет оттуда воздух. Формой же огня является теплота и сухость. Воздух препятствует огню спускаться к центру.

Форма небес есть пятая сущность.[29] Движение небес совершается между двумя нисходящими и восходящими движениями. Оно есть круговое движение, при помощи которого небо то нисходит, то восходит. Поскольку мы доказали, что все частицы видов естественного тела опираются на ту воображаемую точку, которая есть центр мира, и они ищут ее своими естественными движениями, ибо каждая частица земли достойна быть в той точке, постольку выяснилось, что эти движения присущи им из-за недостижения того желаемого места. Отстранение вещи от места, которого она желает, не совершается иначе, чем по принуждению.

[26] Т.е. стихий.
[27] Дословно: открытости, просторности.
[28] Коран. 66:3.
[29] Коран. 13:2.

Неистинность суждения о том, что вода и земля стремятся к центру, а воздух и огонь к периферии.

Стало быть, в этом смысле стихии принужденные. Суждение же о том, что "две стихии движутся к центру мира, ибо они тяжелы, как земля и вода, а две другие стремятся к периферии, потому что они легки, как воздух и огонь", является простонародным и школярским. Истина заключается в том, чтобы ты знал, что все частицы мира опираются на центр мира. Но в силу приобретенных своих форм каждая из них не дает другой разместиться в своем месте. Нет разницы между падением камня с воздуха на землю и рассечением им воздуха, дабы достичь своего места, и поднятием части воздуха, находящейся под глубокой толщи воды, чтобы она рассекла толстый слой воды и вышла на ее поверхность. Таково и состояние части огня, которую ты загонишь под воздух при помощи загорающейся вещи, как дрова и т.п. Огонь убегает от этого воздуха и стремится подняться над ним.

Разъяснение того, что нет разницы между камнем, падающим с воздуха, и камнем, поднимающимся из середины воды.

Если ты желаешь подумать, что падающий с воздуха камень отталкивается воздухом к центру, чтобы самому встать над ним, то в воздухе, уходящем под воду, усмотри, таким образом, будто вода поднимает его над самой собой. А если пожелаешь, то скажи, что камень разрывает воздух и опускается вниз, а воздух, рассекая воду, выходит наружу. Если мы мысленно пробурим землю таким образом, чтобы этот проруб дошел до центра мира, то узнаем, что он наполнится воздухом. Следовательно, выяснилось, что воздух не ищет дорогу к периферии мира, а ищет центр мира. Но он не находит дорогу к центру из-за воды и земли, которые благодаря формам, полученным от Мудрого управля-

ющего, более, чем он, достойны находиться в центре. Стало быть, скажем, что центром мира является та точка, которая находится на середине небесного купола. В нем из земли есть одна лишь неделимая частица, другие же ее частицы стали для иных частиц как бы опорами. Так, земля всецело стала опорой воды, дабы воздух не соприкасался с землей. И еще: эфирный огонь находится над воздухом, и воздух стал опорой огня, дабы небесный огонь не упал на воздух. Подобно тому, как воздух заключен под огонь, чтобы огонь не смешался с водой, подобно этому вода стала опорой воздуха, дабы воздух не упал на землю. Земля же стала опорой под воду, чтобы вода не достигла центра мира. Частицы же земли стали опорами друг другу. Мир устроен подобным образом благодаря благоразумию Мудреца. Но большинство людей не сведущи об этом состоянии и не видят опоры, которые Мудрый Творец установил под данным Великим и Высоким Куполом. Вот как об этом говорит Всевышний Бог: "Аллах есть тот, кто вознес небеса на опоры, вам невидимые"[30]. Опора всех частиц мира на ту частицу, которая находится в центре, подобна опоре крыши четырехстороннего дома на колонну, находящуюся в середине дома, на которую падают концы всех балок и переходов дома. Та колонна стоит к этой колонне в прямом отношении, и все грузы падают на нее. Следовательно, эта колонна мира есть та точка, которая находится в его центре. А также скажем: из совокупности всех частиц общего тела, которое есть мир, ни одна частица не покоится, кроме одной частицы, находящейся в центре мира. Для центра мира специфична не одна частица земли, которая находится там; напротив, центр мира - это воображаемая точка, находящаяся посередине Великой сферы, и тяжести земли и воды всегда прямо стоят к сторонам той точки. Поскольку большие текучие воды крупных рек, каналов и мощных се-

[30] Коран. 13:2.

лей перебрасывают сверху вниз глину и камни, а ветры переносят множество сыпучих песков с места на место, постольку тяжелые места земли переменяются. Недопустимо, чтобы тяжесть земли от центра в одну сторону была больше, чем к другим. Ибо диаметр земли подобен перпендикуляру весов. Середина этого перпендикуляра есть центр мира, и груз земли с обоих концов взвешен с достоверностью. Середина того перпендикуляра, подобно крючку неба, подвешена. Когда воды и ветры переводят большие тяжести, из числа глины, песков и вод, из одного конца перпендикуляра в другой его конец, земля в целом из своего места будет стремиться к другому месту, и центр мира из той точки земли перемещается в другую точку; крючок же перпендикуляра земли окажется на том месте, где на обоих его концах груз одинаковый. Подобно тому как середина перпендикуляра подвешена на веревке, и груз на обоих его концах одинаковый, подобно этому если часть груза из одного конца перпендикуляра переносится на другой его конец, то и веревка крючка из места, в котором она находится, должна переноситься поближе к тому концу, куда перенесли груз, дабы перпендикуляр мог уравновеситься. Стало быть, по этому нашему объяснению выяснилось, что та точка земли тогда покоится, когда находится в центре. В другое время она движется к другой точке, к которой она ранее двигалась. Возможно, что все частицы земли одна за другой в течение долгого времени многократно достигают точку центра, что происходит под огромным влиянием воздуха и воды, оказываемым ими на то тело, называемое землей. Приведенные нами доказательства свидетельствуют о том, что движение естественных тел совершается по принуждению, а не по природе. Природа есть имя принуждения. Мы в этой главе уже выяснили разницу между принуждением и природой. Состояние эфирного огня, стоящего в периферии стихий, двояко: либо он опирается на воздух, и воздух

стал опорой между ним и водой, не позволяющей ему опускаться к центру, подобно тому как вода не позволяет воздуху ниспускаться ниже нее; либо небо не позволяет эфирному огню подняться над ним. По этим двум причинам следует, что тот огонь[31] подчинен своему центру и его движение совершается по принуждению, ему доставшемуся.

Состояние плотности и разреженности элементов.

Из всех четырех видов тел[32] наиболее твердым и плотным является земля, которая есть центр. Вода разреженнее нее и стоит выше, чем она. Воздух разреженнее воды и стоит над ней. А огонь разреженнее воздуха и находится выше его. Мухаммад Закарийа Рази в своей книге, названной им "Разъяснение Божественной науки", говорит, что эти субстанции нашли свои формы благодаря соединению абсолютной первоматерии с субстанцией пустоты. В огне субстанция первоматерии смешана с субстанцией пустоты. Однако пустоты в нем больше, чем материи. Он также говорит, что в воздухе пустоты меньше, чем первоматерии. В воде же, говорит он, пустоты меньше, чем в субстанции воздуха. В земле пустоты еще меньше, чем в субстанции воды.

Обстоятельства появления огня из камня и железа.

Говорят, что огонь потому появляется в воздухе, что при ударе камня о железо они более разрежают воздух, чтобы он превратился в огонь. Мы в этой книге поведем речь об этом вопросе, когда дойдем до разъяснения сущности первоматерии и пустоты. Теперь же скажем, что опора друг на друге частиц земли во всех направлениях земли свидетельствует о том, что все частицы земли двигаются к центру. Устремление воды сверху вниз, что находится ближе к центру, показывает, что и вода стремится к центру мира.

[31] Т.е. огонь эфирной сферы.
[32] Т.е. четырех элементов: земли, воды, воздуха, огня.

Полное окружение земли и воды воздухом, являющимся нежной и расплавленной субстанцией, доказывает, что воздух опирается на центр мира. Обхват воздуха огнем со всех сторон и становление его куполом вокруг этих субстанций, связанных с центром, указывает на то, что и огонь опирается на центр мира. Точно так же небеса со всех сторон охватили эти основы и согнулись к центру. Этой своей согнутостью они показывают, что устремлены к центру. Но упомянутые нами опоры препятствуют им достичь центра. Поскольку в центре нет ничего, из чего бы возникли эти субстанции, а также нет места, в котором они пребывали бы (чтобы мы сказали, что они ищут свою основу или место), постольку выяснилось, что движения этих субстанций к центру являются принудительными, а не естественными.

Доказательство и причина движения небес.

Но причина кругового движения, совершающегося по предопределению Мудрого Создателя, состоит в том, что из всей целокупности мира местом покоя является только та воображаемая точка, к которой стремятся все частицы мира. Эта точка, в которой есть частица земли, неизбежно покоится. Это состояние указывает на то, что все частицы мира своим движением ищут покой. Все, что ближе к этой точке, - его движение незначительно, а то, что дальше от нее, - его движение побольше. Великое небо, от движения которого зависит движение всех небес, расположено далеко от центра мира. А то, что расположено далеко от источника покоя, несомненно, не принимает покой. То, что далеко от покоя, то всегда находится в движении. Поскольку мы выяснили, что движение всех природных тел совершается по их желанию, дабы достичь места покоя, постольку и движение неба к покою неизбежно совершается по его желанию. Оно с необходимостью постоянно вращается вокруг источника покоя. Великое небо этим своим круговым

движением показывает, что оно ищет пути спуска к центру. Однако опоры, стоящие под ним, не позволяют ему спускаться. Но поскольку эти опоры изящны, гладки и не претерпевают никакого уменьшения и увеличения, постольку круговое движение соединилось с небом путем убывания его покоя. Покой неба убывает из-за отдаления от источника покоя. Кто может осуществить подобную великую мудрость и подобное устойчивое предопределение, кроме того, кому принадлежат творение и повеление. Так, Аллах говорит: "Воистину, Аллах удерживает небеса и землю, чтобы они не удалились совсем. А если они удалятся, то никто другой их уже не удержит. Воистину -он кроткий, прощающий"[33]

Поскольку нижняя поверхность воздуха лежит на нижней поверхности воды и частицы воздуха вплоть до сферы эфира находятся друг на друге, постольку когда уровень воды понижается, то воздух вместе с ним опускается ниже. Это состояние указывает на то, что воздух также опирается на центр мира и движется в его сторону. Движение частиц земли к центру не заметно, пока они опираются друг на друга. Но движение камня, лежащего на земле, к центру обнаруживается только тогда, когда из-под камня удаляют частицы земли, на которые он опирается. При этом воздух проникает под камень, и ты увидишь, что в это время он движется. Стало быть, движение частиц воздуха также никак не обозримо, пока они не достигают поверхности воды. Их движение обнаруживается только тогда, когда подбрасывают в воздух камень, который по стремлению отличен от воздуха. При посредстве этого камня частицы воздуха отделяются друг от друга в том месте, куда был подброшен камень. Тогда освобождают тот камень, чтобы он быстро ниспускался и отгонял из-под себя частицы воздуха. При этом увидят, каким образом частицы воздуха, находящиеся под камнем, соединяются с верхней поверхностью

[33] Коран. 35:41.

того камня и ускоренно ниспускаются, чтобы не отделяться от него. Тогда, когда камень спускается на воду, поверхность воды отделяет поверхность воздуха, спускающегося под влиянием камня, от камня, и спускающийся воздух не может соперничать с водой, как соперничал камень, спустившийся в нее. Ибо камень превосходнее воды благодаря своей близости к центру мира. Схождение воздуха под влиянием спускающегося камня не имеет иной причины, чем та, что камень вытолкнул из-под воздуха те его частицы, которые находились над тем воздухом, что приходил благодаря воздействию камня. Следовательно, выяснилось, что все частицы воздуха вплоть до Сферы эфира, находятся друг на друге. Они стремятся вниз, но в силу своих форм отстали от места, занимаемого другими стихиями. Это подобно тому, что вода благодаря своей форме отстала от места воздуха и не может встать над ним. Воздух также из-за своей формы не может спускаться на воду.

Доказательство того, что формы элементов возникли по принуждению, а не по природе.

Эти четыре формы, одна из которых есть огненность, вторая - воздушность, третья - водянистость, четвертая - землянистость, относятся к субстанции тела, и все они стремятся к центру. Воздерживают их от приближения к центру мира эти формы. Это обстоятельство указывает на то, что эти формы в них возникли по принуждению, а не по природе, ибо из-за этих форм они отстали от своих стремлений. Стало быть, выяснили, что воздух стремится к центру, а не к периферии мира. Огненность, воздушность, водянистость и землянистость есть вторичные формы первоматерии. Первичной формой для них является телесная форма. Разве не видишь, что когда говорим, что "любой огонь есть тело", - то это истина, а когда говорим, что "всякое тело есть огонь", - то это ложь. Движения тел разнообразились из-за вторич-

ных форм. Если тело из одной формы переходит к другой, то оно также переходит от одного состояния к другому. Так, известно, что если какая-то часть воздуха примет форму воды, то она сразу же отделяется от воздуха и приходит на землю. А то, что из воды примет форму воздуха, сразу отделяется от воды и переходит к месту воздуха. Поскольку все тела мира стремятся к центру, хотя у них нет желания, и не стремятся к другим сторонам, к которым им путь открыт, постольку это обстоятельство указывает на то, что их стремление к одной этой стороне совершается по принуждению по принуждению какого-то принудителя. Образцом этого, как мы говорили раньше, является то, как если кто-то концы четырех балок прикрепит к вершине одной колонны и будет давить на нее. Стало быть, если человек разумен, то знает, что те балки, у которых нет никакой воли, сами к этому тесному месту не прикреплялись, а кто-то их там скрепил. Абсолютное тело из-за указанных форм распалось на четыре вида, и эти виды отделились друг от друга. Хотя они были единым родом, из-за этих форм стали врагами друг другу. Это обстоятельство указывает на то, что эти формы приданы телам неким принудителем, ибо тело есть единая субстанция и недопустимо, чтобы вещь стала своей противоположностью по своей собственной природе. Поскольку некоторые тела приобрели форму огня, а некоторые другие - форму воды, постольку дело выглядит таким образом, что одни тела стали противниками других тел. Невозможно, чтобы кроме как по принуждению некоего принудителя одни вещи становились противоположностью других вещей. Это подобно тому, что по воле кузнеца одни железа выводят других из своего вида и отливают их в ту форму, которую желает кузнец и которая есть в его субстанции. Это и есть самое совершенное суждение. После этого мы упомянем о том, объяснение чего необходимо в связи с движением.

Причина абсурдности доктрины дахрита, считающего небо создателем мира.

Поскольку мы доказали, что у тела само по себе нет движения, постольку стало абсурдным суждение дахрита, который говорит, что небо есть творец мира и всего в нем существующего. Хвала Аллаху.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О ДУШЕ

После рассуждения о движении речь необходимо вести о душе. Ибо движение существует в природном и духовном телах. При суждении, высказанном нами, о движении, мы выяснили, что тело само по себе не обладает движением. Стало быть, возникла необходимость, чтобы мы выяснили, что душа есть субстанция, которой присуще абсолютное движение. Она живая по своей сущности субстанция, является местом форм, восприимчива к знаниям, после гибели индивида и его распада существует сама по себе, является властелином знания и не есть тело. После этого кто желает пусть называет эту субстанцию душой, а кто хочет пусть даст ей другое имя.

Доказательство группы, признавшей душу умеренностью натуры.

Следовательно, мы скажем, что слабые представители народа, не могущие нести тягости изучения знания и не способные творить изящные вещи сообразно их формам, говорили, что душа не есть нечто само по себе существующее, а есть уравновешенность стихий. Она есть то, что оживляет тело животного, и эти действия исходят от нее. Они доказывали правильность этого суждения тем, что говорили: "Когда при сумасшествии, болезни и пьянстве умеренность натуры теряет свое состояние, от души исходят несовершенные действия и она не узнает и не распознает познанного и постигнутого. Затем они сказали, что это обстоятельство есть доказательство того, что присущность этих действий и знаний душе было обусловлено умеренностью натуры. Когда же в душе возник изъян, то появился изъян и в ее действии и знании. Они также говорили, что

когда по незначительной причине возникает изъян в умеренности натуры, то также появляется изъян в знании и поступке человека. Возникает необходимость в том, что умеренность при разрушении тела полностью устраняется. После этого от того познающего и познания ничего не остается, оно полностью уничтожается. Это есть суждение той группы, которая душу после гибели тела не считает существующей.

Абсурдность доктрины тех, кто душу считает умеренностью натуры.

Мы с помощью Всевышнего Аллаха скажем, что умеренность есть то, что в одном теле совмещается без всякого различия достаточное количество частиц стихий. Если какой-то частицы из четырех стихий в теле больше или меньше, чем остальных, то в этом теле нет уравновешенности. Из этого суждения с необходимостью вытекает, что натуры всех людей, даже всех одушевленных сущих, суть одна натура, и все одушевленные сущие, как люди, так и нелюди, основываются на одном без всякого отличия свойстве знания, действия и движения. Ибо во всем жизнь поддерживается умеренностью, которая одна, и все действия исходят из нее. Недопустимо, чтобы в натуре одного человека преобладали теплота и сухость, а в натуре другого - холод и влажность. Очевидное состояние натуры людей в этом отношении сильно отличается от натуры животных, ибо если кто-то истинным путём исследует натуры людей, то он из ста тысяч натур не найдет и двух одинаковых. Но если он обратится к животным, то и в них найдет огромное различие, ибо есть животное, которое рождается в снегах; есть животное, которое находится посредине огня, как земляная жаба и саламандра; есть животное, которое долгие сутки не употребляет воду и, несмотря на жажду, перевозит тяжелый груз, как верблюд; есть животное, которое если час будет

находиться вне воды, умрет, как рыба. Поскольку эти громадные различия в натурах явны, постольку абсурдно суждение того, кто утверждает, что человека оживляет натура и умеренность. Если бы натуры соответствовали друг другу и оживляющим живые существа была бы умеренность стихий, то умеренность была бы акциденцией. Следовательно, акциденция была бы носителем и двигателем субстанции. Если бы это было так, то субстанция была бы акциденцией, а акциденция - субстанцией. Это противоположно тому, что существует. Следовательно, мы доказали, что душа не есть умеренность стихий.

Абсурдность доказательства той группы.

Кто говорит, что душа есть умеренность натуры и приводит доказательство, что при изменении состояния умеренности натуры знания человека из-за сумасшествия и болезни превращаются в незнание, тому мы скажем: почему ты не обращаешь внимания на то, что если человек из состояния сумасшествия, болезни и пьянства приходит в кормальное состояние и восстанавливается его сознание, то те знания вновь к нему возвращаются. И если бы душа, обладающая теми знаниями, была бы умеренностью натуры, то когда умеренность натуры исчезает и некоторые из стихий разрушаются, остальные частицы стихии также теряют свое знание. Поскольку взамен некоторых разрушенных стихий приходят некоторые другие, которые ничего не знают из всего того, что было познано прежними стихиями, постольку с необходимостью вытекает, что новая натура ничего не знает из тех наук, коих знала прежняя натура. И когда натура больного возвращается к умеренному состоянию, она вновь находит свои знания и искусство. Отсюда выяснилось, что умеренность натуры есть своего рода слуга души. Знание и искусство находятся в душе, являющейся источником изящных образов, как умопостигаемых, так и искусствен-

ных. Когда слуга души слабеет, она перестает действовать, а когда вновь обретает силу, начинает действовать. Но лишение души своих знаний в состоянии болезни, пьянства и т.п. происходит потому, что у нее появляется некоторая завеса, мешающая ей выполнять свои специфические действия. А когда завеса ее устраняется, она вновь приходит в свое прежнее состояние. Это подобно светильнику, покрытому чем-то и потому не могущему донести свет до вещей, до которых, не будь той завесы, свет может дойти. Возвращение по какой-либо причине душой своих утерянных знаний указывает на то, что в ее сущности не возник никакой изъян, ибо если бы в ее сущность проник какой-либо изъян, то знания ее уничтожились бы. Поскольку от болезни, являющейся своего рода смертью, душа не разлагается, постольку это обстоятельство указывает на то, что с разложением тела в сущности души никакой изъян не появляется, напротив, она будет существовать сама по себе. Следовательно, мы выяснили, что душа не есть умеренность натуры.

Другое доказательство того, что душа не есть умеренность натуры.

Мы скажем, что стихии путем растворения постоянно выходят из тела животного. Появление чувства голода у одушевленных существ после сытости происходит по этой причине. Стало быть, как некая вещь может быть умеренной, если ее частицы постоянно уменьшаются. Разве что только дахрит скажет, что вся умеренность, присущая вещи, исчезает равномерно путем растворения. Если это так, то с необходимостью следует, что иногда животное более живое, а иногда - менее. Но это абсурдно, ибо пределом жизни является волевое движение. И поскольку состояние одушевленных сущих при голоде противоположно их состоянию при сытости, постольку вытекает, что если их стихии при сытости уме-

ренны, то при голоде неумеренны. Следовательно, если жизнь живых существ связана с умеренностью, а умеренность у них бывает при сытости, то с необходимостью следует, что при голоде они мертвы, что не есть умеренность. Но поскольку душа жива и при состоянии голода, постольку выяснилось, что она не есть умеренность стихий.

Другое доказательство.

Тот, кто говорит, что душа есть умеренность натуры, какой даст ответ на вопрос: что равномерно соединило частицы стихий, дабы они стали умеренными, после того как не были отделены от своей целекупности? Если он скажет, что эти частицы стихий отделяются и смешиваются друг с другом сами по себе, то следовало бы, чтобы все стихии полностью смешивались друг с другом, ибо эти частицы принадлежат тому общему, и тело в целом есть нечто иное, как части общего. Поскольку из совокупности стихий некоторые смешиваются, а остальные по своему состоянию остаются отделенными друг от друга, постольку очевидно, что у этих частиц есть некий смешивающий принудитель. Мы знаем, что форма человека проявляется в семени. Семя есть нечто страдательное, и страдательное неизбежно нуждается в ином, чем оно само, действующем. Ибо недопустимо, чтобы нечто было действующим началом своей сущности; если нечто было бы действующим началом своей сущности, то стало бы необходимым невозможное, ибо необходимо вытекает, что то, что желает возникнуть, существует до своего возникновения. Но невозможно, чтобы нечто было и существующим, и несуществующим. Стало быть, по предопределенной Мудрым Всевышним судьбой долженствует, чтобы у семени была сила, сохраняющая все то, что составляет сущность семени. Когда в соответствующем месте с семенем соединяется подходящая пища, эта сила придает ей форму. Семя живо благодаря той силе, которая

заключена в нем. Стало быть, с необходимостью вытекает, что формообразующая сила, заключенная в том семени, не есть тело, а есть хранитель и формообразующее начало тела. Доказательством правильности этого суждения является недопустимость того, чтобы семя само по себе было бы формообразующим началом своей сущности. Ибо оно состоит из частиц одной субстанции, и ни одна из ее частиц, созидающих формы себе подобных, не превосходит ее частицы, не созидающие формы себе подобных. Недопустимо, чтобы все частицы семени были и действующим, и страдательным началом своей сущности, ибо это невозможно.

Поскольку все семя есть страдательное и принимающее форму начало, постольку с необходимостью вытекает, что в нем есть нечто такое, которое должно быть действующим и формообразующим началом семени. Этим объяснением также выясняется, что это нечто не есть тело. Ибо если оно - тело, то оно, как мы говорили, есть некоторая часть того страдательного начала. Следовательно, мы скажем, что создатель формы, заключенной в семени, не есть тело. Но он - субстанция, ибо тело не принимает форму из акциденции, которая сама по себе не самосуща. У того, что по своей сущности не самосуще, нет движения. Но у сущности, находящейся в семени, есть движение. Стало быть, правильно, что сущность, заключенная в семени, не есть акциденция. А если она не акциденция, то она, безусловно, субстанция. Если у кого-то возникнет сомнение в том, что в сперме человека или другого животного нет какой-либо субстанции, придающей ей форму, притягивающей соответствующую для нее пищу, оживляющей ее, то пусть он поразмыслит над семенами растений и зернами деревьев, субстанция которых очевиднее, дабы увидеть, что в каждом семени и зерне заключена некая сила, притягивающая к себе изящества земли и воды и придающая им формы стихий, в которых они нуждаются. Когда этот некто увидит, что заключенное в пше-

нище значение, отделяющее ее от бытия других вещей, смогло при посредстве огня и воздуха притягивать к себе изящества земли и воды и привести пшеницу из состояния формы стихии к состоянию того тела, с которым она связана, то он узнает, что указанное значение есть субстанция, которая действует на стихии, также являющиеся субстанциями. И когда он находит, что сперма есть человеческое семя, то должен знать, что и в этом семени есть субстанция, которая придает телу, связанному с ним, подобающую форму.

Душа есть ибдаитская[34], а не таквинистская[35] субстанция.

Стало быть, скажем, что субстанция, которая заключена в сперме животных, семенах и корнях растений, называется душой. Она есть некая ибдаитская субстанция. А то, что является ибдаитской субстанцией, не может быть частью чего-либо. То же, что не есть часть чего-либо, его сила бесконечна. Разве не видишь, что она в семенах и спермах бесконечна в меру сил индивидов. Если кто-то скажет, что из одного зерна пшеницы может появиться столько пшеницы, что заполнится Великая сфера, и каждое вновь возникшее зерно будет обладать тем же действием и той же силой, что и первичное зерно, из которого они возникли, то это - истинно. Но если бы душа была бы умеренностью стихий, которая ни тепла, ни холодна, ни влажна, ни суха, то в живых существах нет умеренности, ибо их состояние противоположно этому и каждая стихия в них проявляется по отдельности.

[34] Ибд – творение из ничего, творение без посредства материи и времени. Следовательно, ибдаитская субстанция – это субстанция, сотворенная из ничего и вне времени.

[35] Таквин – создание из материи и во времени. Стало быть, таквинистская субстанция – это субстанция, созданная из материи и во времени.

Другое доказательство того, что душа не есть умеренность натуры.

Если бы стихии в телах живых сущих были бы равномерными, то не следовало бы, чтобы живое существо было на земле. Также не следовало бы, чтобы оно поднялось в воздух. Но следовало бы, чтобы живое существо не находилось ни на земле, ни в воде, ни в воздухе, ни в огне, ибо каждая из этих стихий противоположна умеренности. Но поскольку живое существо находится на земле, постольку это есть доказательство того, что в нем преобладают частицы земли. Это само по себе очевидное состояние. Но если бы душа была бы умеренностью натуры, и стихии в живых сущих были бы равномерными, то не следовало бы, чтобы из тел животных исходил влажный пар, ибо пар исходит из воды при помощи огненной силы. И если огонь не преобладает, то вода от него не убегает. Но поскольку пар исходит из животного, то это указывает на то, что в нем тепло преобладает над влажностью. Стало быть, если преобладание тепла в животном очевидно, то каким образом оно может быть уравновешенным? Если бы душа была бы умеренностью натуры, и стихии в животном были бы равномерными, то ни одно животное при помощи трения не должно стать теплым. Но все животные крупного сложения при трении становятся теплыми. Если частицы стихий в животных равномерны, то почему земля притягивает их к себе, а огонь эфирной сферы и простой воздух их к себе не притягивают. То, что люди и другие животные находятся над землей, не стоят над воздухом и не могут подняться к центру огня, то это обстоятельство указывает на то, что частиц воздуха и огня в них меньше, чем частиц земли и воды. Раз дело обстоит таким образом, то эта вещь не уравновешенна, и частицы стихий в ней не равномерны. Следовательно, очевидно, что душа не есть уравновешенность. Если б душа была бы умеренностью натуры, и стихии в каждом животном

были бы умеренными, то, по словам дахрита[36], человек как одно из уравновешенных сущих был бы говорящим и познающим [животным]. И если это знающее и говорящее животное является умеренным, то незнающее и неговорящее животное - неумеренное, ибо незнающее и неговорящее противоположно знающему и говорящему, подобно тому как неумеренное противоположно умеренному. Поскольку неумеренное и умеренное оба являются живыми существами, постольку это указывает на то, что душа, от которой зависит жизнь живого, есть не что иное, как умеренность.

Другое доказательство того, что душа не есть уравновешенность натуры.

А также очевидно, что стихии распространены по телу животного. В одном его месте преобладает тепло, как в сердце, являющемся источником теплоты. В другом его месте преобладает холод, как в кончиках пальцев, над которыми из-за холода затвердели ногти, потому что они далеки от источника тепла. В другом месте тела преобладает влажность, как в желудке, в котором постоянно находится вода. А в другом его месте преобладает сухость, как в голенях. Стало быть, каким образом вещь может быть умеренной, если ее состав многоразличен и, как мы сказали, частицы стихий в ней разнообразны? Поскольку стихии поступают во все тело животного и путем растворения выводятся из него, постольку необходимо, чтобы у частиц стихий этого образования был некий познающий и распределяющий. Он должен быть чем-то иным, чем стихии, ибо подобно тому как во всем теле должна быть некоторая доля влажности, подобно этому во всем нем должна быть определенная доля тепла, холода и сухости. Некоторые стихии, находящиеся в

[36] Дахрит – сторонник вечности материи и времени. В доисламской нашей философии этого принципа придерживались материалисты-зурванисты, в послеиламской -- дахриты и философы школы «друзей материи» - Абу Бакр ар-Рази (865 – 925) и др.

теле, по способности делить и делиться не превосходят других. Это невозможно, если делящее и делимое одно и то же. Если стихии во все тело направляются теплом, то что же направляет тепло во все тело? Если скажут, что направляющим тепло есть некоторая другая натура, то тогда каждый из действующих будет претерпевающим. Но невозможно, чтобы претерпевающее было действующим началом своего действующего начала. Стало быть, стихиям, увлеченным восприниманием даров, необходим некий даритель и распространитель, который не относится к числу стихий, но есть воспринимающий знания, говорящий и оживотворяющий стихии. Он есть субстанция, измеряющая другую субстанцию. Создающим тело является эта субстанция, а не стихии, ибо стихии в теле представляют собой только претерпевающее начало. Наступает время, когда эта субстанция покидает тело. Ее выход из тела без тех значений, которыми она обладает, не сохраняется. Как некто может утверждать, что душа есть умеренность стихий, если равномерные частицы стихий, собравшиеся в структуре человека, делают его говорящим, любознательным, рассудительным, мыслящим, а собравшись в структуре верблюда, они не порождают в нем ни слово, ни расположенность к знаниям, ни образы, ни определения, ни мышление? Когда верблюд живой и мучается жаждой, его состояние противоположно напоенности. В обоих состояниях верблюд живой и является вьючным животным. Но если верблюд страдает жаждой и частицы стихий в нем равномерны, то почему когда он пьет пятьдесят манов воды, равномерная умеренность частиц не меняет свое состояние? Вода и противоположный ей огонь, ранее бывшие в вещах соразмерными, впоследствии в силу преобладания одной из этих стихий становятся несоразмерными. В результате одна из этих противоположностей ослабевает.

Когда ослабевает некая противоположность, то усили-

вается ее противоположность, и вещь теряет свою уравновешенность. Но почему в верблюде, испытывающем жажду и выпивающем пятьдесят манов[37] воды, умеренность не исчезает, и он после этого сохраняет свое состояние? Это противоположно состоянию стихий. Однако необходимо, чтобы существовала вещь, в которой частицы стихий были бы равномерны. Но когда в одной из ее основ уменьшается хотя бы одна частица, противоположные частицы этой основы удваиваются, и вещь не сохраняет свою уравновешенность.

Разъяснение того, что жизнь присуща нашему телу акцидентально, а душе - сущностно.

Поскольку мы выяснили, что душа не есть умеренность натуры, постольку скажем, что жизнь нашим телам присуща акцидентельно. Ибо акцидентальное это то, что в вещи то существует, то не существует. Поскольку наши тела то живые, то неживые, постольку мы знаем, что жизнь нашим телам присуща акцидентально. Акцидентальное значение в какой-либо вещи появляется благодаря той вещи, в коей это значение есть некая субстанция. Следовательно, необходимо вытекает, что во время нашей жизни в наших телах есть некая вещь, у которой жизнь субстанциональна. Благодаря этой субстанциальной жизни, присущей той вещи, в наших телах возникла акцидентальная жизнь. Это подобно тому, что когда холодное железо соприкасается с огнем, которому тепло присуще субстанциально, в нем благодаря огню появляется акцидентальное тепло. Поэтому мы назвали душой ту вещь, благодаря которой в наших телах возникла акцидентальная жизнь. Мы с необходимостью познали, что жизнь ей присуща субстанциально. Если мы нашли ту вещь, которая жива сама по себе, и другая субстанция оживляется благодаря ей, то познали, что она есть субстанция сама по себе, а не есть одна из акциденций. И поскольку мы на-

[37] Ман – мера веса, разная в разных странах (от 3 кг до 12 кг).

шли смертным живого, жизнь которого акцидентальна, постольку познали, что то, что обладает субстанциальной жизнью, является бессмертным. Стало быть, выяснилось, что наша душа жива по своей сущности и бессмертна. Поскольку мы раньше доказали, что движение тела является принудительным, и у него кроме принудительного нет другого движения, что в вещах движение возникает благодаря двигателю, обладающему волей, что наше тело находится в движении, постольку выяснилось, что движение наших тел есть движение принудительное, исходящее от души. Движение души есть волевое движение, и она сама представляет собою живую двигающуюся субстанцию. Если душа живая субстанция, то следует, что абсолютное движение присуще душе и ее жизнь носит субстанциальный характер.

Душа есть место нахождения образов.

Поскольку человек способен отражать в материи словесные, писанные и искусственные образы, извлекать при помощи воображения от материи чувственнопостигаемые образы, сохранять в силе памяти эти образы, дать в своей душе место известным образам, не смешивая одни известные образы с другими, постольку выяснилось, что человеческая душа есть местопребывание абстрактных образов. Доказательством правильности нашего суждения о душе как местопребывании образов является то, что человек, впервые увидев кого-то, не узнает его, ибо сила воображения человека еще не отвлекла его образ от материи и не сохранила в своей силе памяти. Но если человек раньше видел кого-то и вновь увидит его, то непременно узнает его, ибо сохранил в своей душе его отвлеченный образ. И если он вновь увидит его и находит этот последний образ соответствующим предыдущему, то скажет, что этот образ есть тот образ. Это и называется узнаванием. Поскольку мы доказали, что жизнь тела зависит от души, постольку следует,

что жизнь души есть сущностное явление. То, у чего жизнь сущностна, то не умирает. А то, что не умирает, то нетленно. Стало быть, доказано, что душа после гибели тела сохраняется и остается живой. Поскольку человеческая душа расположена принять посредством имеющихся у нее чувств образы данных, постольку выяснилось, что душа есть материя[38] образов каждого знания. Это подобно тому, что тело есть материя искусственных образов (форм). Тела в этом мире приняли разнообразные формы таким образом, что одни из них имеют форму огня, другие - форму воздуха, третьи - форму воды, четвертые - форму земли, пятые - форму небес, шестые - форму звезд. Все это в целом суть тела. В этих телах вслед за указанными формами следуют формы рождающихся сущих, появляющихся из растений, животных и минералов. Форма в теле появляется не иначе как через движение. Мы раньше доказали, что у тела самого по себе нет движения. Отсюда стало очевидно, что форма придается телу носителем движения. Поскольку мы доказали, что сущностное движение присуще только душе и оно является волевым, постольку выяснилось, что форма придается телу душой. Следовательно, стало очевидным, что душа есть носительница искусства. Поскольку тело само по себе не обладает движением, и источником движения является душа, постольку также доказано, что душа не есть тело.

Разъяснение атрибутов отвлеченной души.

Стало быть, мы выяснили, что в нас есть живая сама пор себе субстанция. Она бессмертна, движется сущностным движением, есть местопребывание отвлеченных образов, является обладателем искусства, способна усвоить знания, после гибели тела нетленна и не является телом. У нас эта субстанция называется душой. В начале этой главы мы условились, что докажем существование этой субстанции, обла-

[38] Т.е. носитель образов.

дающей данными атрибутами. В соответствующем месте этой книги мы с помощью Всевышнего Аллаха подробно расскажем об обстоятельствах и причинах прихода души в этот мир и ее соединения с телесной субстанцией.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О ПЕРВОМАТЕРИИ

Мы доказали, что творящим началом является душа, а творимым - первоматерия. Поэтому после доказательства [бытия] души необходимо сказать несколько слов о первоматерии.

Первая материя - эта та, которая обладала такими исходными формами, как длина, глубина и ширина. Группа мудрецов говорила, что материя суть изначальная субстанция, для которой форма представляет не что иное как акциденцию. Об этом мы упомянули при наших рассуждениях о теле и разъяснили, что форма по субстанциальности превосходнее материи. Ибо действие принадлежит душе, а не материи. Форма есть отличитель и производитель сложного сущего, называемого телом. Первая материя без формы не существует. Форма же без первоматерии, в отвлеченном виде, существует в душе. Первоматерия пассивна и изменение ее состояния зависит от формы. Следовательно, то, что изменяет состояние чего-то, по субстанциональности превосходнее того, что является только носителем состояния. Стало быть тело есть пассивная, чувственная, а душа - активная, разумная субстанция. Тело сложено из первоматерии и формы. А поскольку душа есть место рождения форм, постольку выяснилось, что первоначальные формы первоматерии, определяющие ее телесность, даны душой, которая построила форму для создания других форм при сотворении мира и его царств Славным Божеством. Подчиненность тела душе, благодаря чему она создает из него частные формы царства природы, его переход из одного состояния в другое под ее воздействием, свидетельствует о том, что оно телесно и приобрело такие первичные фор-

мы, как длина, ширина и глубина, благодаря душе.

По предопределению Бога (являющегося создателем разума и души) душа при посредстве этих форм привела материю из состояния нечувственности в состояние чувственности... Следовательно скажем, что не одобренное разумом не обладает бытием. Разум познает вещи через их формы. Поэтому он не может доказать существование бесформенных сущих. Материя без формы не обладает определенностью. Стало быть она [без формы] не существует, в то время как форма без материи налична в разуме. Стало быть, форма приводит материю из неизвестного состояния в известное состояние. Сущность абсолютной материи нельзя себе представить, если душа при помощи разума с самого начала не докажет ее существование через форму...

Сторонники материи,[39] такие как Эроншахри,[40] Мухаммад Закарийа Рози и другие, говорили, что материя суть изначальная субстанция. Мухаммад сын Закарийи установил пять изначальных субстанций: первая - материя, вторая - время, третья - место, четвертая - душа, пятая - Славный и Всевышний Творец.

Он говорил, что абсолютная материя состоит из неделимых частиц, которые обладают определенной величиной. Ибо частицы, не имеющие величины, при соединении не могут образовать вещь, которая обладала бы величиной. А также невозможно, чтобы каждая частица материи име-

[39] Выражение "ashobi haiulo" можно перевести и термином "материалисты". Однако в данном случае мы потому отказались от такого его перевода, что взгляды Эроншахри о материи, времени и месте, изложенные в "Зод-ал-Мусофирин", не соответствуют принципам материализма. Не исключена возможность, что Носири Хусрав не совсем точно их излагает.

[40] Эроншахри – видный философ второй половины IX в., учитель Абу Бакра Мухаммада ар-Рази (865 - 925). По свидетельству Носира Хусрава, он является автором многочисленных трудов, в частности его перу принадлежат "Книга предпочтений" и "Книга знаменитостей". Но, к сожалению, его труды до наших дней не дошли. Поэтому о его философских взглядах мы можем судить только по свидетельствам источников, сохранивших его высказывания.

ла величину меньшую, чем она имеет. Ибо если частица материи имеет, в свою очередь, еще частицу, то тогда сама материя есть сложное, а не простое тело. Но материя, являющаяся основой тела, действительно, есть простая, а не сложная [субстанция].

Доказательство изначальности материи и разъяснение возникновения элементов согласно доктрине Мухаммада Закарийи.

Он говорил, что материя изначальна, ибо невозможно, чтобы нечто самодовлеющее, которое суть тело, возникло из ничто. Такого суждения разум не одобряет.

Он утверждал, что из сильно плотных частиц материи возникла субстанция Земли. Из тех частиц, которые соединены реже, чем воздух, появилась субстанция огня. Из того же, что соединено еще реже, возникла субстанция воздуха.

Он также считал, что если вода уплотняется больше того, что есть, превратится в землю. А части земли, соединенные реже, чем есть, превращаются в воду. Все, что становится реже, чем есть, переходит в огонь. Вот по этой причине при ударе железом о камень издается искра, ибо воздух, заключенный между камнем и железом, освобождается и взрывается. Невежды же думают, что огонь появляется из камня и железа. Если бы огонь исходил из камня и железа, то он сделал бы их как он сам говорящими и светящими, ибо особенность огня заключается в том, что уподобляет себе вещи, в которых находится.

Разъяснение происхождения сфер.

Затем он говорил, что небесные (сферические) тела также синтезированы из тех частиц материи. Однако тот синтез (т.е. синтез земных тел - М.Д.) отличен от этого синтеза (т.е. синтеза небесных тел). Доказательством правильности этого положения является то, что сфера двигается ни к

центру, ни к периферия, ибо её тела соединены между собой не так крепко, как субстанция земли, дабы, подобно ей, стремилась к узкому месту. Вместе с тем она открыта так сильно, как открыты субстанции огня и воздуха, дабы избегать узкое место, в котором не помещается. Прямолинейное движение совершается в этих двух направлениях. Причиной его являются эти два указанные обстоятельства. Потом говорили, что для естественного тела необходимым является естественное движение.

Следовательно, поскольку синтез сферы отличается от этих двух родов синтеза, постольку она двигается, её движение становится круговым. И оно зависит от характера синтеза состава сферы, от того, что одно место для нее не превосходнее другого. В то время как твердому телу более соответствует узкое, а мягкому - широкое (открытое) место.

Далее он говорил, что такие качества тел как тяжесть и легкость, непрозрачность и прозрачность и т.п. обусловлены количеством пустоты, смешанной с материей. Благодаря этому одни вещи бывает легкими, другие - тяжелыми, третьи - прозрачными, а четвертые - непрозрачными, ибо качество - это акциденция. А акциденция не является носителем (предикатом?) субстанции. Субстанция же есть материя.

Из всего сказанного вытекает, что суть доктрины Мухаммада Закарийи Рози составляет (учение) о материи.

Мухаммад Закарийа доказал, что материя изначальна, и невозможно, чтобы что-то возникло из ничего. Он говорил, что творение, т.е. производство чего-то из ничего более ближе к цели творителя, нежели его синтезирование. Т.е. если Бог сразу сотворит человека, то достигнет своей цели быстрее, чем синтезирование человека в течении сорока лет. В этом заключается одна из посылок (этого мужа).

Далее он говорит, что Мудрый Творец от акта, близкого к его цели, не склоняется к акту, далекому от его цели.

Исключением являются случаи, когда более легкий и близкий путь невозможен. Это суть вторая посылка. Затем он говорит, что из этих двух посылок вытекает, что создатель произвел вещи путем творения, а не синтезирования. Но поскольку дело обстоит наоборот, и существование вещей связано с синтезом, а не с сотворением, постольку необходимо, чтобы творение было невозможным. Ибо ни одна вещь в мире не возникает иначе как через синтез стихий, основой которых является материя. Раз ни одна вещь в мире не возникает иначе как от другой вещи, то необходимо, чтобы стихии возникли из чего-то изначального. Это изначальное есть материя. Стало быть, материя изначальна и существовала вечно. Однако она была не сложной, а простой. Доказательством правильности этого суждения, как он говорит, является то, что основа тела состоит из одной вещи, которая есть материя. В общем теле, называемом миром, её частицы пребывают вместе. Одни тела превосходнее других.[41] Это обстоятельство свидетельствует, что материя до синтеза мира не была зависимой (подчиненной). Поскольку она не была зависимой, появилась в связи с её синтезом, постольку до синтеза она была свободной. Когда в конечном счете исчезнет мир, материя останется в свободном виде.

Еще он говорил, что доказательство бытия изначального творца стало необходимым для нас в связи с существованием творения. Следовательно, узнали, что создатель сотворенного существует до него. Сотворенное суть оформленная материя. Итак, почему изначальность творца доказывается посредством сотворенного, а изначальность материи нет?

Тело создано из чего-то по принуждению некого принудителя. Подобно тому как изначальный принудитель существует до принуждения, подобно этому подвергнутое принуждению должно быть изначальным и существовать до принуждения. Оно есть суть материи. Стало быть, материя

[41] Это место допускает и такой перевод: Одни тела находятся наверху, другие – внизу.

изначальна. Таковы рассуждения упомянутого философа об изначальности материи.

Абсурдность [идеи] изначальности материи.

Наша точка зрения по этому вопросу состоит в том, что мы говорим: "Это порочное убеждение и слабое, шаткое основоположение. Оно суть необоснованный принцип по двум причинам: Первое - по той причине, что это противоречит Божьему слову. А всякое высказывание, противоречащее Божьему слову, не подтверждается [принципом] творения, который есть божественный акт. Высказывание, правильность которого не засвидетельствовано [принципом] сотворения, не может быть одобрено разумом. Второе - по той причине, что одни претензии этого мужа опровергаются другими его претензиями.

Это убеждение потому противоречит Божьему слову, что Всевышний Бог считает себя создателем Неба и Земли путем творения их из ничего. Он говорит: "Он творец из ничего Небес и Земли"[42]. В другом месте он говорит, что создал людей из ничего. Это выражено словами: " Или они созданы из ничего, или они сами создатели."[43] .

Противоречивость суждений Мухаммада Закарийи.

Всякий, кто отрицает Божье слово, переданное людям при посредстве Мухаммеда Мустафы, тот отрицает свои суждения. Кто своими суждениями отвергает суждения пророка божьего, тот отвергает и собственные суждения, ибо

[42] Коран. 2:117; 6: 101. Во всем Коране только в этих двух случаях Бог назван Творцом из ничего (Бади'). Во всех же остальных случаях Он именуется Холик – Создатель вещей при посредстве материи и времени.
[43] Коран. 52:35. Этот коранический стих не подтверждает, однако, мнения Носира Хусрава о сотворении Богом людей из ничего. Его мнение не соответствует и тем аятам Корана, где говорится, что Бог создал (халака) человека из глины (6:2; 7:12; 15:26; 28, 33; 20:55 и др.), сгустка крови (22:5; 23:12-14; 96:2) и семени (16:4; 18:37 и др.).

претендует быть пророком. Следовательно, отрицание им пророчества по сути дела есть его признание. Поскольку отрицание им пророчества есть его признание, постольку этим признанием доказывается наличность пророчества...

Следовательно, истинная вера и правильное суждение состоит в том, что скажем: "Бог один и все субстанциальное сотворено им. Он из ничего соединил материю с формой. Творение, конечно, истинно и присуще Богу. Он суть Создатель, и творение есть выражение его всемогущества. Его творящее всемогущество двояко: первое - создание из ничего вещи, благодаря которой возникают другие предметы. Она есть тело. Второе - создание из нечто (которое есть тело) таких вещей, как царство природы, которое имеет два вида. Один из этих видов является идеальным и живым сам по себе. Это - душа. Другой вид материален и оживотворяется тем, что является живым сам по себе. Это суть тело, которое оживотворяется душой.

Теперь перейдем к объяснению этого взгляда, исправив несостоятельность воззрения сына Закарийи Рози убедительными фактами, рациональными доказательствами и научными аргументами. Мы с помощью Всевышнего Бога также исправим необоснованность основоположений и слабость принципов его слов и суждений.

Скажем, что Мухаммад Закарийа Рози утверждает, что материя изначальна и она состоит из предельно мелких и простых частиц. Всевышний Бог составил мировые тела из этих частиц путем сочетания пяти составных [элементов]: земли, воды, воздуха, огня и сфероида. Он утверждает, что твердые тела непрозрачны. Все тела составлены из частиц материи и пустоты, т.е. абсолютного места. В составе земли частиц материи больше, чем в составе воды. Частиц пустоты в земле меньше, а в воде больше. Вот потому вода легче земли, нежна и прозрачна, а земля тверда и темна.

Точно так же частиц материи в воде больше, чем в воздухе, а частиц пустоты в воздухе больше нежели в воде. В воздухе частиц материи больше, нежели в огне. Частиц пустоты в огне больше, чем в воздухе. Различия между телами по легкости, тяжести, прозрачности, непрозрачности обусловлены различиями частиц этих двух субстанций[44] в их составе. Таковы тезисы упомянутого нашего противника.

Опровержение воззрений Мухаммада Закарийи об изначальности материи.

Относительно этого утверждения, являющегося тезисом упомянутого мужа, мы скажем: высказыванием об изначальности мира он опровергает свой тезис о том, что при соединении таких-то акциденций с материей возникает такая-то форма, ибо изначальное - это то, время чего бесконечно. Если время материи при ее бесформенности было бы бесконечным, то оно не истекало бы. А если данное время не миновало, материя не может достичь формы. Нет выхода из того, что начало времени формообразования материи есть конец времени ее бесформенности. Следовательно время ее бесформенности не бесконечно. Напротив, пределом времени бесформенности материи является тот час, когда начинается ее формообразование. И если бы время бесформенности материи не имело начала, то не имело бы и конца, ибо, по признанию Мухаммада Закарийи, время суть длительность. А длительность есть долгота. Долгота, если не имеет начала, то не имеет и конца. Но, по признанию нашего противника, время бесформенности материи истекло. Это суждение является доказательством того, что оно имеет начало. Следовательно время материи имеет начало и конец. А имеющее временное начало и конец является сотворенным. Следовательно, по признанию Мухаммада Закарийи, материя сотворена. Таким образом, мы правильно

[44] Т.е. материи и пустоты.

указали, что одни его тезисы (соединение материи с формой, следующее за ее бесформенным состоянием, истечение времени бесформенности материи) делают абсурдным другие его тезисы, в том числе об изначальности материи, т.е. безначальности и бесконечности ее времени. Следовательно, скажем, что, если утверждение этого мужа об изначальности материи (а изначальным является то, время чего не имеет начала и конца) верно, то эти сотворенные формы и акциденции к материи не относятся; она находится в прежнем бесформенном состоянии, и ее время не истекало.

А если правильно утверждение этого мужа, сказавшего, что акциденции и форма принимаются материей, то материя сотворена и потому принимает различные состояния. Время того ее состояния, которое было присуще ей до формообразования, истекло, а время нынешнего его состояния истекает.

Следовательно, выявили для разумных, что тезисы этого мужа об изначальности материи и истечении ее времени противоречат друг другу. Противоречивость же есть ложность, и наблюдения над миром не свидетельствуют о ее истинности.

Опровержение суждений Мухаммада Закарийи о различиях стихий, обусловленных частицами материи и пустоты.

Этот муж говорил, что тяжесть и легкость, непрозрачность и прозрачность и другие акциденции вещей обусловлены различием частиц материи и пустоты в составе тел. Наше слово в опровержении этого суждения таково: по утверждению этого мужа в составе тяжелого тела частиц материи больше, нежели субстанции пустоты. Он говорил, что стремление Земли к центру мира происходит по причине недостаточности в ее составе субстанции земли. Причину непрозрачности тела он видит в скудости частиц пустоты в

его составе. Как мы упомянули раньше, этот муж говорит, что при ударе железом о камень поры последнего расширяются и поэтому пустоты в нем будет больше. Появление искры огня в камне обусловлено этим обстоятельством.

Если бы этот принцип, согласно которому все сущее состоит из частиц материи и субстанции пустоты, был верным, то все тяжелое и твердое с необходимостью было бы непрозрачным, а все легкое и мягкое - прозрачным. Однако наблюдения над миром не подтверждают правильности этого положения. Ибо ртуть тяжелее земли, но она прозрачнее и мягче ее. Если мы разотрем куски хрусталя и гагата до получения одинакового их объема и размера, то все же окажется, что хрусталь тверже, прозрачнее и тяжелее гагата.

По словам этого мужа тяжесть, непрозрачность и твердость обусловлены материей, а легкость, прозрачность и мягкость - субстанцией пустоты. Следовательно, поскольку хрусталь тяжелее гагата, постольку необходимо, чтобы в нем было больше частиц материи, нежели в гагате. Но из-за непрозрачности гагата с необходимостью вытекает [мысль] о том, что в нем частиц материи больше, нежели в хрустале. Это, однако, еще более невероятная мысль.

А поскольку хрусталь прозрачнее гагата, постольку необходимо, чтобы частиц пустоты в нем было больше, нежели в гагате. Но из-за того, что гагат легче хрусталя, то в нем частиц пустоты должно быть больше, чем в хрустале. Это также недопустимое суждение.

Принцип, который приводит искателя [истины] к невероятным выводам, не верен. Следовательно, выяснили, что принцип суждений этого мужа слаб и неоснователен.

Разъяснение суждения последователей Мухаммада Закарийи о том, что его суждения относятся к простым элементам, а не к царству природы.

И если последователи Мухаммада Закарии скажут, что эти слова он говорил относительно четырех элементов, а не

о царстве природы, то мы им ответим следующим образом: Этот муж говорит, что кроме частиц материи и пустоты нет ничего такого, из чего могли бы синтезироваться тела. Стихии - это теплота, холод, сырость и сухость. Действие, как упомянули раньше в этой книге, присуще им. Этот же муж отрицает данный принцип и говорит: "Данный принцип есть смешение частиц материи с пустотой". Следовательно, он это говорил относительно и других акциденций. А акциденции, присущие стихиям, свойственны и царству природы. Однако эта аналогия не является постоянной и для стихий, ибо если огнем называется нечто горячее, горящее и охватывающее дрова, то оно темнее воздуха. Разве не видишь, что огонь ослепляет зрение, а воздух - нет. Воздух не светлее[45] воды, ибо обе эти две субстанции по своей сути не обладают светом. Они только принимают свет, причем вода восприимчивее к свету нежели воздух. Разве не видишь, что свет, преломляясь о воду, освещает другие тела, в то время, как воздух вообще не освещается. Он посредством света освещает формы других тел.

Доказательство того, что огонь эфирной сферы не горяч и не светящ.

Если под "огнем" понимают огонь эфирной сферы, находящейся выше воздуха, то он не горяч и не светящ. Доказательством холодности этого огня является то, что от него до земли не доходит никакого тепла, хотя он опоясывает воздушную, водную и земную сферы. А ведь теплота солнца, которое намного выше огненной сферы, доходит же до земли. Геометры знают, что как бы велика ни была солнечная сфера, совокупность эфирной сферы по своей площади во много раз больше нее. Следовательно, как выяснилось, чтобы от солнца, которое по своей площади в несколько

[45] Носири Хусрав здесь ударяется в софистику: Абу Бакр ар-Рази понятия "ravshan" и "torik" употреблял (соответственно) в смысле "прозрачный" и "непрозрачный", Носир же – в значении "темный" и "светлый".

раз меньше эфирной сферы, доходило до земли значительное тепло, а от эфирной сферы, постоянно опоясывающей её, не дошло до неё тепло, и под этой сферой в известных местах существовали сильные холода.

Другое доказательство.

Доказательством холодности эфирного огня является и то, что он не светится. А все, что не светится, не обладает теплом. Доказательством же неосвещенности эфирного огня является то, что он не покрывает свет маленьких звезд и мы собственным глазами видим небо и землю темными.

Следовательно, огонь, который не освещает ни тело, находящееся поблизости от него (это тело есть небо), ни тело, находящееся под ним (оно суть земля), не обладает светом. Поскольку мы установили, что эфирный огонь не имеет ни света, ни тепла, постольку суждение этого мужа о том, что огонь состоит из частиц материи и субстанции пустоты, ошибочно. Абсурдно и его суждение о том, что субстанции пустоты в нем больше, нежели в воздухе. Любое суждение ложно, если оно не подтверждается явлением мира.

Разъяснение того, что в суждении Мухаммада Закарийи есть противоречие.

Скажем, что в суждении этого мужа о том, что тела состоят из частиц материи и субстанции пустоты, есть противоречие. И при всей его проницательности и смышлености это противоречие для него осталось скрытым. Противоречие в этом суждении возникло потому, что он утверждает, что основой вещи являются частицы материи, и недопустимо, чтобы тело возникло из ничего. Он считает материю состоящей из неделимых частиц, не имеющих никакой структуры, и признает, что хотя те частицы неделимы, но не таковы, чтобы каждая из них не обладала никакой величиной, ибо у тела есть величина и недопустимо, чтобы из

тех частиц, не обладающих никакой величиной, возникло нечто, обладающее величиной. И поскольку он сознает, что у каждой из неделимых частиц есть величина, постольку это есть его признание в том, что каждой частице самой по себе присуще место. А поскольку тело состоит из этих частиц, каждая из коих находится в месте, постольку тело, состоящее из них, всецело будет находиться в местах, где находились эти частицы. Теперь тело находится во всем месте. Нет сомнения в том, что тело не нуждается в большем, чем одно, месте. Следовательно, почему он еще говорит, что тело находиться в пустоте? Это подобно тому, что место находится в месте. Но каждый знает, что место не нуждается в месте. Стало быть, когда он говорит о том, что тела мира состоят из частиц материи и субстанции пустоты, его суждение является противоречивым. Ибо та неделимая частица, которую он называет материей, есть не что иное как вещь, существующая в месте. Следовательно, если эта частица сама по себе является одной вещью с пустотой, то она совмещена с пустотой. Отсюда следует, что существуют две пустоты, совмещенные друг с другом. Если они совмещаются друг с другом и становятся одной вещью, то они не суть пустота, а тело, ибо совмещение, смежность и смешение друг с другом в пустоте присуще телам. Но поскольку, по его утверждению, пустота есть место и тело совмещается с телом в пустоте, постольку недопустимо, чтобы пустота была телом и пустота совмещалась с пустотой.

Разъяснение причины ошибки сторонников пустоты, считающих ее местом.

Эта ошибка допущена этим мужем[46] и другими лицами, признавшими пустоту устойчивой субстанцией, потому что они считали материю частицей, занимающей место, и эту пустоту, в которой, по их мнению, находятся частицы

[46] Имеется в виду Абу Бакр ар-Рази.

материи, называли частным местом. А то место, в котором находится сложное тело, ими названо абсолютным общим местом. В результате их суждение свелось к тому, что пустота находится в пустоте. Но каждый знает, что место не нуждается в месте. Нуждающимся в месте является тело, а не место. Когда в этой книге поведем речь о месте, осуществим о нем необходимое углубленное исследование.

Об исследовании места.

Теперь мы скажем, что эта неделимая частица, которая для этого мужа есть материя, по его признанию имеет величину. А то, у чего есть величина, занимает место, но оно само не есть место. Одно место освобождается от него, а другое - наполняется им. Следовательно, если величина той частицы есть часть ее места, и эта часть есть не что иное как величина той частицы, то с необходимостью следует, что та частица сама есть место, а не нечто, занимающее место. Это - противоречиво, разве что он скажет, что "та неделимая частица нуждается в двух местах. Одно - то, в котором находится сущность той частицы, и оно никогда не освобождается от нее, а другое - то, которое окружает эту частицу". Но абсурдно суждение того, кто говорит: "Частица даже нуждается в двух местах". А также скажем, что если тела мира суть только частицы материи, совмещенные с частицами пустоты, то допустимо, что одно тело противоположно другому, подобно тому, как вода и огонь являются двумя противоположностями. Ибо, по утверждению этого мужа, в субстанции огня, являющейся светлой и легкой, субстанции пустоты больше, чем в субстанции воды; в субстанции воды частиц материи больше, чем в субстанции огня. Затем он также говорит, что в субстанции огня место свободно от занимающего места тела. Субстанция же воды занимает место. Нет сомнения в том, что место соответствует, а не противоречит занимающему место телу.

Следовательно, когда вода наливается в огонь, огонь с необходимостью притягивает к себе воду, подобно тому как пустота притягивает к себе тело. Поскольку очевидное состояние этих двух субстанций противоречит тому, что говорит этот муж, постольку выяснилось, что то, что он говорил, есть бездоказательная бессмыслица, отвергаемая стихией тел. Суждение, которое отвергается знатью мира, является ложным.

Следовательно, мы скажем, что Мудрый Создатель составил субстанцию огня из двух противоречащих, а не из двух противоположных натур. Противоречащее приемлет противоречащего, но противоположное избегает противоположного. Теплота и сухость суть противоречащие друг другу, ибо они стали одной вещью и соединились друг с другом. Всевышний Аллах и воду составил из двух противоречащих натур. Каждая из двух натур, заключенных в огне, противоречит влажности, находящейся в огне, и противоположна холодности, имеющейся в воде. Сухость, имеющаяся в огне, противоречит холоду, заключенному в воде, и противоположна влажности, присущей воде. Благодаря тем противоречащим стихиям вода нагревается огнем, благодаря же противоположным стихиям вода избегает огня. Цель Мудрого Создателя осуществляется путем нагревания воды и ее перехода при помощи тепла из центра мира к его периферии.

Опровержение суждения Мухаммада Закарийи о том, что огонь, исходящий от запальника, есть разреженный воздух.

Этот муж говорил: "Доказательством того, что в субстанции огня частиц материи меньше, а частиц пустоты больше, является то, что когда мы камнем и железом ударяем по воздуху, он разрежается и появляется огонь". Наше суждение об этом состоит в том, что мы говорим: "Если это

суждение правильно, и огонь проявляется тем, что мы ударом камня и железа разрываем и разрежаем воздух, то необходимо следует, что когда мы загоняем воздух в какую-то кожу и сильно будем его давить, воздух становится водой, ибо воздух находится между водой и огнем. По изящности воздух по отношению к воде имеет то превосходство, что огонь по отношению к воздуху. Когда мы сжимаем воздух друг на друге, и он не становится водой, нам не следует говорить, что огонь появляется в воздухе потому, что мы разрежаем воздух и взрываем его. И это несмотря на то, что огонь, исходящий из камня и запальника (кремня), разноцветен и запеленает ослепляющим зрение. Эфирный огонь, о котором говорит этот муж, состоит из материи и пустоты. Материя и пустота не разноцветны и не запеленают зрение. Если бы эфир был сходен с огнем, исходящим из запальника (кремня), то вся поверхность земли всегда была бы освещенной и теплой, и мы не видели бы Солнца и звезд. Если бы благодаря огню, исходящему из запальника, воздух разредился бы, то он не должен был бы ослеплять наши глаза, ибо плотный воздух, по мнению этого мужа, не ослепляет наше зрение. Следовательно, почему когда он стал более разреженным, ослепил наше зрение. Это суждение абсурдно. Поскольку вода, которую мы считаем плотной, не становится землей, из земли при всем ее разрежении вода не возникает, воздух при давлении не превращается в воду, постольку выяснилось, что из разрежения воздуха огонь не появляется. Суждение, о правильности которого не свидетельствует общая индукция, есть слабое и бессмысленное суждение.

Разъяснение состояния огня, возникающего из запальника.

Мы скажем, что огонь в воздухе из средины двух тел, как камень и железо, потому возникает, что субстанция воз-

духа огненна в той мере, в какой он потенциально является теплым и влажным. Когда ударяют камень о железо, часть воздуха задерживается между ними. При помощи движения, возникающего там, тепло той части воздуха, внезапного задержанного между этими двумя телами, усиливается, чтобы осушить ту влажность, которая смешана с той частью воздуха. Когда та часть воздуха становится теплой и сухой, превращается в огонь и соединяется со слабой влажностью, заключенной в смежной частице, и эта слабая влажность становится местом той точки огня. Красный свет на том малом огне возникает из-за влажности, с которой он соединяется. Разве не видишь, что чем дрова влажнее, тем их огонь краснее. Или если дрова очень влажные и сырые, их огонь кажется чересчур черным. Огонь же светильника, смешивающийся с сухим паром, является белым. Стало быть, огонь эфира, не смешанный ни с каким паром, не имеет никакого цвета и обладает светом. Когда же сухой пар, поднимающийся с земли, достигает его, огонь эфира соединяется с ним и вместе с ним по его подобию образует дым и сжигает его. Когда огонь сферы соединяется с тем паром, он излучает свет, и потому простолюдины думают, что движется звезда.

Доказательство того, что воздух потенциально есть огонь.

Доказательством того, что воздух в меру своей потенции есть огонь, является то, что когда мы вдуваем воздух в огонь, чтобы он проник в него, огонь усиливается, ибо воздух при помощи этого огня, являющегося мерой действия, становится огнем и из потенциального своего состояния переходит в актуальное состояние. Кто-то скажет: "Если бы это суждение было правильным, то не долженствовало бы, чтобы ветер когда-либо потушил огонь", - то ответом ему будет то, что мы скажем: ветер как бы есть пища для при-

нимающего пищу. Пища должна быть в необходимой мере, чтобы принимающий пищу стал крепким. Если в нашем суждении: "ветер есть пища огня" - есть сомнение, то в нашем суждении: "дрова - пища огня" - нет никакого сомнения. Если кто-то кладет на светильник большую, крепкую палку, то его огонь не может принять эту пищу и погаснет. Стало быть, таково состояние сильного ветра по отношению к слабому огню.

Разъяснение того, что тело - непрерывно и не состоит из актуальных частиц.

Мы также скажем: из-за того, что тело делимо, не следует нам говорить, что оно составлено из частиц и частицы до тела были рассеянными. Нахождение тел состоящими из частей не указывает на то, что тело сделано из частей. Нам не следует говорить: если тело не сделано из частиц, то почему в нем существуют частицы? Ибо в сотворении есть вещи, которые суть принципы, за которые, несомненно, невозможно выходить, как то, что вода - влажная, огонь - теплый. Нам не следует говорить: почему мы находим огонь сухим, если даже он не сделан из чего-то сухого? Этот самый муж утверждает, что огонь, противоположный воде, состоит из тех же материи и пустоты, что и вода. Следовательно, если допустимо, чтобы огонь, являющийся теплым, сухим и светлым, возникал из того, что холодно, влажно и несветло, то почему не допустимо, чтобы тело, имеющее части, не было составлено из частиц? Образец этого состояния подобен тому, что мы видим некий четырехсторонник, делящийся на два треугольника, а каждая из этих частей еще делится на два треугольника. Таким образом, каждый из тех треугольников без всяких противоречий всегда распадается на два других треугольника. Тот четырехсторонник неминуемо разделяется только на треугольники. Скажем, что этот четырехсторонник составлен из этих тре-

угольников. Поспорим об этом суждении и скажем: если этот четырехсторонник не составлен из тех треугольников, то почему в нем есть треугольники? Это есть некое доказательство, но оно абсурдно, ибо мы можем сделать четырехугольник, который с самого начала не может быть разделен на два треугольника, или можем, если пожелает Всевышний Аллах, этот четырехугольник образовать из тех двух треугольников. Если кто-то разделит этот четырехугольник на два треугольника при помощи линии, проведенной из одной его диагонали к другой, и считает это доказательством того, что мы этот четырехугольник образовали из тех двух треугольников, то его аргументация не является правильной. Следовательно, таково и состояние тела, сотворенного Мудрым Создателем делящимся на части, дабы из него бесконечно появлялись разнообразные формы. Суждение того, кто делимость тела принимает как доказательство изначальности неделимых частиц, подобно суждению того, кто нахождение треугольников в четырехугольнике берет без всякого различия в качестве доказательства изначальности треугольников. Поскольку сущность тела с сотворения состоит в том, что оно конечно, постольку его конечность не свидетельствует о бессилии Мудрого Создателя сотворить его бесконечным. Напротив, сущность тела - конечна. А также поскольку Мудрый Творец создал вещь, на которой - друг на друге - может сделать множество форм, постольку несоздание им какой-либо формы не из этой вещи, созданной для творения из нее форм, не свидетельствует о его бессилии творить из ничего. И даже состояние создания рождаемых вещей сводится к тому, что мы упомянули. Мудрость мелкоты частиц тела состоит в том, чтобы из них должно и достойно создавать маленькие и большие формы - от головы слона до ноги муравья и мухи. Невежды эту великую мудрость расценили как неспособность творить из ничего. Аллах превыше того, что о нем говорят неверные.

Опровержение суждения Мухаммада Закарийи о том, что если творение из ничего невозможно, то Мудрый Создатель из чего сотворил вещи?

Мухаммад Закарийа говорит, что "создание Мудрым Создателем вещей путем соединения тел мира свидетельствует о том, что сотворение из ничего невозможно". Наш ответ ему сводится к тому, что мы говорим: мудрец - тот, кто в своих суждениях о божественной науке и созданных о ней книгах пользуется размышлением и не допускает торопливости, дабы различать возможное от невозможного и не называть отсутствие невозможного бессилием и невозможностью могущества. Ибо каждый, у кого есть хотя бы небольшой задел разума, знает, что невозможное в смысле бессилия и нереальности к Мудрому Создателю никакого отношения не имеет.

Это есть суждение, подобное суждению того, кто говорит: "Бог бессилен водой смягчить железо". Мы же знаем, что это суждение абсурдно. И если бы бытие невозможного было бы допустимо, то сама невозможность была бы необходимой. Если бы это было так, то невозможное было бы возможным, а возможное - невозможным. Суждение того, кто, не видя среди вещей тела, сотворенного из ничего, принимает это в качестве доказательства невозможности сотворения из ничего и бессилия Мудрого Создателя, подобно суждению того, кто принимает в качестве доказательства бессилия Бога несмягчение железа водой, ибо никогда не видел, чтобы Бог без всякого различия смягчил железо водой. Оба эти суждения абсурдны. Невозможность несуществования потому не должна быть принята доказательством бессилия Всевышнего Аллаха, что это есть невежество. Подобно тому, как смягчение железа водой невозможно, подобно этому в этом мире путем сотворения из ничего невозможно создать какое-либо тело. Но этот тонкий путь увидит лишь тот, чье сердце Всевышний Бог осве-

тил светом истинной веры. "И кого Аллах не наделяет светом, тому нет света"[47].

Следовательно, относительного доказательства этого суждения, известного мудрецам, мы скажем: этот мир по своей целокупности есть тело, в котором нет никакого пустого места, и пока какая-либо часть этого тела не покидает свое место, другая его часть не занимает его. Разве не видишь, что когда погружаешь узкогорлый кувшин в воду, воздух постепенно выходит из него, а вода входит в него. И это продолжается до тех пор, пока весь воздух не выйдет из него и он не наполнится водой. Воздух, выходящий из кувшина, занимает место той воды, которая из пруда или реки проникает в кувшин. Когда вытащишь камень из воды на воздух, он потому найдет в воздухе место, что вода при поднятии камня опускается. Проницательным известно, что в этом мире нет никакого пустого пространства. Поскольку дело обстоит таким образом, то нельзя сказать: почему Мудрый Создатель не творит из ничего какого-либо индивида? Раз он не создает, мы познаем, что сотворение из ничего невозможно. Даже необходимо сказать, что сотворение, т.е. создание в этом мире какого-либо тела не из этих тел невозможно, ибо в этом мире, кроме существующих тел, нет места другому телу, ибо тело не есть полая субстанция. И если Всевышний Бог создаст некую телесную вещь путем сотворения из ничего, то она не находит в этом мире места. И если поместится в этом мире какая-то другая вещь, то следует, что в одном месте помещается два[48] тела. Это по невозможности подобно смягчению железа водой, это даже в большей степени невозможно. Поскольку выяснили, что недопустимо, чтобы из ничего сотворенное тело поместилось в этом мире, постольку обнаружилось, что сотворение из ничего в этом заполненном мире невозможно. Следова-

[47] Коран. 24:40.
[48] В оригинале – одно тело, но по смыслу должно быть: два тела.

тельно, утверждающий это суждение есть тот, кто ищет невозможного. Ищущий же невозможного - невежда. Мудрый Создатель превратил эту делимую субстанцию в материю создания разноколичественных форм и образовал структуру возникающих из нее вещей. Эти структуры возникают благодаря движению этой Великой сферы и этих высоко поднятых средств. Эта Великая сфера и все, что есть в ней, также является сложным образованием. Разум свидетельствует, что структура тех высоких сложных сущих и этих низших основ не такова, каковы структуры рождаемых сущих. Поскольку эти структуры, зависящие от движения сфер и действиях основ, возникают от вещи, существующей во времени, постольку это есть доказательство того, что эти структуры созданы путем творения из ничего, ибо мы знаем, что сферы, звезды и стихии не образованы от каких-то других сфер, звезд и стихий, как образованы рождающиеся сущие. Поскольку они не таковы, постольку эта структура такова, что несложная вещь существует раньше сложной. Это обстоятельство есть доказательство того, что до существования этих основ и средств, при посредничестве которых возникают временные сложные сущие, никаких других основ и средств не существовало. Напротив, то создание осуществлялось путем сотворения из ничего. Таким путем возникли сферы и стихии. Это создание, осуществляемое над первоматерией, реализуется этими разнообразными средствами после сотворения из ничего. Стало быть, мы доказали для разумных, что превоматерия до создания из ничего не существовала. Повиновение первоматерии Богу в настоящее время и ее готовность принять формы рождаемых сущих свидетельствует о том, что Мудрый Создатель создал ее для такого созидания. Нет перед разумом более низменного суждения, чем утверждение того, кто говорит: есть частицы, в которых нет никакого значения, никакой изначальной и извечной формы, никакого изначального и из-

вечного действия, ибо они суть мертвецы, не имеющие никакой ценности. Если допустимо существование изначального мертвеца, не имеющего никакого значения, как первоматерия, то невозможно, чтобы Живое, являющееся создателем мира и имеющее множество умений, не было извечным, ибо эти два извечных сущих по своим атрибутам противостоят друг другу. Создание на материи стихий искусственных форм, присущих только этим материям, создание людьми материй, готовых принять те формы, - как превращение человеком хлопка в нитку соответствующей формы, дабы она стала подходящей для принятия формы холста, а холст - для принятия формы одежды, - свидетельствует о том, что Мудрый Создатель, сделав материей основы стихий, умышленно и намеренно удостоил ее способностью принять формы рождающихся сущих. Так что только холст или что-то тканое, как парча и т.п., или выделанная кожа, может быть одеждой человека.[49] Тело животного, движимого волевым движением, приходит к стадии рождающихся сущих лишь при помощи этих тел. Следовательно, Создатель создал первую материю подходящей для принятия противоположных стихий, чтобы получить от них как тепло и сухость, так и холод и влажность. Доказательством правильности этого суждения является то, что мы говорим: эту субстанцию, которая есть материя, сотворили ради созидания, реализованного и реализуемого над ней. Нет ничего более правильного, чем принятие ею этих форм, проявлявшихся в ней через основы и проявляющихся в рождающихся сущих. Это есть достаточное объяснение для людей понимающих и проницательных. Мы этот разговор завершили.

[49] В оригинале:хайвон -- животное, что не соответствует содержанию текста.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О МЕСТЕ

Одна группа мудрецов, считая место изначальным, утверждает, что оно бесконечно и есть доказательство божественного всемогущества. Поскольку Бог могуч всегда, постольку необходимо, чтобы его всемогущество было изначальным.

Доказательство того, что место бесконечно.

В доказательство бесконечности места приводили утверждение о том, что вместимое без места не существует, а место без вместимого может существовать.

Говорят, что место не прерывается ни чем иным, как вместимым. Каждое вместимое ограничено местом и существует в нем. Следовательно, стало необходимым, чтобы место было бесконечным. Говорили также, что все, что существует в этом мире, бывает двух видов: оно либо есть тело, либо не есть тело. Если оно есть тело, то находится в месте, и помимо него существует либо место, либо нечто отличное от места. Если оно не место, то является бесконечным телом. А если оно не тело, то представляет собой место. Следовательно, верно, когда говорят, что место бесконечно.

Если некто скажет, что абсолютное место конечно, то этим утверждает, что его концом является тело. Поскольку всякое тело конечно и его концом является место, в котором оно находится, постольку говорили, что во всех отношениях место бесконечно. А всякое бесконечное изначально. Следовательно, место изначально. Они говорили, что частицы вместимого существуют в частном месте, а общие его [свойства] прибывают в общем месте. Частным местом они называли величину тела.

Они говорили, что удаление одной вещи от другой или приближение одного предмета к другому возможно. Но невозможно, чтобы дальность превратилась в близость, а близость в дальность, т.е. если двое находятся в десяти аршинах друг от друга, то расстояние между ними составит десять аршинов. Они могут так приблизиться, чтобы между ними не оставалось никакого расстояния. Но те два места, в которых находились те двое на расстоянии десяти аршинов друг от друга, никак не могут сблизиться. А когда те двое покинут свои места, их место занимает воздух или другое тело.

Они говорили, что в бутылке, кувшине и т.п. есть место. Не видишь, что в них бывает то воздух, то вода, то масло и т.д. Если бы в них не было места, эти вещи последовательно ими не объемлились бы.

Все упомянутое есть точка зрения той группы, которая считает место изначальным. В частности, такова позиция мудреца Эроншахри, изложившего философские идеи в "Книге знаменитостей", "Книге степеней" и др. религиозной терминологией и призывавшего людей к истинной вере и познанию единобожия. Вслед за ним [это повторил] Мухаммад Закарийа, который пересказал воззрения Эроншахри в отвратительных еретических словах и переложил идеи своего учителя и предшественника по этим вопросам чудовищными и отвратительными выражениями, дабы не читавшие сочинения мудреца, предполагали, будто все эти идеи высказал он сам.

Одно из превосходных суждений, высказанных Эроншахри, касается изначальности места, о чем он говорил: место есть [проявление] очевидного всемогущества божества. В доказательство правильности этого высказывания он привел присущность всемогуществу божества предопределенностей. Предопределенности - это оформленные тела, существующие в месте. Поскольку оформленные тела, яв-

ляющиеся предопределенностями, не могут существовать вне места, постольку правильно, что пустота, т.е. абсолютное место, есть [выражение] всемогущества божества. Причем очевидное всемогущество, из которого исходят все предопределенности.

Извращение Мухаммадом Закарийей этого превосходного суждения состоит не в том, что он признавал существование пяти изначальных [субстанций], которые всегда были и всегда есть: первая - Бог, вторая - душа, третья - материя, четвертая - место, пятая - время. Разве найдется больший хулитель, чем тот, который творца и его творения причисляет к одному роду!

Доказательство того, что место не изначально.

Наше мнение по этому вопросу таково: то, состояние чего изменчиво, не может быть изначальным. Если бы абсолютное место было изначальным, как говорят люди этой группы, его состояние не было бы изменчивым. Но поскольку его состояние, даже и по их утверждению, изменчиво, постольку оно не может быть изначальным. Доказательством изменчивости состояния места является то, что в нем находятся то грубые непрозрачные, то изящные прозрачные реалии.

По их утверждениям, одни места наполнены телами, другие - пусты. Мы говорим: то, состояние чего изменчиво, не может быть изначальным. Если это суждение неверно, то верно противоположное ему утверждение. Поэтому скажем, что то, состояние чего изменчиво и что бывает то маленьким и непрочным, то большим и устойчивым, как растения, животные и т.п., является изначальным. Но ясно, что это суждение неприемлемо. Поэтому верно суждение противоположное ему. А оно, как мы сказали, заключается в следующем: то, состояние чего изменчиво, является сотворенным. Следовательно, сотворено.

Доказательство возникновения мира.

Мы также скажем, что место недостойно ничего иного, кроме помещения в нем вмещающегося. Вмещающееся есть тело. А тело недостойно ничего, кроме принятия форм одну за другой. Оно есть то, что многократно принимает одну форму за другой. Принятие им одной формы раньше другой есть доказательство того, что его действия имели начало, ибо если бы принятие телом какой-то формы раньше какой-то формы было настолько многоразовым, что его число не имело бы начала, то оно не дошло бы до принятия формы, ныне имеющейся у него, и не наступила бы очередь этого нового раза. Но поскольку ныне тело имеет форму, возникшую после тех форм, которыми оно располагало раньше, постольку это обстоятельство есть доказательство того, что у тела была первичная форма, раньше которой у него не было формы. Если установлено, что тело есть нечто принимающее форму, и выяснилось, что принятие им форм имело начало и оно есть нечто достойное принять формы одну за другой, то доказано, что оно появилось одновременно с принятием им первой формы. Если возникновение формы в теле есть новое явление, то мы правильно установили, что появление тела с принятием им первой формы равнялось возникновению вновь. То, что не существует до возникновения, то есть возникшее. Следовательно, выяснилось, что тело есть нечто вновь возникшее. Поскольку мы правильно установили, что тело есть нечто вмещающееся и возникшее, постольку то, что в его бытии нет смысла, кроме принятия возникшего, является возникшим. В бытии места нет смысла, кроме принятия им возникшего тела. Следовательно, место есть нечто возникшее.

Доказательство того, что тело недостойно ничего иного, кроме принятия форм одну за другой.

Доказательство того, что тело недостойно ничего ино-

го, кроме принятия форм одну за другой, состоит в том, что одно из тел мира есть огонь, обладающий силой действия, и форма появляется на принимающем форму благодаря действию. А также у огня есть сила проявлять форму, ибо наблюдатель видит форму на теле при помощи света, являющегося следом огня. Второе тело мира - это воздух, у которого тоже есть сила действия на то, что усиливает действие огня. У него также есть сила проявлять форму, ибо наблюдатель видит форму на телах при помощи света огня и при посредстве воздуха. А также принимающее форму тело может принять форму при изящности воздуха или при изящности воды. Обе эти субстанции, т.е. огонь и воздух, смешиваются со своими пособниками и друг с другом и наделены действием. Третье тело мира - это вода, которая принимает действие. Однако она и слаба, как воздух, который также есть некое слабое действующее начало. Слабое действующее начало своей слабостью помогает сильному действующему началу в его действии. Таким же образом слабое претерпевающее, являющееся водой, также помогает своей слабостью сильному претерпевающему, являющемуся землей, в принятии действия. Четвертым из тел является земля, которая есть сильное претерпевающее. Вода помогает земле в принятии действия, подобно тому, как воздух помогает огню в совершении действия. Помощь воды земле в принятии действия состоит в том, что, смешиваясь с землей, она собирает частицы земли, дабы они с ее помощью смягчались и приняли действие и форму в соответствии с желанием действующего и формообразующего. Воздух упорядочил гибкость мягких тел, как то: растения и животные, - а так же их способность заставить быть гибким. Следовательно, упорядоченность тел к принятию этих значений (о чем мы упомянули) и этих форм указывает на то, что они возникли по желанию Мудрого Руководителя и Извечного Создателя. Причиной появления их бытия были

эти наличные формы. То, благодаря чему осуществляется намерение желающего, не является извечным; напротив, желающий извечен, а намерение - нечто возникшее, ибо желающий является созидателем и причиной создаваемого и он извечен. Поскольку доказано возникновение тел во времени, постольку доказано и возникновение места, которое только лишь принимает тела.

А также скажем, что эта группа, утверждавшая, что место - извечно, обосновывала это свое притязание тем, что говорила, что материя извечна, ибо она состоит из неделимых частиц, каждая из которых обладает величиной, которая из-за своей малости не делима. Поскольку они назвали извечной вещь, обладающую величиной и нуждающуюся в месте, постольку неизбежно считали место извечным.

Изложение взглядов Эроншахри об изначальности материи и места.

Одна из превосходных идей мудреца Эроншахри, высказанная им относительно изначальности материи и места и извращенная Мухаммадом Закарийей Рози, состоит в том, что он говорил: Всевышний Бог всегда был творцом [сущего], и не было времени, когда бы он не творил, или же из состояния нетворения переходил бы в состояние творения, дабы изменилось его состояние. Поскольку он всегда был творцом, то необходимо, чтобы его творения, как его проявления, были изначальными. Творение творца проявляется через материю. Стало быть материя изначальна и является доказательством очевидного всемогущества божества. Поскольку существование материи без места невозможно, постольку необходимо, чтобы и оно было изначальным.

Извращение этой точки зрения сыном Закарийи состоит в том, что он утверждал: поскольку в мире ничто не может возникнуть кроме как из чего-то, постольку это обстоятельство свидетельствует о том, что творение неосуществи-

мо и невозможно, чтобы бог творил что-то из ничего. И поскольку творение невозможно, то необходимо чтобы материя было изначальной. Поскольку материя, являющаяся изначальной, нуждается в месте, постольку и место изначально.

Он выразил те превосходные идеи и изящные мысли этими порочными словами, дабы его последователи из числа неверных и злосчастных мира подумали, что он сам произвел науку, называемую теологией, и никто, кроме него, ее не знает.

Мы просим у Бога помощи в составлении книги об опровержении доктрин Мухаммада Закарийи. В ней мы соберем его высказывания, как прочтем несколько раз все его книги, относящиеся к этим темам. Изучив их, разрушим рациональным опровержением каждое основоположение его доктрины в отдельности. Да ниспошлет нам Бог успеха!

Опровержение доказательства уверовавших в изначальность места и разъяснение того, что место без вместимого не существует.

Мы с помощью Всевышнего Бога распутаем узел, запутанный этой группой, дабы разумные люди, признающие Бога, по незнанию не приняли сотворенного за творца.

Мы скажем этой группе, высказавшей эту мысль, что, с нашего с вами согласия, этот мир есть всеобщее тело, и его частицы обусловлены его величиной, которая суть частное место частиц. По вашему утверждению, всеобщность мира обусловлена всеобщностью места, которое вы считаете бесконечным и объемлющим мир. Но это противоречит тому, что вы говорите: если Всевышний Бог уничтожит какую-либо гору этого мира, то устраняется и ее частное место, которое есть ее величина. Местонахождение же этой горы, однако, остается пустым и не устраняется.

Мы скажем вам, что у вас нет никаких аргументов в пользу правильности этого утверждения. Поскольку в мире

нет пустого места, постольку оно не будет существовать, если опустошить его, до тех пор, пока не будет занято каким-либо вмещающимся.

Объяснение бытия места на основании бутылки.

По вашему утверждению, бутылка, наполненная водой, есть место воды. Если перевернуть бутылку горлышком вниз и погрузить ее в воду, то до тех пор, пока она не наполнится воздухом, сохраняющим в ней место, вода, без сомнения, не выльется из нее, хотя природа воды состоит в том, что она течет сверху вниз. Вода стоит выше воздуха. В той бутылке появляется место, где вода потому стоит над вершиной воздуха, что в бутылке места без вмещающегося не может существовать. Но стояние воды над вершиной воздуха возможно. Однако, если взамен той бутылки будет наполненный водой узкогорлый бурдюк, который опустят вниз головой в воду и затем подержат его головой вниз, как держали ту бутылку, то вся вода из него сразу же выльется, и в том бурдюке место престанет существовать; оно внешне даже превращается в небытие, хотя то место, в котором находилась вода, занято простым воздухом. Поскольку воздух занял место воды, постольку та вода заняла место воздуха. А поскольку вода не вылилась из бутылки, дабы воздух занял место, в котором она находилась, постольку место не существовало. Стало быть, выяснилось, что бытие места зависит от бытия вмещающегося и без вмещающегося место не обладает бытием. И мы скажем, что если то тело есть некая гора или нечто вроде яблока, то оно, по вашему утверждению, составлено из неделимых частиц. Следовательно, та средняя частица есть вмещающееся яблоко, а его величина - его частное место. В этом случае шесть неделимых частиц находятся вокруг той средней частицы, внешняя сторона которых стала частью общего места средней частицы. Внешняя сторона тех шести частиц в других отношениях еще стала местом той величины, из которой возникли

семь неделимых частиц. Точно в таком же порядке внутренняя сторона каждой поверхности, вокруг которой собираются неделимые частицы, есть место той величины, в которой находится общее место. А та величина есть некое место для частиц, находящихся в ней. Верно, что если та внутренняя частица, являющаяся неделимой и истинным вмещающимся, уничтожается, то уничтожается и ее частное место, являющееся ее величиной. Общее же место этой частицы есть не что иное как поверхность тех шести частиц, окружающих ее. Каждая частица обладает вмещающимся в соответствии со своей величиной. Поверхность же сама есть место вмещающегося. Когда исчезают все вмещающиеся, то исчезает как частное, так и общее место. Это как в яблоке, которое если исчезает всецело, то каждая неделимая частица со своей величиной остается в своем частном месте. Эта частица со своей поверхностью является общим местом других частиц, и когда эти частицы соединяются, то место становится общим и для других частиц, и яблоко исчезает полностью. Следовательно, с исчезновением яблока исчезают все сущности и поверхности величин тех частиц. Поскольку теперь мы установили, что величины тех частиц суть частные места, а поверхности тех частиц - общие места для величин, находящихся в них, постольку выяснилось, что с исчезновением яблока не сохраняются ни места его частиц, ни его общее место. Также скажем, что ошибочно и предположение тех мудрецов, которые говорят, что в бутылке с последовательной их сменяемостью существуют места для воздуха и воды. Доказательством правильности нашего суждения является то, что внутренняя поверхность бутылки окружила не более одной поверхности воздуха или воды и не является поверхностью тела; напротив, она есть посредник между двумя телами. А также одна поверхность является местом другой поверхности, находящейся в ней. Поскольку истинно, что поверхность

тела не есть тело, постольку место тела есть его поверхность, и каждое из тел находится на своей поверхности. Не необходимо, чтобы вне внешней поверхности тела существовало нечто, окружающее его поверхность, ибо если бы это было так, то тогда неминуемо существовало бы бесконечное тело. Но это невозможно. Однако поскольку человек видит землянистые, водянистые и огненные тела внутри воздуха и находит воздух их окружающим, постольку, пока его душа не станет благовоспитанной математической наукой, будет предполагать, что воздух не есть какое-либо тело, а есть пустое место. Следовательно, его душа при помощи догадки выносит решение о том, что каждое тело или каждая величина неминуемо нуждается в пустоте, окружившей его (или ее). И если тело или величина исчезает, то пустота сохраняет свое состояние; таким образом, наблюдатель видит, что если человек выходит из дома, его место остается пустым.

Мухаммад Закарийа Рози, оказавшись не способным доказать разумными аргументами бытие времени и места, в одном месте своей книги говорил, что свидетельство подтверждения бытия времени и места следует искать у простонародья. Мудрец тот, чья душа обладает способностью непосредственного усмотрения истины, не воспитана в духе строптивости мутакаллимов и их взглядов и не ищет препирательства. Он говорил, что спросил об этом простолюдинов. Они сказали: наш разум свидетельствует о том, что вне этого мира существует пустота, окружившая мир, и мы знаем, что если сфера исчезнет и не будет вращения, то, тем не менее, есть нечто такое, что постоянно протекает по отношению к нам - и это есть время. Мы же скажем, что это - крайне отвратительное и недостоверное суждение. Ибо когда душа простолюдина увидит тела окруженными воздухом, предполагает, что воздух есть пустое место и вне сферы также есть воздух, потому что не знает, что воздух по-

добно другим видам тел также есть тело, занимающее место. Если это не так, то почему она (душа простолюдина) не предполагает, что вне этого мира есть вода или земля, окружающие его? Следовательно, обнаружилось, что это представление потому возникает в догадывающей силе простолюдина, что он видел низшие тела, особенно индивидуумов, между воздухом и представил так, что воздух есть пустое пространство, а не некое тело. И если бы в бутылке было место для тела, имеющего три измерения, состоящие из длины, ширины и глубины, то и это место обладало бы длиной, шириной и глубиной. Если бы место обладало этими свойствами, то и оно было бы телом, и тело не вместилось бы в теле. Если бы в бутылке было место, то его можно было бы освободить от тела. В этом случае и бутылка находилась бы в другом месте. При этом место находилось бы в другом месте, и оно занимало бы место. Но это было бы абсурдно. Мы в воображении опорожняем бутылку от воздуха и воды. Тогда скажем, что в бутылке есть свободное место, и это свободное место находится в общем месте, окружившем бутылку. Стало быть, то место, которое находится в бутылке, заполнило общее место и вместилось в нем. Если дело обстоит таким образом, то следует, что то, что занимает место, есть тело. Следовательно, необходимо вытекает, что то, что находится в бутылке, есть тело, а не место, ибо подобная невозможность обусловлена тем, что то, что обладает длиной, глубиной и шириной, есть тело, а не место. Место есть не что иное как величина тела. Разве не видишь, что все, что не обладает величиной, не нуждается в месте, более того, у него нет места. Следовательно, следует знать, что любое тело в своей целекупности, будь оно маленьким или большим, находится на своей внешней поверхности, и нет нужды в том, чтобы поверхность одного тела была соединена с поверхностью другого тела, ибо если бы это было так, то, как мы уже говорили, тело было бы беско-

нечным, ибо поверхностью обладает только тело. Но поскольку тело оконечено своей поверхностью и его граница есть его поверхность, а не нечто другое, постольку его поверхность есть его общее место. Если тело по своей поверхности конечно и не допустимо существование какого-либо другого тела вне общего тела, если вне общего тела нет тела, если вне тела нет телесной поверхности, то недопустимо, чтобы с поверхностью этого общего тела было соединено нечто другое, ибо с внешней поверхностью тела никакая другая поверхность не соединена. Поскольку мы обнаружили, что вне этого мира нет никакой поверхности, ибо там нет никакого тела, обладающего поверхностью, постольку доказано, что с поверхностью этого мира, несомненно, ничто не соединено. Это логичное суждение, основанное на доказательных посылках, и тот, кто ищет этому доказательство в иллюзиях простолюдина, тот не может его понять.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О ВРЕМЕНИ

Мудрецы этой группы утверждали, что материя и место изначальны. Считая время субстанцией, они говорили, что оно длительно и изначально. Эти мудрецы опровергли положение тех философов, согласно которым время есть количество движения тела. Они утверждали, что если время есть количество движения тела, то невозможно, чтобы одновременно движущиеся тела двигались двумя различными количествами. Мудрец Эроншахри говорил, что время, вечность и длительность - это понятия, значения которых определяется одной субстанцией. Время есть доказательство божественной мудрости, подобно тому как место есть доказательство божественного всемогущества. Движение же является доказательством деятельности Бога, а тела - доказательством божественной силы. Каждая из этих четырех субстанций бесконечна и извечна. Время есть движущаяся и непостоянная субстанция. Мысль Мухаммада Закарийи, изложенная также в сочинениях Эроншахри, состоит в доказательстве непостоянности субстанции времени. А мы утверждаем, что время есть не что иное, как последовательное изменение состояния тела. Когда тело переходит из одного состояния в другое, то промежуток между переходом от одного состояния в другое называется временем. То, состояние чего не изменяется, не обладает преходящим временем, напротив, его состояние однозначно и потому не имеет длительности. Аргументом правильности этого положения служит то, что изменяющееся есть тело. Время это то, в течение которого тело переходит из одного состояния в другое, как переход освещенного состояния в темное состояние, называемое ночью, или как рост растений и жи-

вотных, именуемый периодом жизни и т.д.

Любое состояние преходящего [тела] изменяется во времени, а не в чем-нибудь другом. То, состояние чего изменчиво, есть тело. Изменение же состояния тела суть движение. Поэтому ясно, что время есть не что иное как движение тела. Также выяснилось, что состояние того, что не есть тело, не изменяется. Время для тех вещей, состояния которых не терпят изменения, является непреходящим, ибо если бы для них время было преходящим, то их состояние изменилось бы, как изменяется состояние тела, для которого время преходяще.

Время есть преходящее состояние тела.

Если изменение состояние тела порождает необходимость истечения времени, то неизменность состояния тела устраняет протекание времени. Стало быть, ясно, что для неизменных сущих время не существует. Поскольку изменяющееся состояние суть [состояние] тела, постольку не изменяющееся состояние не есть его состояние. Не видишь, что все ученые, согласные с [идеей] нетелесности бога, согласны с [мыслью] о том, что он превосходнее времени.

Бытие каждой вещи имеет начало и конец. Начало бытия вещи есть половина ее пути, на протяжении которого она идет к гибели, но все же остается тем же предметом. На протяжении этого длительного пути тело последовательно может обладать различными изменчивыми состояниями, благодаря чему кажется, что в нем есть что-то преходящее. Это преходящее не есть субстанция, как думают люди этой группы. Напротив, оно суть изменение различным способом состояния тела. И поскольку любое из существующих тел неуклонно идет к гибели, постольку оно на этом пути совершенно не обладает вечностью...

Если бы время было субстанцией, не превращалось бы, как прошедшее время, в ничто. Субстанция не превращает-

ся в ничто. Кто наблюдает внимательно, тот видит, что субстанция по своему бытию остается неизменной, изменяется различным способом лишь состояние тела... Следовательно, для субстанции время непреходяще, ибо, как правильно указали, время есть не что иное как изменение состояния тел. Изменение состояния благодаря движению присуще только телесным вещам. У нетелесных же [объектов], как указали, состояние непреходяще.

Представление времени как преходящей субстанции есть абсурдная мысль и великая ошибка. Доказательство того, что время не может быть изначальным.

Скажем, что представление о времени, как изначальной преходящей субстанции, есть абсурдное понятие, большая ошибочная и великая вредная идея. Представление это абсурдно по той причине, что если время суть субстанция, то все его прошедшие моменты превратились в ничто, а будущее еще не наступило и не существует. Следовательно, остается только та его часть, которая называется "теперь" ["ныне"] и является проистекающим.

Превращающееся в ничего не является истинной вещью, а возникающее суть сотворенное. Сотворенное же не бывает изначальным. И то, части которого не являются сами по себе непреходящими и устойчивыми, а представляют собой нечто гибельное, не является субстанцией. Большая ошибка и великий вред этого представления состоит в том, что не знающий [сущности] времени может подумать, что Всевышнему Богу присущи предел и время, которое для него преходяще. Этим самым он представляет Бога сотворенным, ибо и мудрецам от религии и мудрецам от божественной философии на основе рациональных доводов известно, что телесный мир сотворен.

И если бы время было преходящей субстанцией, то время, предшествовавшее сотворению Богом мира, истекло.

Концом того времени, в течение которого Бог существовал без мира, является час сотворения мира Всевышним Богом. Поскольку то время имеет конец, постольку необходимо, чтобы время Всевышнего Бога имело начало, дабы затем иметь конец.

Следовательно, мы правильно указали, что каждый, кто считает время субстанцией, тот утверждает, что Бог сотворен.

Удивляемся Мухаммеду Закарийе, что, высказав столько еретических суждений, в конце своей доктрины избрал путь воздержания и говорил: "Я воздержался высказываться по тем вопросам, которых не знаю. Бог не накажет меня за это воздержание". Вот по этой причине он представлял время как изначальную преходящую субстанцию.

Изложение взгляда Мухаммада Закарийи о том, сотворен ли мир Мудрым Творцом по его природе или по его воле.

Затем он говорил, что сотворение мира Мудрым Творцом не имеет более двух способов. Если мир создан им по его природе, а прирожденное суть сотворенное, то необходимо, чтобы и творец был созданным, ибо его природа от его действия неотделима. Между создателем и созданным по его природе существует какое-то время, в течение которого творец существует и творит. Рыба в бассейне появляется некоторое время спустя после образования самого бассейна. Следовательно, необходимо, чтобы мир возник немного позже своего творца. То, что немного предшествует сотворенному, само должно быть сотворенным. Стало быть, необходимо, чтобы творец, по природе которого возник мир, был сотворенным. А если мир произошел по воле творца и не существовало другой вещи в изначальности, которая могла бы привести его от желания не творить к желанию творить, то почему же он сотворил мир? Он отвечает, что поскольку видим, что Всевышний Бог от желания не

творить мир пришел к желанию творить его, постольку необходимо, чтобы Всевышнему Богу предшествовало другое изначальное, которое принудило его к этому действию.

Причина соединения души с телом.

Затем он говорит, что таким изначальным является душа, которая была живой и невежественной. Далее говорит, что материя также изначальна, благодаря чему душа по своей невежественности очаровалась ею и соединилась с ней. Она лепила из нее различные фигуры, дабы получать телесное удовольствие. Поскольку материя не принимала форму, Всемогущему и Милосердному Богу стало необходимо помочь душе, чтобы она избавилась от этого несчастья. Помощь его душе заключалась в сотворении мира. В мире он создал устойчивые и продолжительные формы жизни, дабы душа нашла в этих формах телесное наслаждение. Он сотворил людей из своей божественной сущности и направил к ним разум, чтобы разбудил спящую в теле людей душу. По велению Всевышнего разум должен показать ей, что этот мир не её место и она совершила ошибку, как уже упомянули, сотворив этот мир.

Он говорит людям: поскольку душа соединилась с материей, постольку думает, что если отделится от материи, то перестанет существовать. Если человеческая душа познает упомянутое состояние, то постигает духовный мир и, отрекаясь от этого мира, она возвращается к своему миру, который есть место наслаждения и блаженствования. Он утверждает, что люди не достигают этого мира, кроме философов. Кто изучает философию, познает самого себя, не притесняет [людей] и изучает науку, тот и избавиться от этого несчастья.

Люди оставляют свои души в этом мире до тех пор, пока все души в человеческом теле не познают эту тайну посредством философии и не стремятся к своему миру. Все они в

совокупности достигают того мира. Тогда этот мир исчезает, материя освобождается от этой зависимости и становится такой, какой она была в изначальности.

Объяснение порока этого суждения Мухаммадда Закарийи.

Пороком этой доктрины является утверждение о том, что время есть субстанция преходящая. Ибо если это так, то, как мы сказали, время предшествовавшее сотворению мира, для мира уже истекло. Хотя это время довольно длительно, тем не менее, его конец есть начало сотворения мира. Время, которое есть конец одной вещи, может быть началом другой. А то, время чего имеет начало и конец, является созданным. Это, однако, порочное мнение. Поскольку порочность этого мнения довольно велика и все мудрецы согласны в изначальности творца мира, постольку этот взгляд, доказывающий его сотворенность, абсурден. Раз по указанной причине порочность этого мнения очевидна, то необходимо знать, что время есть последовательное изменение друг за другом состояния изменяющихся тел. Становящиеся вещи из-за изменчивости их состояния находятся во времени, ибо при движении переходят из одного состояния в другое. Душа, являющаяся источником движения, и из которой исходят все движения, как мы сказали в главе о движении, есть причина времени, и время для нее непреходящее. Пречистый и Всевышний Аллах является творцом причины времени из ничего.

Объяснение того, что умопостигаемые сущие выше времени.

Необходимо знать, что подобно тому, как чувственные вещи находятся под временем, подобно этому умопостигаемые сущие находятся над временем. Подобно тому как предопределение и предписание находятся во времени, подобно этому сотворение из ничего не находится во времени.

Ибо то, что предопределено и предписано, его предопределение и предписание относится к чему-то. То же, что не предопределено и не предписано, его бытие не зависит от какой-либо вещи. То, бытие чего обусловлено какой-то вещью, возвращается к этой вещи, из которой оно возникло. То, что возникло путем сотворения из ничего, оно изначально и оно не подвержено уничтожению и тлению, ибо оно не есть телесная вещь, чтобы возвращаться к сотворенной вещи, напротив, оно вечно и Всевышний Бог сотворил его вечным. Вечная вещь предопределяет и изменяет состояние временных вещей. Это есть убедительное суждение и является доказательством того, что протяженность времени представляет собой последовательную смену состояния изменяющихся тел.

Время вещи исчезает с исчезновением вещи, но дахр[50] не есть время.

Убеждение группы, считающей время субстанцией, состоит в том, что когда исчезает то, время чего преходяще, то вместе с ним исчезает и его время, так что если кто-то умрет, то время его жизни истекает. Следовательно, если исчезает сфера, движение которой превосходнее всех движений, то время исчезает всецело. Но дахр - не время, а жизнь, сохраняющая живой свою собственную сущность, подобно тому как время есть жизнь той вещи, которая сохраняется живой чем-то отличным от ее сущности. У дахра, без сомнения, нет течения, напротив, у него только одно состояние, ибо он есть жизнь и устойчивость вещи, состояние которой не меняется. Когда представляется эта истина, время не будет сказываться на духовных сущих и ищущий не останется изумленным. Хвала Аллаху!

[50] Dahr – протяженность бытия устойчивых сущих. Быть может, соответствует греческому «эон».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ОБ ОБРАЗОВАНИИ

После того, что речь о времени сказана, появилась необходимость рассуждать об образовании, ибо образование рождающихся сущих происходит во времени, и изменение состояния одного за другим, называемом временем, присуще только образованным вещам.

Деление образованного и его виды.

Затем скажем, что образованное при первом делении бывает двояким. Первый вид образованного - это тот, состав которого очевиден, и он есть вещь, образованная из двух субстанций, как образование перстня из серебра и драгоценного камня, или образованная из более двух субстанций, как образование узды из кожи, серебра, железа и тому подобного. Второй вид образованного - это тот, состав которого скрытен, как земля, вода и тому подобное. Доказательством того, что вещь, составленная из различных субстанций, есть сложное тело, является то, что различные субстанции объединяются под одной формой либо по своей сущности - и это совершается при помощи естественного движения, либо они объединяются под одну форму по воле (желанию) иного - и это осуществляется насильно, принудительно и при помощи волевого движения. Та форма, прочность и бытие которой зависит от объединения различных субстанций, не есть какая-то сама по себе реальная вещь, дабы различные субстанции стремились к ней и объединились с нею. А также следует сказать, что различные субстанции объединяются в какой-либо форме только по цели, а цель предполагает волю. Но природа, как мы сказали в главе о движении, не обладает волей, ибо природа есть при-

нуждение, и оно противоречит воле. Следовательно, остается только то, что объединение различных субстанций в какой-либо одной форме совершается помимо их естественного движения. Помимо естественного движения существует волевое движение. Стало быть, верно, что всякая форма, в которой совмещены различные субстанции, образована насильно и принудительно, и образующим форму является носитель волевого движения. Далее скажем, что сфера со всеми находящимися в ней разнообразными субстанциями (каждой из которых присущи своя природа и форма, действие и состояние) состоит из тех форм, которые соединены и образованы носителем волевого движения. Это есть ясный аргумент. Доказательством образования вещи, состоящей из одной субстанции - земли, воды и т.п., - является то, что все эти вещи имеют общий состав в соответствии с требованием мудрости и появлением намерения (цели), не достижимого, кроме как при помощи этого образования, хотя следы частного образования присутствуют в каждой из них. Это известно благодаря тому, что каждая частица четверки тел [51] стремится к центру мира без того, чтобы у них в центре мира было какое-то место. Эти частицы находятся друг на друге и остались принужденными достичь места, у которого по его сущности нет никакой величины и простора. Следовательно, следы принуждения, видимые в теле, суть доказательство образования тел, ибо образование есть не что иное как принуждение одной вещи над другой, совершаемое по воле его принудителя. Общее образование тел согласно мудрости и приобретению цели, достигаемой при помощи этого образования, состоит в том, что в центре мира находится твердое тело, называемое землей, из которого достойно образование растения и животного, ибо частицы этой субстанции долго отделяются друг от друга, если сравнить ее с другими элементами. Корни растения

[51] Имеется в виду земля, вода, воздух, огонь.

утвердятся в земле, и оно не падает; оно своими корнями, являющимися его ртами, притягивает свою пищу, смешанную с водой. Вода опирается на землю и смешивается с нею ради создания из них частных образований, дабы из земли и воды возникла мягкая вещь, которая, если что-то увеличивается изнутри ее, расцветает и качается, дабы могло двигаться и не ломаться. Животное в поиске нужных ему вещей также может двигаться благодаря этому твердому телу. Над двумя этими субстанциями еще возвышается воздух, являющийся мягкой и восприимчивой ко всем формам субстанцией. Она восприимчива к формам, исходящим из субстанций земли, дабы все, что из рода растений и животных движется в этой мягкой субстанции, не перестало двигаться. Воздух делает приятной горькую и соленую воду морей, поднимающуюся над ними посредством испарения. Выше воздуха находится огонь, сила которого лучами Солнца и других звезд низводится к центру мира в просторах субстанции воздуха, чтобы при помощи тепла притягивать воду к воздуху, дабы при его помощи горькая вода, не пригодная в качестве пищи растению и животному, приобрела достоинства быть их пищей. Сила огня притягивает рост растения к себе, чтобы оно поднялось над воздухом. Чем стебли растения поднимаются выше, тем больше оно углубляет свой корень в землю ради притягивания пищи, устранения страха остаться без нее и погибнуть. По этим двум причинам растение поднимается ввысь и его плоды становятся приятными. Этим реализуется цель Мудрого Творца относительно упомянутого нами общего образования. Кто желает увидеть эту мудрость, заключенную в общем образовании, пусть взглянет на тела мира и поразмыслит: что было бы, если бы воздух находился в центре мира, а земля стояла бы выше него? Он увидит, что ни одно из тех упомянутых и реализованных польз не осуществилось бы и ни одно из растений и животных не возникло бы.

Деление образованных вещей по другому основанию.

Теперь скажем, что по другому делению образованные вещи бывают двух родов. Одни их них - это общие образованные сущие, как сферы, звезды, основы. Другой вид - частные образованные сущие, что есть образование рождающихся сущих, как растение и животное. Их становление осуществляется во времени, т.е. их переход из одного состояния в другое реализуется при посредстве действующих начал из числа семян, корней растений, сперм животных, заключенных в их творящих силах, благодаря силам сфер и звезд, идущих к центру мира ради достижения становящимися сущими своего совершенства, и при помощи действующих и претерпевающих сил, имеющихся в четверке тел мира. Эти частные образованные вещи обнаруживают друг друга в этом образовании при помощи данных действующих начал. Каждое из этих действующих начал в этих образованиях осуществляет действие, которое ему предназначено. Объединение действующих начал, работа которых различна, в одном творении осуществляется только по воле единого создателя, волей коего обусловлена работа действующих начал. Так, несмотря на свое различие и отдаленность друг от друга одни плотнические инструменты строгают, другие - режут, третьи - сверлят, четвертые - шлифуют, и при создании кровати по воле плотника становятся единым инструментом. Следовательно, так же скажем, что предназначение каждого из действующих начал на какое-либо необходимое действие в этих образованиях указывает на то, что оно подчинено тому действию, и это особое действие воспроизведено особенным специализирующим началом, ибо если оно было действующим началом само по себе, то не могло произвести какое-либо действие, кроме данного действия. Поскольку эти образования возникают при помощи множества посредников, каждому из которых прису-

ще какое-то действие, и эти действующие начала также суть сущие, образованные путем общего образования, как мы упомянули, постольку при их образовании дело обстоит двояко: либо у этих общих образованных сущих также есть действующие начала, являющиеся выше того, что мы видим, т.е. есть некие высшие сферы, звезды и основы, из которых образовались эти сферы, звезды и основы; либо образование этих общих образованных сущих осуществилось Мудрым Творцом без всякого посредника. Если образование этих общих тел осуществляется при помощи других тел, то это суждение также будет необходимым относительно тех тел и образованных сущих. В этом случае посредники и действующие начала были бы бесконечны, ибо если посредники бесконечны, то какие-либо частные образования не возникают, но частные образованные сущие будут существовать. Стало быть, выяснилось, что образованные сущие не бесконечны и образование этих сфер, звезд и основ, из которых возникают рождающиеся сущие, осуществлялось Мудрым Творцом без посредства каких-либо других сфер, звезд и основ. Затем скажем: поскольку появление частных образованных сущих зависит от этих посредников и действующих начал, каждому из которых присуще какое-либо действие, и их бытие во времени зависит от материи, которая до появления того образования не обладала той формой, постольку необходимо следует, что образованные сущие образованы не из материи, ибо материя не существовала в форме, присущей образованиям, и появление сущих происходило не во времени. Напротив, творение той материи с той формой было одноразовым актом, т.е. она появилась с той формой, которая присуща телам мира в настоящее время.

Образование становящихся вещей осуществляется двумя способами.

Доказательством правильности этого суждения является то, что образование становящихся вещей осуществляется двумя способами. Первый способ состоит в том, что вещи образовываются со стороны центра, как образование растения, которое при помощи творческой силы, заключенной в его семенах и корнях, притягивает из воды и земли свою пищу. Образовываясь таким способом, растение из центра стремится к периферии. Второй способ - это образование вещи изнутри самой себя при помощи пищи, как образование животного. Творческая сила, заключенная в сперме животного, попав в свое место, притягивает пищу и из нее первым делом создает инструмент, распределяющий пищу между всеми своими органами. Этот инструмент есть печень, которая первой образуется в животном, дабы при ее помощи создавать тело животного. Естественные образования тел сводятся к этим двум способам. Искусственные же образования следуют за естественным образованием. Они суть искусства животного, человека и других сущих. Взяв части субстанции земли, воды, растения, кожи, кости и т.п., люди при помощи телесных инструментов объединяют их друг с другом.

Образование материи мира может осуществляться тремя способами.

Затем скажем, что если у мира была материя, из которой Мудрый Творец образовал общее тело, то это образование осуществляется и осуществлялось только тремя способами. Или вложил семя этого мира в материю, чтобы это семя притягивало свою пищу из нее. Он образовал этот мир снизу вверх, по образу семени растения, из которого вырастает мир растений. Этот мир по образцу некоего дерева возник из семени, выросшего из материи. Или он был сперм-

мой, попавшей в материю и притягивавшей материю к своей сущности. Из этого возник крайне малый мир. Затем благодаря притягиванию пищи и долгому времени этот малый мир стал большим миром; по образцу роста животного, он из мелкоты вырос до ныне существующих размеров. Это общее тело увеличилось изнутри самого себя и проявилось вовне. Если у этого мира было семя, то он есть как растение. Корень этого мира должен лежать в материи, и он притягивает из нее пищу, дабы не разрушаться. Нам известно, что этот мир со своей внешней стороны ни с чем не связан и с внешней стороны не обладает чем-либо, если даже увеличивается. У этого мира нет верха и низа, напротив, верх и низ - это имена, которые сказываются о центре и периферии мира. Если этот мир возник из спермы и из мелкоты стал большим, как животное, возникающее из спермы, то необходимо, чтобы орудием, посылавшим пищу к нему, была бы земля. Если бы это было так, то должен был существовать путь, по которому пища мира извне попадала бы ему вовнутрь. Этим путем был бы рот мира. Но нам известно, что у мира нет рта, земля не принимает какую-либо пищу, и извне ничего к этому миру не приходит. Стало быть, выяснилось, что мир стал большим не из мелкоты. Поскольку эти два вида образования мира отрицались, поскольку остается то, что скажем: Творец мира собрал этот мир из частиц материи таким образом, что, положив первую частицу, клал по порядку над ней вторую и третью частицы во времени, пока не был создан этот мир. Этот способ образования мира абсурднее двух первых способов, ибо если бы не было круга сферы, то впервые кто образовал бы мир? Частицы земли собираются в центре сферы. Если не существовал какой-либо круг, то, конечно, было не допустимо, чтобы эти частицы объединились, ибо это землистое тело оттолкнуто из разных мест кругом сферы, что привело к крайнему его затвердению в центре мира. Также скажем, что

объединение разнообразных вещей в одну форму есть искусственное образование, т.е. есть действие творца тела. Следовательно, необходимо вытекает, что творцом этого мира, объединившим в нем по крупицам различные субстанции, является тело. Если это так, то долженствует, чтобы у мира был другой творец. Но это абсурдно, ибо творцов будет много. А если творцы бесконечны, то творение не возникает. Поскольку творец мира не есть тело, чтобы соединять частицы и из них во времени создать искусственное образование, как это делает человек, постольку так же нет силы, находящейся в сперме или семени, могущей получить от материи пищу того тела, которое хочет образовать, дабы таким образом создать этот мир во времени. Нет выхода из того положения, что мир создан. Доказательством чего является то, что цель осуществляется благодаря общей форме. Цель же формы возникает только благодаря цели создателя формы. Следовательно, выяснилось, что образователь образовал этот мир не из вещи, которая, как говорили друзья материи, до этой формы существовала в другой форме. Выяснилось, что распад тела на неделимые частицы происходит не потому, что оно образовано из них, а потому, что Мудрый Творец сотворил его таковым, чтобы из этой субстанциальной формы мог создать любую желаемую им малую и большую форму. Образование сводится к этим трем упомянутым нами способам, и эти три способа образования не возникают посредством вещи, которая обладала формой до того, что эти образованные вещи образовались от нее. Все эти образования осуществляются во времени. Мы верно установили, что образование мира этими способами невозможно. Этим правильно установлено, что мир возник из вещи, которая до образования мира не обладала какой-либо формой. Поскольку не было вещи, форма которой изменялась, дабы она дошла до существующей ныне формы, постольку ее творец при ее создании не

нуждался во времени. Напротив, Творец создал ее одним толчком не из чего-либо другого и не во времени. Эти субстанции в этой форме появились по повелению, а не по действию, как об этом говорит Всевышний Бог: "Когда Он пожелает сотворить что-то, Его повеление таково, что скажет ему: "Будь" и оно бывает".[52]

В этом суждении есть и объяснение этих образований, и отрицание и значальности материи. И мы хотели напомнить об этом. Хвала Аллаху!

[52] Коран. 36: 82.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

О ДЕЙСТВУЮЩЕМ И ПРЕТЕРПЕВАЮЩЕМ

В этом месте настоящей книги стало необходимым вести речь о действующем и претерпевающем, ибо образование образованного возникает благодаря образователю. Образователь есть действующее, а образованное - претерпевающее. Это восходит к книгам божьим, хвала ему, ибо если есть некая претерпевающая субстанция, то она доказывает нам существование действующей субстанции, потому что воздействие на нее очевидно. Мы потому сказали, что это есть из писаний Бога, что писанное является суждением писателя и говорящий сказывает то суждение только при помощи подобного выражения. Подобным образом Мудрый Творец создал претерпевающую субстанцию, написанную им. Этим писанием он говорит, что есть некое действующее, которому присуще истинное действие, чтобы мудрецы, взглянув на претерпевающую субстанцию, через доказательство ее действующего прочитали бы в ней цель ее писателя. Мы в соответствующем месте этой книги обстоятельно поговорим о Божьей Книге, если того пожелает Аллах. Теперь скажем, что первым претерпевающим является первая материя. Она есть то, возникновение чего осуществлялось в форме мира. Первым же действующим является Мудрый Создатель, т.е. он есть образователь общего тела - мира, соединитель формы с материей и создатель материи с первоначальными формами, которые суть длина, ширина и глубина, и благодаря коим тело приобрело телесность. Форма есть след действующего на претерпевающем, который возникает вместе с формой. Доказательством правильности этого суждения является то, что появление сотворенных вещей связано с принятием ими творе-

ния от своего творца. Любой творец предшествует своему творению - и по временному предшествованию, и по предшествованию по благородству. Бытие любой созданной вещи зависит от той формы, которая есть след создателя на ней. Если дело обстоит подобным образом, то выяснилось, что бытие материи зависит от той формы, которая есть след создателя тела, т.е. форма есть величина тела, и создатель тела предшествует материи и форме как во времени, так и по благородству.

Первым претерпевающим является материя, вторым - абсолютное тело, а первым действием - телесная форма, которая есть измерения.

Следовательно, материя есть претерпевающая объективная вещь и ее возникновение зависит от принятия ею действия, что является началом претерпевания. А форма, являющаяся самим действием и создателем материи, есть начало действия, исходящего от действующего. Затем абсолютное тело вслед за материей является вторым претерпевающим со вторичными формами. Этих форм пять: они суть сферические, огненные, воздушные, водянистые и земляностые формы, возникшие в теле. В соответствии с этими формами тело разделяется на пять видов, каждый из которых с этими вторичными формами находится в своем специфическом месте.

Пятерица тел - элементы и сфера - стремится к центру. Доказательство этого суждения.

Все пять видов тела без всякого различия опираются на центр, а не так, как говорили натуралисты, что земля и вода стремятся к центру, а воздух и огонь - к периферии мира. Доказательство правильности этого суждения состоит в том, что если мы вытащим какую-либо частицу из-под частицы почвы или воды, находящуюся на поверхности земли, то данная частица спускается в эту сторону центра. А

также, если мы возьмем горсть почвы или кувшин воды с поверхности земли и моря, то туда проникает воздух и занимает места взятой почвы и воды. Это обстоятельство указывает на то, что, если мы вытащим воздух из-под огня, то и огонь опускается вниз. Стало быть, выяснилось, что все тела стремятся к центру земли. Движение огня, когда мы в дереве или в чем-то почвенном и водяном привязываем его к почве и воде, ускоренно стремится к своему месту. Это подобно движению камня, который мы принудительно бросаем в сторону места огня и который опускается вниз с ускорением. Поднятие воздуха из-под воды, чтобы превзойти ее, и поднятие огня из-под воздуха, дабы превзойти его, происходит не потому, что они убегают от центра мира, а потому, что желают встать в центр в том порядке, в каком их упорядочил их Образователь. Затем простые стихии претерпеваются вторыми формами, ибо принимают растительные формы. А после этого растение принимает животную форму. Стало быть, скажем, что формы рождающихся индивидов для материи являются третьей формой. Ибо материя сперва, приняв длину, ширину и глубину, проявилась в телесной форме. Затем она, приняв такие формы единичных стихий, как тепло, холод, влажность и сухость, стала стихиями, вставшими на свои места. **В-третьих,** она приняла индивидуальные формы.

У любого, близко находящегося к центру тела, больше претерпевания. У тел, далеко стоящих от центра, больше действия.

Следовательно, скажем, что стихии - третья стадия претерпевающего. У тех стихий, которые близко стоят к центру, претерпевание сильнее, так что у почвы нет ничего иного, кроме претерпевания, и все действия осуществляются на ней, но нет ничего, над чем действовала бы почва. Вода, которая стоит выше нее, подвержена меньшему претерпеванию, и она обладает незначительным действием. Разве

не видишь, что она переносит почву из одного места в другое.

А претерпевание воздуха, стоящего выше воды, также меньше, но в нем содержится больше силы первого действующего, чем в воде. Разве не видишь, что воздух ближе к огню, действие которого сильнее, и к первому действующему, а также смешивается с ними. Он помогает действующему в его действии. И когда мы достигнем сферы, то увидим, что она крайне мало подвержена претерпеванию и ей присуще постоянное и совершенное действие, подобно тому, как у почвы находим полное претерпевание. Это потому так, что сфера ближе к Первому Творцу, а субстанциальное место, которое подвергнуто полному претерпеванию, есть почва, которая от Первого Творца крайне далека.

Причина того, почему пророки говорят, что Бог находится на небе, и причина называния Великой сферы Престолом.

Пророки, мир им, и умные мудрецы говорили, что Бог находится на небе, потому что подобным образом лучше призывать простонародье к Богу Всевышнему. Хотя Он - да возвеличится его Могущество - как Творец есть духовная субстанция, а духовные сущие не нуждаются в месте. Поскольку творение присуще Всевышнему Богу, и воздействия на воздействуемых, находящихся в центре мира, осуществляется через периферии мира, поскольку мудрецы истинной веры назвали Великую сферу Божьим Престолом, ибо Божьи влияния приходят к центру мира оттуда. Несмотря на то, что все тела принимают действие, но, тем не менее, в одних телах претерпевания меньше, а в других больше. Следовательно, скажем, что любая субстанция, в которой мало претерпевания, в меру этой малости своего претерпевания обладает большим действием. Так, у субстанции воды меньше претерпевания, чем у почвы, ибо от воды в отдельности не появляется какая-либо форма, как появля-

ется от почвы. В воде существуют некоторые формы действия, так вода в различных растительных и животных формах переносит почву в разные стороны; вода делает грубую и сыпучую почву мягкой и вязкой. Таково состояние и других тел. Поскольку тепло и сухость суть субстанциальные качества и формы огня, придающие ему совершенство, постольку он действует на отдельные индивиды, смешанные с почвой и водой, дабы своей теплотой поднять над воздухом почву и воду при помощи самого воздуха. Почва и холодная вода ослабляют силу огня до такой степени, что он претерпевается ими. Стало быть, выяснилось, что огонь и воздух также являются претерпевающими сущими. Но их претерпевание меньше претерпевания почвы и воды, и в них больше действия. Силы сфер и звезд достигают рождающихся тел мира, и по этой причине сферы и звезды оказывают на них действие, т.е. когда их действие достигает рождающихся тел, они престают действовать и в это время становятся претерпевающимися.

Бывание сфер действующими, а элементов - претерпевающими восходит к справедливости Мудрого Создателя.

Сферы и Звезды, у которых ныне нет претерпевания, а есть действие, на стадии справедливости Мудрого Создателя равны с простыми стихиями, у которых есть претерпевание, но нет действия.[53] Ибо сферы и звезды подверглись претерпеванию, становлению, формированию после телесного претерпевания и принятия действия единичными стихиями. Они разнообразны, разноцветны и обладают различными количествами, так что некоторые их них крайне малы, как точка Алькора.[54]

[53] Это суждение мыслителя противоречит его идее о том, что чем стихии стоят дальше от центра, тем у них больше действия.
[54] Звезда в созвездии Большой Медведицы.

Объяснение абсолютного действующего, не являющегося претерпевающим. Доказательство того, что все тела подвержены его воздействию.

Поскольку мы выяснили, что все тела в соответствии со своим рангом подвержены принимать действие, постольку доказано, что существует абсолютное действующее, без всякого претерпевания и не являющееся телом. Использование действия такими высшими претерпевающими как сферы, звезды и огонь эфира доказывает их близость к абсолютному действующему, подобно тому, как лишенность низшего претерпевающего, каковым является почва, действием свидетельствует о его дальности от Истинного действующего. А также предназначение каждого из этих телесных действующих, соучаствующих в частных претерпевающих посредством первого действия - действия, относящегося к принудительному движению, называемому естественным, - есть доказательство претерпевания их всех. Ибо каждое из этих действующих приняло то предназначение от своих предназначающих и при его помощи стало претерпевающим. Следовательно, скажем, что претерпевание почвы и воды посредством принятия форм от абсолютных стихий есть то же самое претерпевание, которое воздух и огонь приняли посредством действия, исходящего от Истинного действующего. Это - то самое претерпевание, которому подвергаются сферы и звезды под воздействием сил, без всяких различий дошедшие до них от первого действующего. Но то претерпевание, которому подвержены сферы и звезды, мощнее претерпевания, которым подвергаются почва и вода. Разве не видишь, что те формы стали устойчивыми,[55] а эти формы подвержены изменению[56]. Потому это так, что те формы в тех телах возникли без посредника, а в этих телах - при помощи посредников.

[55] Имеются в виду формы сфер и звезд.
[56] Имеются в виду формы стихий.

Зависимость телесных действующих от своих претерпевающих доказывает воздействие претерпевающих на действующих.

После того, что упомянули о претерпевании сфер, звезд, огня и воздуха, скажем: зависимость телесных действующих от своих претерпевающих, чтобы они не могли придать им форму, т.е. придать форму почве и воде, готовых принять действие, указывает на воздействие этих низших претерпевающих на тех высших действующих, наподобие действия на острый нож сырого дерева, которое отупляет его, и претерпевание ножа от дерева, действующего на него.

Разница между действующим и претерпевающим.

Разница между действующим и претерпевающим состоит в том, что претерпевающий, соединяясь с действующим, либо сам по себе, либо опосредованно принимает его свойства. Так, железо принимает тепло и свет от огня, а тело принимает движение и желание от души. Но действующий не желает и не принимает свойства претерпевающего. Следовательно, скажем, что сферы и звезды являются первыми посредниками Мудрого Создателя в творении частных созданий. Поэтому они приобрели свойство постоянности через постоянное действие первого действующего. Другие действующие, стоящие ниже сфер и звезд, приобрели от первого действующего действия и свойства по мере их близости к нему. Каждый из них действует сообразно своей мере, как об этом говорит Бог Всевышний: "Каждый действует в соответствии своих возможностей и Господь твой знает того, кто идет истинным путем".[57]

Объяснение того, что уничтожение сферы недопустимо.

Затем скажем, что пока Создатель мира есть Создатель, сфера не уничтожается. Доказательством правильности это-

[57] Коран. 17:86.

го суждения является то, что претерпевающие сущие, приближаясь к действующим, приобретают их свойства, и эти свойства не отделяются от них, пока они связаны с действующими. Так, камень, железо, воздух и другие сущие, пока близки к огню, являющемуся естественным действующим, бывают светлыми и теплыми, как огонь. Если они никогда не отделяются и не удаляются от огня, то недопустимо, чтобы они когда-либо охлаждались и потемнели. Но если Создатель мира перестает создавать, то становится необходимым, чтобы у сферы не осталось действия. Когда у нее не остается действия, тогда ее бытие превращается в небытие. Ибо раньше мы доказали, что причиной ее бытия является то действие, которое исходит из нее, и благодаря которому она получила бытие. Сущее, причиной бытия которого является действие, исходящее от него, если его действие исчезает, то его бытие превращается в небытие. Ибо действие и бездействие - это противоположности, как бытие и небытие. Если Мудрый Создатель перестает действовать, то он не есть Создатель. Если это так, то у сферы, которая близка к нему и благодаря созданию которого получила бытие, не остается действия. Поскольку не остается действия, исходящего от сущности, постольку перестает существовать и его сущность. Мы об этом хотели рассказать. Хвала Аллаху.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

О ВОЗНИКНОВЕНИИ МИРА

Несмотря на то что при рассмотрении претерпевания тела мы уже доказали возникновение мира во времени, тем не менее, хотим сказать совершенную и отдельную речь о возникновении мира, дабы у душ, ищущих телесные пути, было бы указание к истинному миру. Просим в этом помощи у Бога. Следовательно, скажем, что противоречие между людьми касается изначальности и возникновенности текучего мира. Когда два лица приписывают одной вещи противоположные свойства, то один их них непременно судит ложно.

Предел истинности и ложности.

Предел истинности состоит в том, чтобы о вещи судить соответственно ее свойству. Предел ложности противоположен этому, так что судить о вещи несообразно его свойству. Истина есть убеждение, которое, если оформится в суждение, то это суждение бывает правильным. Ложное противоположно этому. Ложное - это убеждение, которое, если оформится в суждение, то окажется неправильным. По суждению и убеждению относительно правильности и истинности, ложности и абсурдности весь народ разделился на две группы: искатели правды и истины называются верующими, лжецы и неверующие называются вероотступниками, как об этом говорит Всевышний Бог: "Это потому, что Аллах есть Истина, а то, что призывают кроме него, есть ложь".[58]

В другом месте он говорит: "Это потому что те, кто не верили, следовали лжи, а те, кто уверовали, следовали исти-

[58] Коран. 22:61

не, исходящей от их Господа. Так, Аллах приводит для людей их примеры"[59]. В отрицании какого-либо свойства у вещи заключено утверждение противоположного у нее свойства. Так, если мы докажем, что мир - не извечен, то будет установлено, что он возник во времени. В отрицании его извечности заключено утверждение его возникновенности. Если мы докажем, что мир возник во времени, то отрицаем его извечность. Мы хотим в этой главе доказать, что по обоим основаниям мир является возникшим. Тем, что мы говорим в этом смысле, ищем интересы истинной веры, ибо в доказывании возникновенности мира заключена сила единобожия и слабость атеизма. В единобожии заложено добро, а в атеизме - зло. Да даст Бог удачи и окажет помощь.

Доказательство возникновения мира.

Скажем, что этот мир в своей целокупности есть некое тело. Если мы докажем, что тело является возникшим, то установим, что и мир является возникшим, ибо форма мира основана на теле. Следовательно, скажем, что тело, которое существует, не выходит за рамки двух состояний: или оно существовало всегда, и это есть атрибут извечной вещи, или оно появилось после того, что его не было, и это есть атрибут возникшей вещи. Тело бывает либо двигающимся, либо покоящимся. Каждое движущееся переходит из одного состояния в другое. У движущегося тела появляется новое состояние, которого раньше у него не было, чтобы двигаться по этой причине. Доказательством правильности этого является то, что мы видим, что покоящееся тело движется. Следовательно, мы узнаем, что у него появилось новое состояние, благодаря которому оно стало двигаться. Если бы его состояние не обновлялось, оно оставалось бы в прежнем состоянии. Поскольку мы благодаря возникшему движению нашли тело в другом состоянии, постольку мы при-

[59] Коран. 47:3.

шли к доказательству, что появилось нечто вновь возникшее. Если движение совершается путем обновления, то любое движущееся является возникшим. Стало быть, мир, как движущееся тело, является возникшим. Мы также принимаем любое тело и как существующее и как движущееся. Очевидно, что движение тела не есть его сущность, ибо если бы оно было его сущностью, то подобно бытию тела стало бы устойчивым, движение тела стало бы устойчивым вместе с телом, но видимое состояние не таково. Стало быть, верно, что движение тела появляется при помощи некой возникшей вещи, вслед за бытием которой возникает у нее движение. Таково суждение и относительно покоя, который также возникает в теле. Разве не видишь, что посредством бытия тела бытие его покоя не становится необходимым. Поскольку эти два свойства суть нечто возникшее, тело возникает благодаря им и оно не лишено их, постольку доказано, что тело раньше этих возникших свойств не существовало и возникло одновременно с ними. То, что не существовало до некоего возникшего, то не извечно. А то, что не извечно, то является возникшим. Следовательно, тело - возникшее сущее.

Доказательство возникновения движения.

Поскольку мы верно установили, что движение тела становится необходимым из-за его возникновения, а не из-за его сущности, постольку теперь мы разъясним, что не допустимо, чтобы движение было извечным. Доказательством этого суждения является то, что мы скажем: у тела нет движения, кроме как ее переход из одного места в другое. Если дозволено, чтобы у тела было движение кроме его перехода из одного места в другое, то дозволено, чтобы тело перешло из одного места в другое без всякого у него движения. Если это невозможно, то еще более невозможно, чтобы движение тела было нечто кроме его перехода от одно-

го места в другое. Тело не переходит в другое место, разве только из своего первого места, ибо движение тела совершается посредством перехода, а переход есть смена одного места на другое. Стало быть, движение тела с необходимостью является возникшим, ибо оно до того движения находилось в первом месте и только потом перешло в другое место. Если кто-то скажет, что телу присуще движение и при изменении его состояния и формы, то следует знать, что и это движение нуждается в возникновении, ибо тело переходит к какой-либо форме из той формы, которой оно располагало до движения. Следовательно, и это движение является возникшим и представляет собой переход от одного состояния к другому. И оно бывает только возникшим.

Другое доказательство о возникновении мира.

Теперь скажем, что если тело является извечным, то оно существовало всегда. А если его движение - не возникшее, то оно было движущимся всегда. Если это было так, то оно существовало всегда, и движение обладало бытием.

Если скажут, что движение существовало не всегда и возникло потом, то этим они говорят, что тело не было движущимся и стало движущимся вновь. Этим они признавали возникновение тела. Движение ограничивается одно за другим.

Абсурдность изначальности движения.

Абсурдно суждение того, кто говорит, что движение едино и изначально. Ибо движение есть переход из одного места в другое или из одного состояния и формы в другое состояние и форму. И это обнаруживается путем возникновения. Следовательно, с необходимостью следует, чтобы говорили, что движение постоянно, множественно, бесконечно, не едино. Если говорят, что тело извечно, движение извечно, то необходимо, чтобы движение было извечно су-

ществующим. Недопустимо, чтобы у извечного движения было первоначало или было бы движение, до которого не было движения. Ибо если существует движение, до которого не было другого движения, то с неизбежностью вытекает, что то движение является возникшим. Возникшим является и то движение, которое возникает после него. Если движения имеют начало и каждое из них возникает раньше другого, то каждое из них есть нечто возникшее. Поэтому абсурдно говорить, что есть извечные вещи, каждая из которых является возникшей.

Доказательство относительно этого спора.

Доказательство этого суждения состоит в том, что по необходимости разума известно, что недопустимо, чтобы существовали вещи, часть которых продолжает возникать, но они сами были бы извечны. Ибо эти извечные вещи не могут быть больше двух видов: или каждая из них возникает раньше другой, или каждая из них появилась после другой. Если некто скажет, что каждое из этих извечных движений появилось раньше другого, то это абсурдно, ибо тогда все они были бы одним и все являлись бы первичными. Если бы это было так, то они все были бы возникшими. Но если он скажет, что каждое из этих движений появилось после другого, то они все также были бы возникшими. По обоим мотивам все движения являются возникшими, ибо мы доказали, что если движения имеют начало, то они являются возникшими. Но если у него нет начала, если оно множественно и одно следует за другим, то необходимо вытекает, что бытие каждого из них следует за бытием другого. Определение возникшей вещи состоит в том, что ее бытие следует за бытием другой вещи. Поскольку очевидно, что движения множественны и каждое из них является возникшим, постольку суждение того, кто говорит, что движения извечны - абсурдно, ибо каждое из движений является возникшим. Поскольку мы доказали, что движение явля-

ется возникшим, постольку неверно суждение того, кто говорит, что тело движется постоянно, ибо если бы движущееся тело было извечным, то извечным было бы и его движение. Но поскольку доказано, что движения не извечны, постольку доказано, что движущееся - не извечно. Суждение о том, что движения - возникшие, а двигающееся - извечное, есть абсурдное суждение. Суждение, порождающее абсурд, само является абсурдным. Таково суждение и о покое тела. Недопустимо говорить, что тело всегда покоится, ибо ныне оно находится в движении. То, состояние чего меняется на противоположное состояние, не является извечным. Если он скажет, что любое движение из совокупности движений возникает раньше другого и потому совокупность движений им названа вечной, то ответом ему будет то, что мы скажем: любое возникшее движение возникает до движения, которое еще не возникло, но оно возникает после движения, которое уже существует. Извечным называют то, что бытуествует, а не то, что небытуествует. Следовательно, тебе следует при этом споре признать, что любое из движений возникает после другого движения. Если это так, то они все являются возникшими. Поскольку нынешнее движение сфер является возникшим из-за того, что после него есть некое другое движение, постольку каждое движение, следующее за другим движением, также является возникшим. Если из совокупности движений есть одно движение, которое не следует за другим, то необходимо вытекает, что и оно является возникшим, ибо представляет собой начало движения. Из-за возникновенности того движения, которое ты называешь извечным, все движения являются возникшими. У дахрита нет избавления от этого вопроса. Если мир извечен, то его состояние не выходило и не выходит за два обстоятельства: либо никогда не подвергался изменению состояний и явлений, либо бытие его событий и изменение его состояний было извечным. То, что мы ныне находим в мире - это изменение состояний и явлений, которых никог-

да не было, но которые теперь существуют. Это есть доказательство того, что ни явления не были извечны с миром, ни мир не был изменчивым. Следовательно, мы правильно доказали, что мир не извечен, ибо явления не извечны и мир изменчив. То, что не существовало до явлений, то является возникшим. Стало быть, мир является возникшим.

Другое доказательство о возникновении мира.

Доказательством возникновенности мира является и то, что естественные тела по своей природе избегают своих противоположностей. Поскольку эти противоположности собраны в телах и по природе своей избегают друг друга, а избежание противоположно соединению друг с другом, постольку это доказывает, что их объединение осуществляется посредством принуждения, исходящего от принудителя. Принуждение возникает после натуры. То, что возникает после какой-то вещи, то является возникшим. Следовательно, то, что приняло стихии, т.е. одиночных сущих, то есть тело. И оно является возникшим.

Также скажем, что тела мира, из числа земли, воздуха, воды и огня, являются частицами мира. Эти частицы подвержены разложению, так что теплеют, охлаждаются, влажнеют и становятся сухими и т.д. Суждение о части вещи подобно суждению о ее целом, за исключением меньшего и большего различия между ними. Следовательно, существование разложения у частей мира указывает, что разложение также имеет место и в мире в целом. Но поскольку тела мира велики, как сферы, небесные тела и др., и находятся далеко от нас, постольку мы не видим изъяны, появляющиеся в них. А также поскольку в силу крупности тел разложение осуществляется в течение долгого времени, некоторая группа людей предполагает, что мир в своей целекупности не подвергается разложению. Однако его разложение, как и разложение, обнаруживаемое в его частицах, является необходимым. Длительность времени и невозможность обна-

ружения разложения в незначительное время не выводит его из-под власти разложения. То, что подвергается разложению, является возникшим. Следовательно, мир является возникшим.

Доказательство табоитов об извечности мира и его абсурдность. Объяснение того, что у мира есть Мудрый Правящий.

Табоиты считали мир извечным. Они говорят, что тела возникают из таких четырех натур, как тепло, холод, влажность и сухость, без того, чтобы что-то, кроме них самих, управляло ими и предопределяло их. Они видят, что эти четыре упомянутые нами вещи суть свойства, и свойство не обходится без носителя, через которого оно возникает. Тот носитель, который присвоил эти четыре свойства, есть тело, обладающее принудительным движением, способное к изменению, занимающее место и делящееся на части. Спепочему из этого носителя, присвоившего эти четыре свойства, образовалось знающее, говорящее, волящее, действующее, являющееся человеком?

Если у носителя свойств, принявшего те четыре свойства, нет Мудрого Правящего и Предопределяющего, то почему носитель свойств распался на многие и различные фигуры и формы? Если некоторые из этих вещей, приняв тепло, холод, влажность и сухость, соединились и из них появилась неразумная, бессловесная и летающая птица, если некоторые другие из этих вещей объединились и из них появился разумный, говорящий и ходящий муж, если некоторые из этих вещей соединились и из них возник благовонный цветок и ароматный нарцисс, если некоторые из них собрались и из них появились ядовитая трава и зловонный купорос, то мы узнали, что эти различные значения в этих вещах появились не от принявшего форму тела; напротив, они появились благодаря Мудрому Правящему. Если эта субстанция, принявшая данные четыре свойства, распалась

на части сама по себе, то откуда возникли многочисленные различия в формах, возникших благодаря ей. Напротив, долженствовало, чтобы они были одной формы без всякого разнообразия. Если бы различие тел было обусловлено незначительностью или множеством материи, то долженствовало бы, чтобы все рождающиеся сущие по общности своей природы обладали одной формой. Затем одно из них было бы более маленьким, другое - более длинным и большим, третье - коротким, после того, что все имели одну и ту же форму.

Тогда одно из них было бы теплым, сухим и острым на вкус, как чеснок; другое - теплым, сухим, горьким и благовонным, как мускус; третье - холодным и сухим, как камфара; четвертое - холодным и сухим, как опиум. Эти различия и отличия, имеющиеся в обонятельных вещах, имеют место и в пищевых продуктах, так что одни из них являются теплыми и мягкими, как сахарный песок; другие - теплые и мягкие, как лук. Это обстоятельство свидетельствует о том, что эти различия в вещах, исходящих от носителя четырех стихий, возникают благодаря творению Мудрого Создателя и определяющего формы.

Другое доказательство об абсурдности извечности мира.

Затем скажем, что известно, что субстанция, принявшая эти стихии, есть тело. И недопустимо, чтобы вещь, принявшая эти значения, была извечной. Ибо появление этих свойств в данной субстанции, преходящей из одного состояния в другое, как то теплая вещь становится холодной, сухая вещь - влажной, свидетельствует о том, что эта субстанция не была носительницей названных свойств, а стала ею позже благодаря их возникновению. Каждый должен знать, что принятие одной вещи другой происходит после того, что она не была носительницей.

САФАРНОМА

КНИГА ПУТЕШЕСТВИЯ

Первод и коментарии Е. Э. Бертельса

1.
ОТЪЕЗД. СЕВЕРНАЯ ПЕРСИЯ И МАЛАЯ АЗИЯ

Во имя Господа всеблагого и всемилостивого!

Так говорит Абу Муин-ад-Дин Носири Хусрав ал-Кубадиани ал-Марвази, да простит ему Господь прегрешения его!

Я занимался канцелярскими работами, принадлежал к числу заведующих государственным имуществом и делами и выполнял работу в диванах[60].

Долгое время я занимался этим делом и приобрел некоторую известность среди моих сослуживцев.

В Раби-ал-ахир [61] четыреста тридцать седьмого года[62], когда Абу Сулейман Джагры-бек Дауд ибн Микаил ибн Сельджук был эмиром Хорасана, я выехал из Мерва по служебным делам и остановился в Пандждехе в области Марв-ар-Руд. В этот день Меркурий поднялся в зенит. Говорят, что в этот день, что бы человек ни пожелал, Господь - велик и славен да будет он - все выполнит. Я отошел в угол и совершил два раката[63] намаза, дабы Господь всевышний, благословенный дал мне богатство.

Когда я вернулся к приятелям и спутникам своим, один из них начал читать по-пероидски стихотворение. Мне тоже пришло в голову стихотворение. Я захотел, чтобы он прочитал его, написал эти стихи на листке бумаги и хотел дать ему прочесть. Но не успел я еще вручить ему бумагу, как он уже начал читать это самое стихотворение, слово в слово. Я счел это обстоятельство за доброе предзнаменование и молвил про себя: Господь всевышний, благословенный услышал мою просьбу.

Оттуда я направился в Джузджанан[64]. Там я пробыл около месяца и постоянно пил вино. Посланник - да поми-

[60] Султанские канцелярии, департаменты.
[61] Название месяца.
[62] Соответствует октябрю – ноябрю 1045 г. н.э.
[63] Раздел молитвы.
[64] Или Гузганан. Название области к юго-востоку от Мерва.

лует и да сохранит Господь его и семью его - говорит: "Говорите правду, хотя бы она и порочила вас".

Как-то ночью приснилось мне, что кто-то мне говорит: "Долго ли ты будешь пить это вино, которое отнимает у человека рассудок? Было бы лучше, если бы ты образумился". Я ответил: "Мудрецы не смогли придумать ничего другого, что отгоняло бы мирские заботы". Голос сказал: "Бесчувствие и беспамятство не есть покой. Нельзя назвать мудрецом того, кто указывает человеку путь к бесчувствию. Напротив, надо искать что-нибудь, что могло бы увеличить силы разума и рассудка". - "Откуда же мне взять это?" - спросил я. "Ищущий находит", - ответил он и указал в сторону Кыблы[65]. Больше он уже ничего не говорил.

Проснувшись, я вспомнил обо всем этом. Сон произвел на меня впечатление, и я молвил про себя: "Я проснулся после вчерашнего сна, надо мне проснуться и от моего сорокалетнего сна". Я подумал, что не добьюсь счастья, пока не изменю всех своих дел и привычек.

В четверг шестого Джумад-ал-Ухра четыреста тридцать седьмого года[66], что соответствует пятнадцатому числу месяца Дея четыреста десятого года эры Яздигерда[67], я отправился в соборную мечеть, сотворил намаз и попросил Господа всевышнего, благословенного, чтобы он помог мне совершить обязательное для меня дело и отстраниться от всего запретного и непохвального, как это повелевает Господь - велик и славен да будет он.

Оттуда я направился в Шапурган[68], ночь провел в поселении Фарьяб и через Саманган и Таликан проехал в Марв-ар-Руд. Оттуда я поехал в Мерв, попросил освобождения от исполнения лежавших на мне служебных обязанностей и

[65] Т. е. направление, куда обращаются молящиеся мусульмане, или храм в Мекке.
[66] 19 декабря 1045 г.
[67] Последний Сасанид Яздигерд III (погиб в 631/632 г. н. э.).
[68] Шапурган, или Шиберган – один из городов области Гузган.

сказал: "Намереваюсь я поехать посетить Кыблу". Затем я сдал все свои дела, отказался от всего имущества, кроме небольшого количества самого необходимого, и двадцать третьего Шабана[69] выехал в Нишапур. Из Мерва я поехал в Серахс, что составляет тридцать фарсахов[70], а оттуда до Нишапура еще сорок фарсахов . В субботу одиннадцатого Шавваля[71] я прибыл в Нишапур, а в среду, в последний день[72] этого месяца, было солнечное затмение.

Правителем в то время был Тогруль-бек Мухаммад, брат Джагры-бека. Он приказал выстроить мадрасе[73] неподалеку от базара седельных мастеров, и ее как раз строили. Сам же он в это время направился в первый раз походом на Исфахан.

Второго Зу-ль-Ка'да[74] я выехал из Нишапура вместе с ходжой Муваффаком, состоявшим при особе султана. Через Кевван я доехал до Кумиса[75], где посетил гробницу Шейха Баязида Бистоми, да освятит Господь дух его.

В пятницу восьмого Зу-ль-Ка'да я прибыл оттуда в Дамган[76], а первого Зу-ль-Хиджа четыреста тридцать седьмого года через Абхури и Чаштхаран приехал в Семнан[78].

Там я пробыл некоторое время и начал искать ученых людей. Мне указали на одного человека, называвшегося Устод[79] Али Нисои. Я пошел к нему. Это оказался молодой человек, говоривший по-персидски, как говорят жители области Дейлам, носивший длинные распущенные волосы. Перед ним сидело значительное число учеников, из кото-

[69] 5 марта 1046 г.
[70] Фарсах – расстояние, которое можно проехать за час.
[71] 21 апреля.
[72] Т.е. 29 Шавваля – 9 мая.
[73] Духовное училище.
[74] 11 мая.
[75] Горная область, граничащая с Мазендераном.
[76] Главный город области Кумис.
[77] 9 июня 1046 г.
[78] Город на большой Хорасанской дороге.
[79] Мастер, маэстро, учитель.

рых часть читала Евклида, часть - медицинские и часть математические книги. Посреди речей он иногда говорил: "Я то-то читал перед Устодом Абу Али Синой, да помилует его Господь, и то-то слыхал от него...". По-видимому, он хотел, чтобы я знал, что он ученик Абу Али Сины[80].

Когда я вступил с ним в диспут, он сказал: "Я ничего не знаю о сийаке[81] и хотел бы научиться этому способу вычислений". Я удивился, ушел оттуда и молвил про себя: "Если он сам ничего не знает, чему же он может учить других?"

От Балха до Рея я насчитал триста пятьдесят фарсахов, а говорят, что от Рея до Савэ - тридцать фарсахов, от Савэ до Хамадана - тоже тридцать, от Рея до Исфахана - пятьдесят фарсахов, а до Амуля - тридцать. Между Реем и Амулем лежит гора Демавенд; она похожа на купол, и ее называют также и Ливасан. Говорят, что на вершине этой горы есть колодец, где добывают аммониак; некоторые утверждают, что там есть и сера. Люди берут бычьи шкуры, наполняют их аммониаком и катят вниз с горы, потому что по дороге их доставить вниз невозможно.

Пятого Мухаррама четыреста тридцать седьмого года[82], что соответствует десятому числу месяца Мурдада четыреста двадцать пятого года по персидскому летоисчислению, я направился в Казвин и доехал до деревни Кухэ. Там был недород, и один ман[83] ячменного хлеба продавали за два дирхема[84]. Я уехал оттуда и девятого Мухаррама[85] прибыл в Казвин.

[80] Абу Али Сина – знаменитый таджикский философ врач и поэт, известный в Европе под именем Авиценны (980 -1037).
[81] Особый способ вычисления не цифрами, а буквами арабского алфавита.
[82] 12 июля 1046 г.
[83] От 7 фунтов до 1 пуда.
[84] Дирхем – серебряная монета, которая должна была содержать 2,97 гр. серебра.
[85] 19 июля.

Там было много садов, не защищенных ни заборами, ни колючими изгородями, ни чем таким, что могло бы воспрепятствовать войти. Я нашел, что Казвин красивый город с укреплениями, и поставленными на них вышками, и прекрасными базарами. Только воды там было мало, и текла она по трубам, проложенным под землей. Управителем этого города был какой-то Алид [86], и из всех ремесленников в этом городе было больше всего сапожников.

Двенадцатого Мухаррама[87] четыреста тридцать восьмого года я выехал из Казвина через Биль и Кабан, его пригороды, и прибыл в поселок, который называют Харзевиль. У нас, то есть у меня, моего брата и сопровождавшего нас слуги - мальчика-индуса, было мало дорожных припасов. Брат мой пошел в поселок, чтобы купить что-нибудь у бакалейщика. Кто-то спросил его: "Ты чего хочешь? Я - бакалейщик". - "Нам годится все, что бы у тебя ни нашлось, - ответил брат, - ибо мы чужестранцы и здесь только проездом". Тот ответил: "У меня ничего нет". После этого, когда кто-нибудь говорил такие слова, я всегда вспоминал: "Это харзевильский бакалейщик".

Когда мы выехали оттуда, дорога пошла круто под гору. Проехав три фарсаха, мы прибыли в деревню, принадлежащую к области Тарим[88] и называемую Берз-ал-Хейр.

Она лежит в жаркой полосе, и там много деревьев граната и инжира, которые по большей части росли дико. Выехав оттуда, мы приехали к реке, называемой Шахруд; на берегу ее лежит деревня Хандан, где с нас взяли пошлину в пользу эмира эмиров, принадлежащего к роду владетелей Дейлама.

Выйдя из этой деревни, река сливается с другой рекой, называемой Сапедруд. Слившись вместе, эти реки текут

[86] Один из потомков халифа Али, зятя Мухаммада.
[87] 22 июля.
[88] Тарим – горная область, расположенная к северу от Казвина параллельно побережью Каспийского моря.

вниз, в долину, на восток от Гилянских гор, протекают через Гилян и впадают в Абискунское море.[89] Говорят, что в Абискунское море впадает тысяча четыреста рек, что море это тянется на тысячу двести фарсахов и что посреди него много густозаселенных островов. Рассказ этот я слыхал от многих людей. Теперь же я оставлю этот рассказ и перейду к своему делу.

От Хандана до Шемирана три фарсаха; между этими местами лежит небольшая каменистая пустыня. Шемиран - главный город области Тарим. На краю города высокий замок, построенный на твердой скале. Вокруг него возведены три стены, а посреди замка проходит подземный канал, который доходит до самой реки и доставляет в замок воду. В этом замке живет тысяча человек сыновей вельмож области; они следят за тем, чтобы никто не грабил на дорогах и не вызывал смут.

Мне говорили, что у этого эмира в Дейламе много укреплений. Его желание дать народу правосудие и безопасность столь велико, что в его области никто не может отнять что-нибудь у другого; жители его области, отправляясь по пятницам в мечеть, оставляют свои башмаки снаружи, и никто не уносит этих башмаков. Эмир пишет свой титул на бумаге так: "Марзбан Дейлама Гилянский Абусалих, клиент повелителя правоверных". Зовут его Джестани Ибрагим.

В Шемиране я встретился с хорошим человеком, родом из Дербенда, по имени Абу аль-Фазл Халифа ибн Али Философ. Это был почтенный человек, отнесшийся к нам чрезвычайно внимательно и оказавший нам много милостей. Мы диспутировали с ним, и между нами завязалась дружба.

- Куда ты направляешься? - спросил он меня.

- Я собираюсь посетить Кыблу, - ответил я.

[89] Каспийское море.

- Прошу тебя, - сказал он, - когда будешь возвращаться, заверни сюда, чтобы я снова мог повидаться с тобой.

Двадцать шестого Мухаррама[90] я выехал из Шемирана, четырнадцатого Сафара[91] прибыл в Сераб[92], а шестнадцатого Сафара выехал из Сераба и проехал через Саидабад. Двадцатого Сафара четыреста тридцать восьмого года[93] я приехал в Табриз (по старому летоисчислению это пятое число месяца Шахривара). Это - столица Азербайджана, город чрезвычайно населенный; я вымерил длину и ширину его шагами: оказалось тысяча четыреста шагов в каждом направлении. Падишаха области Азербайджана на хутбе[94] поминают так: "Преславный эмир, меч государства и честь общины верующих, Абу Мансур Вахсудан ибн Мухаммад, клиент повелителя правоверных". Мне рассказывали, что в этом городе в ночь на четверг семнадцатого Раби-ал-Аввал четыреста тридцать четвертого года[95] в период дополнительных дней [96] после пятой молитвы [97] произошло землетрясение. Часть города была разрушена, другая же часть не пострадала. Мне говорили, что при этом погибло сорок тысяч человек.

В Табризе я встретил поэта по имени Катрон. Он писал замечательные стихи, но персидского языка как следует не знал. Он пришел ко мне, принес с собой деваны Мунджика[98] и Дакики[99], прочел их и попросил разъяснить трудные места. Я разъяснил ему, и он записал эти объяснения. Потом

[90] 2 августа 1046 г.
[91] 20 августа.
[92] Город между Ардебилем и Тавризом.
[93] 26 августа 1046 г.
[94] Молитва во здравие властителя.
[95] 4 ноября 1042 г.
[96] По персидскому календарю к последнему из двенадцати месяцев добавляли еще пять дополнительных дней.
[97] Пятая ежедневная молитва совершается с наступлением полной темноты.
[98] Поэт при дворе Мухаммада Газневида.
[99] Знаменитый таджикский поэт, начавший писать «Шахнаме», был убит своим рабом в 977 году.

он прочел мне свои собственные стихи. Четырнадцатого Раби-ал-Аввал[100] мы выехали из Табриза через Меренд в сопровождении солдат из войск эмира Вахсудана и доехали до Хоя. Оттуда с каким-то послом мы проехали в Беркери. От Хоя до Беркери тридцать фарсахов. Мы прибыли туда одиннадцатого Джумад-ал-Ула[101], а оттуда поехали в Ван и Вастан[102]. Там на базаре свиное мясо продавали так же, как и баранину, и женщины и мужчины сидели перед лавками и пили вино безо всякого стеснения. Оттуда восемнадцатого Джумад-ал-Ула[103] я приехал в город Ахлат.

Город этот на границе между мусульманами и армянами, и от него до Беркера девятнадцать фарсахов. Там был эмир, которого звали Наср-ад-Довле, ему было больше ста лет и у него было много сыновей, из которых он каждому дал в управление по провинции. В городе Ахлате говорят на трех языках: на арабском, на персидском и армянском. Я полагаю, что по этой причине город и назван Ахлат. Торговля там ведется на медные деньги, и их рагль составляет триста дирхемов

Двадцатого Джумад-ал-Ула[106] мы выехали оттуда и остановились в рабате[107]. Шел снег, и было чрезвычайно холодно. В степи перед городом, вдоль дороги были вбиты колья, чтобы люди в снежные и туманные дни могли держаться направления этих кольев.

Оттуда мы проехали в Битлис. Город этот лежит в долине. Мы купили там мёду, и оказалось, что по расчету, по которому нам продали его, сто ман стоили один динар[108].

[100] 18 сентября.
[101] 13 ноября.
[102] На южном берегу Ванского озера.
[103] 20 ноября.
[104] По-арабски – «помесь».
[105] Дирхем (драхма) - как мера веса: 3,12 гр.
[106] 22 ноября.
[107] Рабат – постоялый двор.

Мне сказали, что в этом городе есть человек, который в один год добывает от четырехсот до шестисот бурдюков мёду.

Выехав оттуда, мы увидели замок, называемый "Кыф Унзур", т.е. "Остановись и погляди"[109]. Мы выехали оттуда и прибыли в место, где находилась мечеть. Говорили, что ее выстроил Увейс Карани[110], да освятит Господь его душу.

В этой местности мы видели людей, ходивших по горам и рубивших деревья вроде кипарисов. Мы спросили, что они из них делают. "Мы один конец этого дерева кладем в огонь, - ответили они, - а с другого конца выходит смола. Мы сливаем ее в колодец, а потом разливаем по кувшинам и развозим по окрестностям".

Все эти местности, начиная с Ахлата, упомянутые мною вкратце, находятся в области Мейяфарикин.

Оттуда мы приехали в Арзен. Это населенный красивый город, с проточной водой, деревьями, садами и прекрасными базарами. Там в месяце Азаре[111] по старому персидскому календарю, двести ман винограда продают за один динар. Виноград этот называют "рез-арма-нуш".

Оттуда мы проехали в Мейяфарикин. От Ахлата до Мейяфарикина двадцать восемь фарсахов, а от Балха той дорогой, которой ехали мы, - пятьсот пятьдесят два.

Мы въехали в Мейяфарикин в пятницу двадцать шестого Джумад-ал-Ула четыреста тридцать восьмого года.[112] В это время листья на деревьях были еще зелеными. Вокруг города идет большая стена из белых камней, каждый камень весом в пятьсот ман. На расстоянии пятидесяти газов[113] друг от друга выстроены большие башни из такого же белого камня. Повсюду на стене зубцы, и она выглядит

[108] Динар - золотая монета, содержавшая 4,23 гр. чистого золота.
[109] По-арабски.
[110] Увейс Карани – один из сподвижников пророка Мухаммада, был убит при Сиффине (657 г. н. э)
[111] Ноябрь – декабрь.
[112] 28 ноября 1046 г.
[113] Мера длины, равная 24 ладоням, или приблизительно 1 м 25 см.

так, как будто мастер только что закончил свою работу. У этого города одни ворота с западной стороны с большим каменным сводом. Дверь вся сделана из железа без единого куска дерева. Есть там соборная мечеть, но если описать ее, это слишком удлинит рассказ, хотя автор книги и дает подробное описание всего, что видел. Скажу только, что места для омовений в этой мечети представляют собой сорок отдельных комнаток, через которые проходят два больших ручья воды, один открытый - для омовения, а другой - под землей, скрытый, он уносит нечистоты и очищает колодцы. Вокруг кремля лежат пригороды, с караван-сараями, базарами и банями. Там находится другая соборная мечеть, где тоже по пятницам совершают намаз.

К северу от этого города лежит другое укрепление, называемое Мухаддасэ. Это тоже город с базарами, соборной мечетью и прекрасно устроенными банями. Султана этой области во время хутбы поминают так: "Величайший эмир, слава ислама, счастье религии, защита государства и честь мусульманских общин, Абу Наср Ахмад". Это человек, которому сто лет, и говорили, что он еще жив. Говорят, что ратль там весит четыреста восемьдесят драхм. Этот эмир построил город в четырех фарсахах от Мейяфарикина, названный Насрийе. От Амида до Мейяфарикина девять фарсахов.

В шестой день месяца Дей [114] по старому календарю мы прибыли в город Амид. Основание этого города покоится на цельной скале, длина его по измерению две тысячи шагов, и такова же и ширина. Вокруг него возведены стены из черного камня. Кубы, из которых сложены эти стены, весят от ста ман до тысячи ман и больше, и камни так соединены друг с другом, что между ними нет ни глины, ни извести. В высоту эта стена двенадцать арашей[115], а в ширину - десять.

[114] 22 декабря.

На расстоянии каждых ста газов возвышается башня, половина окружности которой составляет восемьдесят газов. Зубцы на стенах сделаны из такого же камня. С внутренней стороны города во многих местах устроены каменные лестницы, по которым можно подниматься на стену. На вершине каждой башни есть площадки для боя. У этого кремля четверо ворот-все из железа, без единого куска дерева. Каждые ворота обращены по направлению к разным сторонам света. Восточные называются Баб-ад-Диджла[116], западные - Баб-ар-Рум[117], северные - Баб-ал-Арман[118] и южные - Баб-ат-Телль[119]. За этой стеной снаружи идет другая стена из такого же камня, высотой в десять газов. Вся стена покрыта зубцами, и в каждом зубце устроен проход настолько большой, что человек в полном вооружении может пройти, стоять и с легкостью сражаться. В этой наружной стене тоже устроены железные ворота, но расположены они не против внутренних ворот, так что когда войдешь в ворота первой стены, нужно пройти еще порядочный кусок между стенами, пока дойдешь до ворот второй стены. Расстояние между стенами пятнадцать газов.

Посреди города из скалы бьет источник; он дает столько прекрасной воды, сколько нужно, чтобы двигать пять жерновов, и никто не знает, откуда он берется. В городе этом много деревьев и садов, орошаемых этой водой. Эмир его - сын того самого Наср-ад-Довлэ, о котором мы упоминали. Я видел много городов и замков в разных частях света - и в странах арабских, и персидских, и индийских, и турецких, но не видел на лице земли ни одного места, похожего на город Амид, и не слыхивал, чтобы кто-нибудь говорил, что

[115] Араш-мера длины, равная длине руки от локтя до кончика среднего пальца.
[116] Ворота реки Тигр.
[117] Ворота румийские, т.е. малоазиатские.
[118] Ворота армянские.
[119] Ворота холма.

видел другой такой город.

Соборная мечеть его построена из того же черного камня, и правильнее и крепче ее здания построить невозможно. В мечети двести с лишком колонн из камня, каждая колонна - из одного цельного куска, на колоннах покоятся каменные своды и на них снова возвышаются колонны, несколько короче первых. На втором ряду тоже покоятся своды, возвышаясь над первыми большими сводами. Крыши этой мечети возведены в форме ослиной спины[120], а все резные части из дерева и камня раскрашены и отлакированы.

На дворе мечети лежит большой камень, а на камне этом устроен большой, глубокий, круглый каменный водоем. Глубина его - в рост человека, а окружность - два газа. Посреди водоема стоит бронзовая трубка, из которой фонтаном бьет чистая вода; при этом ни притока, ни стока воды не видно. Есть там также огромные места для омовений, и все устроено так хорошо, что лучше устроить невозможно, если только не считать того, что все постройки в Амиде выстроены из черного камня, а в Мейяфарикине - из белого.

Неподалеку от мечети стоит церковь, тоже чрезвычайно роскошно выстроенная из камня. Пол церкви покрыт разрисованными мраморными плитами. В этой церкви, в алтаре - месте, где молятся христиане, я видел резную железную дверь, подобных которой я нигде не видал.

Из города Амида в Харран[121] ведут два пути. На одном из них не встречается ни одного населенного места, этот путь длиной в сорок фарсахов. На другом встречается много поселений и деревень, населенных большей частью христианами. Путь этот составляет шестьдесят фарсахов. Мы с караваном отправились по заселенному пути. Путь идет по

[120] Т.е. круто поднимающиеся.

[121] Главный город области Бени Муда, на расстоянии одного дня от Эдессы и двух дней от Ракки.

чрезвычайно ровной долине, но столь каменистой, что верблюд не может ступить шагу, не наступая на камень.

В пятницу двадцать пятого Джумад-ал-Ухра четыреста тридцать восьмого года[122] мы прибыли в Харран. По старому календарю это равняется второму числу месяца Азара. Температура там была в это время такая же, какая бывает в Хорасане в день Нового года. Уехав оттуда, мы прибыли в город, называемый Каруль. Какой-то благородный человек пригласил нас к себе в гости. Когда мы пришли, вошел араб-бедуин и подошел ко мне. Ему было лет шестьдесят. "Научи меня Корану", - сказал он. Я начал читать ему слова: "Скажи: я прибегаю к Господу людей [123]", - а он повторял за мной. Когда я дошел до слов: "против джинов и людей", он сказал: "Я хочу также выучить суру "Видал ли ты людей ..." - "Эта сура не длиннее, чем та, что ты выучил", - ответил я. "А какая это сура "Несущие дрова"?" - спросил он. Он не знал, что в суре "Пусть отсохнут руки Абу Лахаба" говорится: "хаммалат ал-хатаб", а не "накалат ал-хатаб". Но, сколько я ему ни повторял в ту ночь суру "Скажи: я прибегаю к Господу людей", он так и не смог заучить ее, этот шестидесятилетний араб.

[122] 27 декабря 1046 г.
[123] Коран.114.

2.
СИРИЯ, ТРИПОЛИС И БЕЙРУТ

В субботу второго Раджаба четыреста тридцать восьмого года[124] мы приехали в Серудж, через два дня после того переправились через Евфрат и прибыли в Менбидж; это первый город из городов Сирии. По старому календарю это соответствовало первому числу месяца Бахмана, и температура была чрезвычайно приятна. За городом не было ни одной постройки.

Оттуда мы проехали в город Алеппо. От Мейяфарикина до Алеппо сто фарсахов. Я нашел, что Алеппо - прекрасный город. Он окружен стеной, высоту которой я определил приблизительно в двадцать пять арашей, и есть там замок, выстроенный на скале. Мне кажется, что Алеппо не меньше Балха, он густо заселен и все строения соприкасаются. В этом городе взимают пошлину с товаров, идущих через Сирию, Рум, Диарбекр, Египет и Ирак, и из всех этих стран туда наезжают купцы и торговцы. В Алеппо четверо ворот: Баб-ал-Яхуд[125], Баб Аллах[126], Баб-ал-Джинан[127] и Баб Антакиэ[128] . Базарным весом там служит ратль Захири, составляющий четыреста восемьдесят дирхемов.

Когда оттуда едут на юг, то, проехав двадцать фарсахов, попадают в Хама, далее лежит Химе, до Дамаска от Алеппо пятьдесят фарсахов, до Антиохии - двенадцать и столько же (т. е. еще пятьдесят) - до Триполиса. Говорят, что оттуда до Константинополя двести фарсахов.

Одиннадцатого Раджаба[129] мы выехали из Алеппо, в трех фарсахах была деревня, называемая Джунд Киннесрин. На другой день, проехав шесть фарсахов, мы при-

[124] 2 января 1047 г.
[125] Еврейские ворота.
[126] Божьи ворота.
[127] Садовые ворота.
[128] Антиохийские ворота.
[129] 11 января 1047 г.

были в Сармин, город, где стен не было. Мы проехали еще шесть фарсахов до города Мааррат-ан-Ну'ман, там была каменная стена. Это населенный город, у ворот его я увидел каменный столб, на нем было что-то написано другим, не арабским, шрифтом. Я спросил у кого-то, что это такое. "Это талисман против скорпионов, - ответил тот. - В этом городе никогда не бывает скорпионов, и они не заходят сюда; если же их привезут откуда-нибудь и пустят, они тотчас же убегают и не входят в город". Высоту этого столба я определил приблизительно в десять арашей. На базарах этого города я видел очень много товаров. Соборная мечеть его построена на возвышении посреди города - так, что с какой бы стороны в нее ни пожелали войти, при этом надо подняться на шестнадцать ступенек.

На полях они сеют исключительно пшеницу, и родится ее много. В большом обилии деревья: фиговые, оливки, фисташки, миндаль и виноградная лоза. Вода в городе дождевая и колодезная.

Был там некий человек по имени Абу Ала аль-Маарри, он был слепым и правил этим городом. Он был чрезвычайно богат, и у него было много рабов и слуг, даже все жители города повиновались ему, как рабы. Сам же он вел образ жизни отшельника, носил грубую шерстяную одежду и не выходил из дому. В пропитание он назначил себе ежедневно полмана ячменного хлеба и помимо этого не ел ничего. Я слыхал, что двери его дворца всегда открыты и что городскими делами ведают его наместники и заместители; к нему самому обращаются только по самым сложным делам. В богатстве своем он никому не отказывает, а сам постоянно постится, ночи проводит в бдении и не занимается никакими мирскими делами. В стихотворстве и в разных науках он достиг такой степени совершенства, что, по признанию писателей Сирии, Магриба и Ирака, в этом веке никто не мог и не может равняться с ним. Он написал книгу, названную им "Разделы и пределы". В ней он говорит зага-

дочные речи и приводит красноречивые и странные метафоры, постигнуть которые могут лишь немногие люди, и то только те, кто изучал эту книгу вместе с ним. Его даже заподозрили в том, что в этой книге он хочет критиковать Коран. Из окрестных городов к нему постоянно съезжается более двухсот человек, которые занимаются с ним науками и поэзией, и я слыхал, что он написал более ста тысяч двустиший. Кто-то спросил его: "Господь великий, благословенный даровал тебе всё это богатство, почему же ты все отдаешь другим, а сам не пользуешься?" - "Мне принадлежит только то, чем я пользуюсь", - дал он ответ. Когда я приехал туда, этот человек был еще жив[130].

Пятнадцатого Раджаба четыреста тридцать восьмого года[131] мы выехали оттуда в Куэймат, а потом в Хама, хорошенький, населенный город на берегу реки Асы . Реку эту потому назвали "Асы"[132], что она течет в сторону Рума, то есть идя из стран ислама в страны неверующих, она является как бы "мятежником". На ее берегах установлено много гидравлических колес.

Оттуда идут две дороги: одна к берегу моря, на запад Сирии, другая ведет в Дамаск. Мы поехали в сторону моря и видели на горе источник, про который говорят, что каждый год, когда пройдет половина Шабана[133], оттуда начинает течь вода, течет три дня, а после трех дней оттуда уже не вытекает ни единой капли вплоть до следующего года. Туда ездят на поклон много людей и ищут приближения к Господу. Там выстроены богоугодные заведения и сделаны водоемы.

Выехав оттуда, мы приехали в степь, покрытую распустившимися нарциссами так густо, что вся степь казалась

[130] Абу Ала аль-Маарри (973 г. – 1057 г.) – один из самых выдающихся арабских поэтов и мыслителей.
[131] 15 января 1047г.
[132] По-арабски «мятежник».
[133] 8-й месяц мусульманского календаря.

белой от обилия цветов. Мы поехали дальше и прибыли в город, называемый Ирка. Проехав два фарсаха от Ирки, мы добрались до берега моря и, проехав по берегу в южную сторону пять фарсахов, прибыли в город Триполис. От Алеппо до Триполиса тем путем, которым мы ехали, сорок фарсахов.

Мы прибыли туда в субботу пятого Шабана[134]. В окрестностях было много полей, садов и деревьев. Было очень много сахарного тростника, апельсинов гладких и кислых, бананов, лимонов и фиников. В это время как раз собирали сок сахарного тростника.

Город Триполис выстроен так, что три стороны его омываются морем. Когда море волнуется, волны плещут через стены. С той стороны, которая выходит на сушу, устроено укрепление с большим рвом и крепкими железными воротами. С восточной стороны возвышается каменная стена с такими же зубцами и бойницами. На верху стены установлены метательные машины. Обитатели города боятся румийцев, которые нападают на город с моря. Пространство города - тысяча арат в квадрате. Высота зданий - четыре и пять этажей, есть даже и шесть. Улицы и базары там красивые и чистые, можно было бы подумать, что каждый из них - разукрашенный замок. Пища, плоды и съестные припасы всех родов, какие мне только приходилось видеть в Персии, были и там, только их было во сто раз больше.

Посреди города стоит огромная, чистая, хорошо украшенная и прочно выстроенная соборная мечеть. Во дворе ее большой купол, а под куполом - мраморный бассейн с бронзовыми фонтанами. На базаре тоже устроен фонтан, где вода в обилии льет из пяти труб. Люди пользуются ею, а большая часть течет по земле и впадает в море. Говорили, что в этом городе двадцать тысяч жителей, а вокруг него много поселков и селений. Там вырабатывают хорошую

[134] 4 февраля.

бумагу, вроде самаркандской, но только лучше. Город этот относится к числу владений египетского султана. Причиной этому, говорят, то, что однажды, когда нечестивые румийцы напали на этот город, египетские мусульмане сразились с их войском и разбили его наголову. После этого египетский султан взял с этого города подать и постоянно держит там свои войска под начальством своих полководцев для охраны города от врага.

В этом городе имеется таможня, так как корабли, прибывающие из Рума[135], Фарангистана[136], Андалусии[137] и Магриба[138] платят там десятину султану. На эти деньги содержатся войска. У султана там есть суда, которые ходят в Рум, на Сицилию и в Магриб и ведут торговлю. Население этого города сплошь шииты, и шииты же выстроили во всех городах этой страны прекрасные мечети. Кроме того, они построили там дома вроде рабатов, но только там никто не останавливается. Называют их машхадами[139]. За стенами города Триполиса нет ни одного дома, кроме двух или трех таких машхадов.

Выехав из этого города, мы снова поехали на юг по берегу моря. На расстоянии одного фарсаха я видел крепость, называемую Каламун. В крепости этой есть источник. Выехав оттуда, мы приехали в город Тарабузан. От Триполиса до этого города пять фарсахов.

Оттуда мы проехали в Джубейль. Этот город имеет форму треугольника, один угол которого упирается в море. Вокруг города возведена очень высокая и прочная стена и растет много финиковых пальм и других южных деревьев. Я видел ребенка, державшего в одной руке красную, а в другой - свежую белую розу, а это было пятого числа месяца

[135] Византия.
[136] Франкское государство.
[137] Испания.
[138] Сев. Африка.
[139] Нечто вроде часовни, где покоится прах мученика или святого.

Исфандармада[140], по старинному календарю в четыреста пятнадцатый год персидской эры.

Оттуда мы проехали в город Бейрут. Я видел каменную арку, под которой проходила проезжая дорога, и высоту ее определил в пятьдесят газов. По бокам она была крыта плитами белого камня, каждая весом больше тысячи ман. Эта постройка возведена из кирпича на высоту двадцати газов и на верху ее воздвигнуты мраморные колонны, каждая высотой в восемь газов и такой толщины, что ее не смогли бы охватить два человека. На этих колоннах покоится арка, выстроенная с таким расчетом, что камни ее с двух сторон соприкасаются и не соединены ни глиной, ни известью. Над этими арками сверху другая большая арка на самой середине, высотой в пятьдесят арашей. Высоту каждого камня, пошедшего на постройку этой арки, я определил приблизительно в восемь арашей в длину и четыре араша в ширину, а весом каждый около семи тысяч ман. Все эти камни покрыты скульптурной и резной работой, столь красивой, что и на дереве скульптуру такой красоты редко доводится видеть. Кроме этой арки, в этой местности других строений не осталось. Я спросил, что это за место, и мне ответили: "Мы слыхали, что это были ворота в сад фараона и что они очень древние".

Все степи этой местности покрыты мраморными колоннами, отдельными капителями и колоннами баз капителей, все они из разукрашенного мрамора, закругленные, четырехугольные, шестигранные и восьмигранные. Камень этот настолько тверд, что железо не оставляет на нем никакого следа. Но в окрестностях нигде нет горы, где могли бы быть каменоломни. Другой камень напоминает искусственное соединение, и его так же, как и другие камни, не берет железо.

[140] Февраль.

По всей Сирии мне попадалось около пятисот тысяч колонн или капителей, и ни одна живая душа не знает, что это было такое или откуда привезено.

Оттуда мы переехали в город Сайда, тоже на берегу моря. Там много плантаций сахарного тростника, а город окружен прочной каменной стеной с тремя воротами. Соборная мечеть красива и чрезвычайно закончена. Пол в ней покрыт пестрыми циновками. Базар тоже очень хорошо убран, так что, увидев его, я подумал, что город украсили для приезда султана или по случаю какой-нибудь радостной вести. На мой вопрос мне ответили, что такой в этом городе обычай. Сады и деревья в этом городе были так прекрасны, что, казалось, какой-нибудь царь развел там сады по своему желанию и устроил в них киоски. Большая часть деревьев была полна плодов. Оттуда, проехав пять фарсахов, мы прибыли в город Сур. Этот город устроен так. На берегу моря была большая скала - на ней и выстроили этот город и притом так, что стена кремля идет по суше не больше ста газов, вся остальная часть ее омывается морем. Стены сложены из обтесанных камней, а щели замазаны смолой, чтобы вода не могла туда проникнуть. Пространство города я определил приблизительно в тысячу шагов в квадрате, здания пяти- и шестиэтажные, один этаж над другим, устроено много фонтанов, красивые базары и большое богатство. Город Сур славится богатством и обилием среди прибрежных городов Сирии. Жители там большей частью шииты. Был там кадий суннитского толка, по имени Ибн Абу-Укейль, человек красивый и богатый. У ворот города выстроен машхад, там много ковров и циновок, серебряных и золотых ламп и светильников. Город лежит на возвышении, а воду он получает с горы. За городом построен акведук, и вода по этому акведуку идет в город. В горе против города есть ущелье, если проехать через него, направляясь к востоку, то в восемнадцати фарсахах будет

город Дамаск. Проехав семь фарсахов, мы прибыли к кремлю Акки; когда о нем пишут в бумагах, его называют Мединет Акка. Город построен на возвышении, часть которого идет под уклон, а остальная часть ровная. На всем Сирийском побережье не строят городов, если нет возвышения, опасаясь прилива со стороны моря и страшась волн, ударяющих в берега. Соборная мечеть стоит посреди города, выше всех остальных зданий. Все ее колонны из мрамора, с правой стороны Кыблы, снаружи гробница пророка Салиха, мир да будет с ним. Часть двора покрыта каменными плитами, а другая часть засеяна травой. Говорят, что Адам, мир да будет с ним, там обрабатывал землю. Я смерил город: длина его две тысячи арашей, а ширина - пятьсот. Город окружен прочной каменной стеной, с южной и западной стороны омывается морем. На южной стороне лежит и гавань. Большая часть прибрежных городов имеет гавань, которая устраивается для охраны судов. Это нечто вроде конюшни, задняя стена которой прилегает к кремлю, а две другие вдаются в море. Вход в нее шириной около пятидесяти газов, и стены там нет, протянуты только цепи от одной стены к другой. Когда хотят впустить в гавань корабль, цепи ослабляют, так что они опускаются под воду, и корабль проходит по воде над ними. Затем цепи опять поднимают, чтобы никто чужой не мог напасть на корабли. С левой стороны у восточных ворот есть источник, к которому надо спуститься на двадцать шесть ступеней, чтобы достать воды. Называется он Айн-ал-Бакар, и говорят, что открыл его Адам, мир да будет с ним, и поил его водой свою корову. По этой причине источник и назван Айн-ил-Бакар[141].

Если направиться от кремля Акки к востоку, то по дороге встретится гора, где находятся гробницы пророков, мир да будет с ними. Это место лежит на краю дороги, иду-

[141] По-арабски – «Источник коровы».

щей в Рамлэ. Я решил посмотреть эти благодатные гробницы и попросить у Господа - велик и славен да будет он - связанной с ними благодати, но жители Акки сказали, что по дороге туда живут недобрые люди, которые, увидев чужестранца, нападают на него и отнимают все, что у него есть с собой. Я положил свое имущество в мечеть в Акке и покинул город через восточные ворота. В субботу двадцать третьего Шабана[142] четыреста тридцать восьмого года, я поклонился могиле Акка, основателя города; он был одним из праведных и великих людей. Так как со мной не было человека, знающего дорогу, я сбился с пути, но внезапно, по милости Господа - велик и славен да будет он - ко мне в тот же день присоединился некий перс из Азербайджана, который уже раз посетил эти благодатные гробницы и теперь вторично направлялся туда с тем же намерением. За эту милость я в благодарность Творцу - велик и славен да будет он - сотворил два раката намаза и благодарственный земной поклон за то, что он дал мне свое споспешествование и я мог осуществить свое намерение.

Я прибыл в деревню Бервэ, где поклонился могилам Иша и Шим'уна[143], мир да будет над ними.

Оттуда я прошел в маленькую пещеру, называемую Дамун. Там я тоже поклонился могиле, про которую говорили, что это могила Зу-л-Кифля[144].

Затем я направился в другую деревню, называемую Абилин, там была могила Худа, мир да будет с ним. Я удостоился поклониться и ей; в ограде ее растет фиговое дерево. Там находится гробница пророка Узейра[145] - мир да будет с ним, - я поклонился и ей; направился к югу и пришел в другую деревню, называемую Хазире. На западной окраине этой деревни была долина, а в долине этой - чис-

[142] 5 марта 1046 г.
[143] Симеон (предположительно).
[144] Сын патриарха Айуба (Иова).
[145] Предположительно Ездра.

тый источник, бивший из скалы. Против источника на скале выстроена мечеть, в мечети этой - два каменных дома с каменной крышей и дверкой, столь маленькой, что человек может войти туда лишь с трудом. Там, рядом друг с другом, находятся две могилы: одна - Шуэйба[146], мир да будет с ним, а другая - дочери его, которая была женой Моисея, мир да будет с ним. Жители этой деревни заботятся о мечети и могилах, держат их в чистоте и зажигают светильники.

Оттуда я направился в деревню, называемую Арбиль. По направлению к Кыбле от этой деревни лежит гора, посреди нее ограда, а в ней четыре могилы сыновей Иакова, мир да будет с ним, братьев Иосифа, мир да будет с ним. Отправившись дальше, я увидел холм, а под холмом этим - пещеру, где находилась гробница матери Моисея, мир да будет с ним. Я удостоился поклониться ей и пошел дальше. Передо мной появилась долина, в конце которой лежит небольшое озеро; на берегу этого озера расположен город Табарийэ[147]. Длина этого озера около шести фарсахов, а ширина около трех, вода в нем сладкая и вкусная, а город лежит к западу от него. Вся вода из бань города и излишек воды в самом городе стекают в это озеро. Жители этого города и всех поселений, лежащих на берегах, пьют воду из этого озера.

Я слыхал, что однажды в этот город прибыл некий эмир и приказал преградить сток в озеро нечистот и грязной воды. Но тогда вода в озере стала столь зловонной, что ее нельзя было пить. Эмир снова приказал открыть все стоки, которые были ранее, и вода в озере снова стала сладкой.

Вокруг города от самого берега озера возведена прочная стена, только со стороны озера стены нет. Много зданий построено среди воды: строили вышки, покоящиеся на

[146] Один из арабских пророков, упоминаемых в Коране; по родству с Моисеем отожествляется с библейским Иофаром.
[147] Тивериада.

колоннах, которые стоят в воде. В озере этом много рыбы.

Посреди города есть соборная мечеть, возле нее бьет источник, а над источником этим выстроена баня. Вода его настолько горяча, что до тех пор, пока не смешают ее с холодной, ее нельзя лить на тело. Говорят, что баню эту построил Соломон, сын Давидов, мир да будет с ним. Я посетил эту баню.

В городе Табарийэ, в западной его части, есть еще мечеть, называемая "мечетью Жасминов". Это красивое здание. Посреди мечети устроена большая площадка, на которой воздвигнуты михрабы, а вокруг насажены жасминовые деревья, от которых мечеть и получила свое название. На восточной окраине мечети есть галлерея, где находится могила Юшу ибн Нуна[148], мир да будет с ним, а под площадкой - могила семидесяти пророков, убитых израильтянами.

К югу от города лежит озеро Лота. Вода там, то есть в озере Лота, которое лежит к югу от Табарийэ, горькая. Река, вытекающая из озера Табарийэ, впадает туда. Замок Лота находился на берегу этого озера Лота, но от него не осталось и следа. Один человек говорил мне, что в горьком озере Лота есть что-то такое вроде коровы. Оно выделяется из воды, черного цвета и принимает форму коровы. Оно похожо на камень, но только не твердое. Жители собирают это вещество, разбивают на части и развозят по городам и областям. Если положить кусок этого вещества под дерево, то червь никогда не сможет попортить дерево, вместе с тем и корням от этого не будет никакого вреда и сад не пострадает ни от червей, ни от подземных вредителей. Ответственность за это сообщение лежит на рассказчике. Он говорил также, что москательщики покупают это вещество. Говорят, что в их зельях заводится червь, называемый накрэ, и что это вещество предохраняет и от такого червя.

В городе Табарийэ плетут циновки, в частности молит-

[148] Иисус Навин.

венные коврики, их продают там за пять магрибинских динаров.

В этой местности с западной стороны есть гора, на горе этой - стена из твердого камня, на ней еврейскими буквами написано, что когда изготовлялась эта надпись, Плеяды стояли в знаке Овна. Там же, за городом, по направлению Кыблы, находится гробница Абу Хурейры[149], но только никто не может посетить ее, потому что обитатели этих мест шииты и когда кто-нибудь идет поклониться гробнице, дети начинают издеваться над ним, кричать, приставать к нему и бросать в него камнями. Поэтому я не мог пойти туда на поклон. Возвращаясь назад после поклонения всем этим местам, я пришел в деревню, называемую Кафар Каннэ. К югу от этой деревни выстроен красный монастырь с прочной дверью. Там гробница пророка Ионы, мир да будет с ним; у дверей монастыря есть колодец со сладкой водой.

Поклонившись этому месту, я направился оттуда в Акку, до Акки оттуда четыре фарсаха. Один день мы провели в Акке, а затем отправились дальше. Мы прибыли в деревню, называемую Хайфа. По дороге в эту деревню нам попалось много того песку, которым в Персии пользуются золотых дел мастера и который они называют "меккским песком". Деревня Хайфа лежит на берегу моря, там много пальмовых рощ и деревьев. Там были корабельные мастера, строившие большие корабли. Эти морские корабли там называются "джуди".

Оттуда мы проехали в другую деревню, фарсахом дальше, называемую Кунейсэ. Начиная оттуда, дорога отходит от моря и входит в горы по направлению к востоку. По дороге попалась каменистая равнина, называемая Вади Темасих[150].

[149] Один из сподвижников пророка, к которому восходит много преданий о пророке и его изречениях.
[150] Долина крокодилов.

Двумя фарсахами дальше дорога снова выходит к берегу моря. Там мы видели много костей морских животных, смешавшихся с землей и глиной и от постоянных ударов волн ставших похожими на камни.

Оттуда мы проехали к городу, который называют Кайсарийэ. От Акки до него семь фарсахов. Это красивый город с проточной водой, пальмовой рощей, сладкими и кислыми апельсинами, прочной стеной и железными воротами. По городу протекают ручьи ключевой воды. Там красивая соборная мечеть; сидя на ее дворе, можно наслаждаться видом на море. Там была мраморная ваза, сработанная так красиво, как китайский фарфор, вместимостью около ста ман воды.

В субботу двадцать девятого Шабана[151] мы выехали оттуда. Целый фарсах нам пришлось ехать по меккскому песку, и затем мы снова увидели много фиговых и масличных деревьев. Дорога все время шла то по горам, то по долине. Проехав несколько фарсахов, мы прибыли в город, называемый Кафар Саба и Кафар Саддам. От этого города до Рамлэ три фарсаха, и вся дорога, как было упомянуто, усажена деревьями.

В воскресенье первого Рамазана мы прибыли в Рамлэ. Оттуда до Кайсарийэ восемь фарсахов. Это большой кремль с прочной стеной из камней, скрепленных известью и железными воротами. От города до берега моря три фарсаха.

Жители города пользуются дождевой водой. В каждом доме есть цистерны, куда собирают дождевую воду, и вода всегда есть в запасе.

Посреди соборной мечети тоже есть большие цистерны. Когда они наполняются водой, всякий может пользоваться ею. Площадь тамошней мечети - триста шагов на двести. Над скамьей в ней есть надпись, что пятнадцатого

[151] 10 марта.

Мухаррама четыреста двадцать пятого года[152] там было сильное землетрясение, было разрушено много зданий, но из жителей никто не пострадал.

В этом городе много мрамора и большая часть дворцов и домов его жителей изящно выложена мрамором и покрыта рисунками. Мрамор режут пилой без зубцов, применяя при этом меккский песок. Колонны пилят в длину, а не в ширину - как пилят деревья, - и делают из камня доски. Я видел много различных цветов мрамора: пестрый, зеленый, красный, черный, белый, - всех цветов.

Там есть разновидность фиги, лучше которой фиг не бывает нигде; ее вывозят во все окрестные города. Город Рамлэ в провинции Сирии и в Магрибе известен под названием Филистын.

Третьего Рамазана мы выехали из Рамлэ и приехали в деревню, называемую Хатун, а оттуда проехали в другую деревню, называемую Кария-ал-Инаб[153] . По пути мы видели много теребинтов, которые дико росли на горах и в долине.

В этой деревне мы видели прекрасный сладкий источник, бивший из скалы. Около него устроены конюшни и убежища для путников. Оттуда мы начали подниматься вверх; казалось, что мы поднимаемся на гору и что когда мы перевалим на другую сторону горы, покажется город. Но когда мы поднялись на некоторую высоту, перед нами раскрылась огромная равнина, частью песчаная, частью каменистая. На вершине горы лежит город Бейт-ал-Мукаддас[154]. От Триполиса, лежащего на побережье, до Бейт-ал-Мукаддаса - пятьдесят шесть фарсахов, а оттуда до Балха - восемьсот семьдесят шесть.

[152] 11 декабря 1033 г.
[153] Деревня винограда.
[154] Иерусалим.

3.
БЕЙТ-АЛ-МУКАДДАС И ЕГО МЕЧЕТЬ. КАМЕНЬ САХРА И КУПОЛ ПОД НИМ

Пятого Рамазана четыреста тридцать восьмого года[155] мы вошли в Бейт-ал-Мукаддас. Со дня нашего отъезда прошел целый солнечный год, и мы все это время были в пути и нигде не отдыхали как следует.

Жители Сирии и окрестностей называют Бейт-ал-Мукаддас - Кудс. Если кто-нибудь из жителей этой местности не может отправиться в хадж, он в положенное для этого время направляется в Кудс, проводит там столько дней, сколько нужно провести в Мекке, и по обычаю празднует праздник Жертвоприношения[156]. Иногда бывает, что в начале месяца Зу-л-Хиджа туда собирается на поклон более двадцати тысяч человек. Туда возят и детей и совершают там обрезание.

Из областей Рума и других местностей туда ездят тоже в большом числе христиане и евреи, чтобы поклониться церкви и синагоге. Большая церковь будет описана далее, на своем месте. Окрестности и пригороды Бейт-ал-Мукаддаса гористы, но вся земля там возделана и много масличных, фиговых и других деревьев. Воды там нет совершенно, но, тем не менее, там много богатств и жизнь дешева. Там есть хозяева, у каждого из которых колодцы и цистерны наполнены более чем пятьюдесятью манами оливкового масла; они развозят его оттуда во все страны света. Говорят, что в Сирийской земле никогда не бывало недорода, а от верных людей я слыхал, что некий великий муж увидел во сне пророка, мир и благословение да будет над ним, и сказал ему:

[155] 16 марта 1046г.

[156] Праздник 10-го Зу-л-Хиджа мусульманского календаря. В этот день полагалось принести в жертву (т. е. зарезать), в зависимости от состояния жертвователя, овцу, верблюда или быка определенного возраста и вполне здоровых. Празднование продолжалось три дня. Другое название — Курбан.

"О пророк божий! Облегчи нам жизнь". Пророк - мир да будет с ним - ответил: "Я ручаюсь за хлеб и за масло Сирии".

Теперь я опишу город Бейт-ал-Мукаддас. Это город, расположенный на вершине горы. Воды там, кроме дождевой, нет. В окрестностях есть ручьи, но в самом городе - нет. Вокруг города возведена прочная стена из камней, скрепленных известью, с железными воротами. Около города нет ни одного дерева, так как город стоит на камне.

Это большой город. В то время, когда я посетил его, там было двадцать тысяч человек жителей. Там есть красивые базары, высокие здания; вся земля его вымощена каменными плитами. Где была гора или возвышение, их срезали и сравнивали, так что когда идет дождь, вся земля в городе вымывается начисто.

В городе много ремесленников, и каждый цех занимает на базаре отдельный ряд. Мечеть - в восточной части города, и восточная стена города вместе с тем и стена мечети. Если пройдешь за мечеть, раскрывается большая бесконечная ровная долина, называемая Сахара.

Говорят, что эта равнина и будет местом Воскресения мертвых и что там произойдет страшный Суд. По этой причине туда собирается много народу со всех концов мира и селится там, чтобы умереть в этом городе и, когда придет назначенный Господом великим и преславным срок, явиться на место свидания.

О Боже мой, в этот день защити рабов твоих и помилуй! Аминь, о Господь миров!

На краю этой равнины - большое кладбище, где похоронено много святых людей; люди молятся там, простирают с мольбою руки, и Господь всевышний внимает их мольбам.

О Боже мой, услышь мольбы наши, прости нам прегрешения наши и скверну нашу и помилуй нас по милости

твоей, о милосерднейший из милосердных!

Между мечетью и этой равниной Сахарой лежит большая, глубокая долина. В долине этой, похожей на ров, есть большие строения, выстроенные так, как строили раньше. Я видел там каменный купол, высеченный из камня и поставленный на дом. Трудно себе представить что-нибудь более удивительное, нельзя даже догадаться, как его могли поднять с места. Молва гласит, что это дом Фараона, а долина - долина Геенны.

Я спросил, почему ее так прозвали. Мне ответили: "Во время своего халифата Омар сын Хаттаба[157] - да помилует его Господь - разбил на равнине Сахара свой лагерь. Увидев эту долину, он молвил: "Это долина Геенны". Простой люд говорит, что всякий, кто дойдет до конца этой долины, услышит голоса грешников в аду и что оттуда доносятся крики. Я ходил туда, но ничего не слыхал.

Если пройти от города на юг полфарсаха и спуститься вниз, придешь к источнику, бьющему из скалы и называемому Ай-Сельван. Около него много строений, вода его течет в деревню, где тоже выстроено много зданий и разведены сады. Говорят, что тот, кто вымоет голову и тело этой водой, исцеляется от хронических страданий и болезней. На поддержание этого источника делается много пожертвований.

В Бейт-ал-Мукаддасе есть прекрасная больница, на нее жертвуется много денег, и многим больным там дают снадобья и лекарства; при ней состоят врачи, получающие содержание из пожертвованных сумм.

Мечеть находится на краю города, с восточной стороны, одна из стен ее прилегает к долине Геенны. Если поглядеть на эту стену снаружи мечети, то видно, что на протяжении ста арашей она возведена из огромных камней, без

[157] Второй из правоверных халифов, тесть пророка Мухаммада, правил в 634—644 гг. н. э.

применения глины и извести. С внутренней стороны мечети оконечность стены идет прямо.

Мечеть эту построили на том месте, потому что там находится камень Сахра, а камень этот - тот самый, который Господь, велик и славен да будет он, повелел Моисею, мир да будет с ним, сделать Кыблой. Когда последовало это приказание и Моисей сделал Кыблу, он после этого долго не прожил и в скором времени скончался.

Затем Соломон - мир да будет над ним - в эпоху своего правления повелел выстроить вокруг этого камня, являвшегося Кыблой, мечеть, так что Сахра оказался посредине мечети, и там же был михраб[158]. До эпохи пророка нашего Мухаммада избранного - да помилует его Господь и да сохранит - эту скалу считали Кыблой и совершали намаз, обращаясь в ее сторону до тех пор, пока Господь благословенный, всевышний не приказал сделать Кыблой дом Ка'бы; описание скалы будет дано на своем месте.

Я хотел измерить площадь этой мечети, но решил сначала хорошенько изучить и разглядеть внешний вид и расположение ее, а потом уж измерить. Долгое время я ходил по этой мечети и рассматривал ее, пока не увидел на северной стороне возле купола Иакова, мир да будет с ним, вырезанную на камне надпись на арке: "Длина этой мечети семьсот четыре араша, а ширина - четыреста пятьдесят пять. За меру взят царский газ". А "царский газ" - это то, что в Хорасане называется "газ-и шайган" и составляет немного менее полутора арашей.

Пол мечети крыт каменными плитами, и промежутки между ними заполнены свинцом. Мечеть лежит в восточной части города, так что, чтобы пройти от базара к мечети, надо идти на восток.

Сначала возвышается прекрасный портик, тридцати газов в высоту и двадцати газов в ширину, состоящий из

[158] Михраб—ниша в стене, указывающая направление, в котором надо кланяться при молитве (Кыблу, т. е. сторону Мекки).

арки и двух крыльев. И крылья и аркада портика разукрашены эмалированным стеклом, укрепленным в извести, с самыми разнообразными рисунками, столь яркими, что, когда взглянешь на них, темнеет в глазах. Таким же способом на портике выведена надпись и написан титул Египетского султана. Когда на нее светит солнце, лучи так блестят, что разум теряется. Над портиком возведен купол из симметричных камней. Там же имеются две изящные двери, изукрашенные дамасской бронзой, похожей на чистое золото, и различными рисунками. Высота каждой из них пятнадцать газов, ширина - восемь. Эту дверь называют "Дверью Давида", мир да будет с ним.

Когда войдешь в эту дверь, по правую руку находятся две большие галереи, в каждой из них - двадцать девять мраморных колонн. Капители и базы их сделаны из разноцветного мрамора, а промежутки между камнями заполнены свинцом. На колоннах этих покоятся каменные арки, выстроенные без применения глины и извести, так что каждая арка состоит из четырех-пяти камней, не больше. Эти галереи идут почти что до самой Максурэ[159].

По левую руку от дверей, то есть на север, тянется другая длинная галерея из шестидесяти четырех арок, покоящихся на мраморных колоннах. Там, в той же самой стене, имеется дверь, называемая Баб-ас-Сахр.

Мечеть тянется с севера на юг, причем, если отрезать от нее Максурэ, останется квадрат, в южной части которого находится Кыбла. С северной стороны - две другие двери, одна рядом с другой, ширина каждой из них семь газов при высоте в двенадцать. Эти двери называются Баб-ал-Асбат[160].

Когда войдешь в эти двери, снова встречаешь боль-

[159] Эти галереи идут вдоль стены; одна — до судной залы, Махкама, а другая — до ворот пророка (Баб-ан-Набн). Под Максурэ Носири Хусрав, вероятно, имеет в виду другую мечеть — Масджид-ал-Акса.
[160] Врата врат.

шой портик, идущий поперек мечети, то есть по направлению к востоку. Все эти двери такой же величины, как Баб-ал-Асбат, и изукрашены железом и бронзой так, что трудно найти что-нибудь более красивое. Эти двери называют Баб-ал-Абваб , потому что в остальных местах двери стоят попарно и только в этом месте их три.

Между этими двумя портиками, находящимися с северной стороны, в галерее, арки которой покоятся на колоннах, возвышается купол, лежащий на высоких колоннах, украшенный лампадами и светильниками и называемый куполом Иакова, мир да будет с ним. Здесь Иаков совершал намаз.

Поперек мечети проходит еще галерея, в стене ее - дверь, и за этой дверью - два суфийских монастыря, там устроены прекрасные места для намаза и михрабы.

Люди, принадлежащие к числу суфиев, постоянно проживают там, там же совершают и намаз[161], а в большую мечеть ходят только по пятницам, когда до них долетает звук "такбира"[162].

В северном углу мечети есть прекрасная галерея и большой красивый купол. На нем написано: "Это михраб Захарии, пророка", мир да будет с ним. Говорят, что он постоянно совершал намаз в этом месте.

На восточной стороне мечети, в самой середине, возвышается огромный, чрезвычайно красивый портик, выстроенный из симметрических камней так, что он кажется сделанным из одного камня. Высота его - пятьдесят газов, ширина - тридцать; он весь разукрашен рисунками и резьбой. В нем десять дверей, устроенных так, что расстояние между отдельными дверями не больше длины ступни. Двери чрезвычайно пышно разукрашены железом и дамасской

[161] Намаз — ритуальная молитва, которую всякий мусульманин обязан совершать 5 раз в день.

[162] Так называется произнесение слов «Аллаху Акбару» (Господь Величайший), с которых начинается азан, или призыв к молитве.

бронзой; к ним приделаны кольца и вбиты гвозди. Говорят, что эти двери построил Соломон, сын Давида, мир да будет с ним, для своего отца.

Когда пройдешь через этот портик, снова на восток от него находишь две двери: правая называется Баб-ар-Рахмат[163], а другая - Баб-ат-Тавбат[164] . Говорят, что около этой двери Господь, велик и славен да будет он, принял покаяние Давида, мир да будет с ним.

Около этого портика - изящная небольшая мечеть. Когда-то она была открытым проходом, а потом из прохода сделали мечеть и разукрасили ее разнообразными циновками. К ней приставлены отдельные служители. Туда ходит много людей, творят намаз и стараются приблизиться к Господу, благословенному и всевышнему, ибо там было принято покаяние Давида, мир да будет с ним, и все люди надеются отвратиться от непокорности. Говорят, что Давид, мир да будет с ним, переступил через порог этой двери, когда в откровении ему была сообщена благая весть, что Господь, велик и славен да будет он, принял его покаяние. Он остался в этом месте и стал предаваться молитве.

И я, Носир, сотворил намаз в этом месте и просил у Господа, велик и славен да будет он, споспешествования в послушании и освобождения от непокорности.

Пусть Господь, велик и славен да будет он, поможет всем рабам его в том, что он считает похвальным, и подаст им молитвами Мухаммада и чистого рода его покаяться в непокорности.

По восточной стене, там, где она упирается в южный угол (а Кыбла тоже с южной стороны), против северной стены, находится подземная мечеть, куда надо спуститься на много ступенек. Площадь ее - двадцать газов на пятнадцать, крыша - каменная, колонны - мраморные. Там стоит колы-

[163] Дверь милосердия.
[164] Дверь покаяния.

бель Иисуса. Она из камня, и так велика, что люди совершают в ней намаз. Я тоже совершил там намаз. Ее укрепили в земле, так что она не качается, и это - та самая колыбель, в которой Иисус лежал в детстве и разговаривал с людьми. Колыбель эта в мечети поставлена вместо михраба.

В этой мечети есть еще и михраб Марии, мир да будет с ней, с восточной стороны, и там же - еще и михраб Захарии, мир да будет с ним. Стихи Корана, в которых говорится о Марии и Захарии, написаны на этих михрабах. Говорят, что местом рождения Иисуса, мир да будет с ним, и была эта мечеть.

На камне одной из колонн есть след двух пальцев, как будто бы кто-то схватился за эту колонну двумя пальцами. Говорят, что Мария схватилась за эту колонну, когда разрешалась от бремени. Мечеть эта известна под названием "Колыбели Иисуса", мир да будет с ним. Там подвешено много бронзовых и серебряных лампад, которые горят каждую ночь.

Когда выйдешь из двери этой мечети и пойдешь по той же восточной стене, в углу большой ограды будет другая мечеть, большая и красивая, в два раза больше мечети "Колыбели Иисуса". Ее называют "Масджид-ал-Акса"[165], и это - та самая мечеть, куда Господь, велик и славен да будет он, в ночь Мираджа[166] восхитил избранника своего, да помилует его господь и да сохранит, из Мекки и откуда вознес его на небо, как он упоминает об этом в Коране: "Да будет благословен тот, кто перенёс ночью раба своего из священного храма в дальний храм"[167]. Там выстроено изящное здание, положены красивые циновки и приставлены особые служители, которые постоянно поддерживают в ней порядок.

[165] Дальняя мечеть.
[166] Мирадж — легендарный ночной полет Мухаммада в Иерусалим и на небо, о котором Коран дает только глухой намек, но который мусульманские авторы разукрасили обилием фантастических деталей.
[167] Коран, XVII, 1.

Если ты оттуда повернешь назад к южной стене, встретится пространство около двухсот газов, где нет крыши. Крыша большей мечети - четыреста восемь арашей в длину, имеет максурэ по правую руку и прилегает к южной стене. Западная сторона крыши в ширину - четыреста пятьдесят арашей. Там двести восемьдесят мраморных колонн, а на колоннах покоятся каменные арки. Капители и колонны покрыты скульптурной работой, а пространства между отдельными камнями заполнены свинцом, так что прочнее ничего быть не может. Расстояние между двумя колоннами - шесть газов. Пол крыт разноцветными мраморными плитами, промежутки между ними залиты свинцом. Максурэ находится посредине, она настолько велика, что там помещается шестнадцать колонн. Она покрыта очень большим куполом, изукрашенным мозаикой, как уже говорилось ранее.

Пол ее прикрыт магрибинскими циновками, повсюду висят - каждая на отдельной цепи - лампады и светильники. В ней устроен большой михраб, украшенный мозаикой, а с двух сторон его - два мраморных столба цвета красного агата. Вся Максурэ крыта внутри разноцветными мраморными плитами. По правую руку - михраб Муавии[168], по левую - михраб Омара, да помилует его Господь.

Крыша максурэ - деревянная, расписная и покрыта резьбой, а в стене ее, которая выходит во двор, устроены пятнадцать арок и изящные двери, каждая - пятнадцать газов в высоту и шесть - в ширину. Из них десять - на той стене, которая четырехсот двадцати газов длины, и пять - на той, которая ста пятидесяти газов. Из этих дверей одна - бронзовая, чрезвычайно изящной и красивой работы, так что даже кажется, что она золотая; украшения на ней сделаны из черненого серебра. На ней написано имя халифа Ма-

[168] Первый халиф из дома Омейядов, отнявший власть у зятя пророка, Али. Правил с 661 по 680 г. н.э.

муна[169]; говорят, что Мамун прислал ее из Багдада. Когда открывают все двери, внутри мечети становится так светло, словно это двор, не покрытый крышей. Но когда ветер или дождь, дверей не открывают, и свет падает через окна.

Со всех четырех сторон этой крыши находятся сундуки, из которых каждый принадлежит какому-нибудь городу Сирии и Ирака. Возле них пребывают муджавиры[170], как это делается в священной мечети в Мекке, да почтит ее Господь всевышний.

За крытой частью мечети вдоль длинной стены, уже упомянутой ранее, идет галерея из сорока двух арок, все колонны ее - из разноцветного мрамора. Эта галерея соединяется с галереей западной.

Внутри крытой части устроен водоем, в который стекает дождевая вода, когда идет дождь. Когда он закрыт, он на одном уровне с землей.

В южной стене - дверь, и там - места для омовений и вода; если кто-нибудь нуждается в омовении, он может пойти туда и возобновить свое омовение, потому что, если он выйдет из мечети, он не поспеет к намазу и пропустит его по причине величины мечети.

Крыши мечети сделаны все из листового свинца, а в полу ее устроены водоемы и цистерны. Мечеть стоит на скале и, таким образом, сколько бы ни лил дождь, вода не уходит наружу, не теряется, но вся стекает в цистерны, и люди могут пользоваться ею. Устроены также и свинцовые стоки, по которым стекает вода; каменные цистерны расположены под стоками, а в стоках устроено отверстие, через которое вода вытекает и попадает в цистерну, не загрязняясь и не портясь.

В трех фарсахах от города я видел большой водоем,

[169] Седьмой халиф из рода Аббаса; сын знаменитого Харун ар-Рашида и персиянки. Правил с 813 по 833 г. н.э.
[170] Люди, селящиеся в священном храме для молитвы.

куда собирается вода, текущая с гор. От водоема устроен канал, по которому вода течет в мечеть.

Вообще из всего города в мечети воды больше всего.

Однако во всех домах тоже устроены водоемы для дождевой воды, ибо, помимо дождевой воды, другой там нет. Каждый собирает воду у себя на крыше, и бани и все остальные учреждения питаются дождевой водой. Водоемы, устроенные в мечети, никогда не нуждаются в починке, потому что это твердый камень. Если даже в скале были трещины или отверстия, их заделали так прочно, что водоем испортиться никогда не может. Говорят, что все это устроил Соломон, мир да будет с ним.

Верхний край водоемов сделан наподобие печи, и сверху они покрываются каменной крышкой, чтобы туда ничего не упало. Вода в этом городе слаще и чище, чем где бы то ни было, и если идет небольшой дождь, по стокам вода бежит два или три дня, так что небо уже совсем ясное, туч нет и следа, а капли дождя все еще капают.

Я уже говорил, что город Бейт-ад-Мукаддас выстроен на скале и что почва его очень неровная. Однако в мечети пол ровный и гладкий, а снаружи мечети, в соответствии с местностью, где есть уклоны, там стена мечети выше, потому что стена опускается в более низкое место; где идет подъем, там стена ниже. Поэтому из тех мест и тех кварталов города, которые лежат в низине, ведут в мечеть подземные ходы, выходящие на двор мечети и закрытые дверями.

Одна из этих дверей называется Баб-ан-Наби[171], да помилует и да сохранит Господь пророка. Она находится на стороне Кыблы, то есть на стороне южной, и ширина ее десять газов, а высота, то есть высота свода этого прохода, в зависимости от числа ступенек,- от пяти до двадцати газов.

Над этим сводом стоит крытая часть мечети, и он на-

[171] Ворота пророка.

столько прочен, что на нем можно было выстроить даже такое большое здание и это не оказывает на него никакого действия. При постройке его применяли такие камни, что разум не в состоянии постигнуть, как человеческая сила могла перенести и установить такие тяжести. Говорят, что сооружение это выстроил Соломон, сын Давидов, мир да будет с ним; пророк наш, да сохранит его господь и да помилует, в ночь Мираджа прошел в мечеть через этот ход, ибо дверь его обращена в сторону Мекки.

Около двери на стене, на камне, отпечаток вроде большого щита. Говорят, что Хамза ибн Абд-ал-Мутталиб, дядя посланника, мир да будет с ним, сидел там и, закинув щит за спину, прислонился к стене; это и есть отпечаток его щита.

У входа в мечеть, где выходит этот подземный проход, навешена дверь из двух половинок; в этом месте внешняя стена ограды - около пятидесяти газов высоты. Устроен этот проход для того, чтобы жителям квартала, лежащего у подножия мечети, не надо было проходить через другие кварталы, когда они пожелают пойти в мечеть.

Около двери мечети, по правую руку, в стену вделан большой камень высотою в пятнадцать арашей и шириной в четыре; в этой мечети нет камня больше этого, но во внешней стене, на высоте тридцати четырех газов, много камней в четыре и пять газов.

В поперечной части ограды, с восточной стороны, есть дверь, называемая Баб-ал-Айн[172]. Выйдя из этих дверей и спустившись вниз, попадаешь к источнику Сельван.

Там есть еще вторая дверь, тоже закрывающая подземный ход, она называется Баб-ал-Хитта[173]. Говорят, что это - та самая дверь, через которую Господь, велик и славен да будет он, повелел войти в мечеть израильтянам, так говорит Всевышний в Коране: "Войдите в дверь, совершая ко-

[172] Ворота источника.
[173] Ворота прощения.

ленопреклонение, и скажите: "Отпусти нам грехи наши", - и мы простим вам ваши прегрешения. Поистине, мы осыплем справедливых щедротами" [174].

Кроме того еще есть дверь, называемая Баб-ас-Секина[175]; в проходе, который ведет к ней, устроена мечеть, где много михрабов, но первые ее двери всегда закрыты, чтобы туда никто не мог войти. Говорят, что там поставлен Ковчег Завета, о котором Господь благословенный, всевышний упоминает в Коране, говоря, что его несли ангелы.

Всего дверей в ограде Бейт-ал-Мукаддас, подземных и надземных, - девять. Я описал их все.

Описание площадки посреди двора, ограды и камня сахра, который был кыблой до появления ислама.

Посредине двора устроена площадка: она сделана потому, что камень Сахра слишком высок и его не могли перенести в крытую часть мечети. Основание ее - триста тридцать арашей на триста, высота - двенадцать газов. Поверхность у нее ровная и так же, как и стены, выложена мрамором, причем промежутки залиты свинцом. С четырех сторон ее из мраморных плит устроено нечто вроде ограды. Площадка эта устроена так, что подняться на нее можно только по специально для этого устроенным проходам. Поднявшись на площадку, окажешься над крышей мечети. Посреди этой площадки устроена подземная цистерна, и, когда только идут дожди, вся вода по стокам стекает в эту цистерну. Вода в ней еще чище и слаще, чем во всей остальной мечети. На этой площадке четыре купола, причем самый большой из них - над камнем Сахра, служившим ранее Кыблой.

[174] Коран, 2: 55.
[175] Секина — по преданию, фигура, находившаяся в Ковчеге Завета, вид которой обращал в бегство врага.

Описание купола сахра.

Ограда расположена так, что площадка приходится по самой середине ее, купол над Сахра стоит по самой середине площадки, а сам Сахра - посередине купола. Это - правильное восьмиугольное здание, каждая сторона которого составляет тридцать три араша. С четырех сторон, то есть со стороны восточной, западной, северной и южной, имеется по двери, а между каждыми двумя дверями - глухая сторона восьмиугольника. Все стены сделаны из обтесанных камней, высотою в двадцать арашей.

Сам камень - сто газов в окружности и форму имеет неправильную, то есть не квадратный, не круглый, а просто несоразмерный в своих частях, как бывают скалы в горах. С четырех сторон Сахра стоят четыре квадратных пилястра, такой же высоты, как и стены помянутого здания, а между каждыми двумя из этих четырех пилястров поставлено по две мраморных колонны, такой же высоты, как и пилястры. На этих двенадцати опорах и покоится купол, над которым стоит Сахра, окружность его - сто двадцать арашей. Между стеной здания и этими пилястрами и колоннами - а под пилястрами я разумею то, что квадратной формы и сложено из камней, под колоннами же - то, что высечено из одного целого куска и круглой формы, - следовательно, между этими пилястрами и стеною здания выстроено шесть других пилястров из симметричных камней. Между каждыми двумя пилястрами стоит по три колонны из разноцветного мрамора, на равном расстоянии друг от друга, так что в первом ряду между двумя пилястрами стоит по две колонны, а во втором - между двумя пилястрами по три колонны. У капителей пилястров по четыре волюты и каждая служит основанием для арки, у капителей колонн две волюты [176], так что на капители колонны покоятся только две

[176] Волюта - скульптурное украшение, например на капители и консоли, в виде спирального завитка с кружком в центре.

арки, тогда как на капители пилястров их четыре. На этих двенадцати пилястрах, стоящих вокруг Сахра, лежит огромный купол. Он настолько велик, что, если посмотреть в ту сторону на расстоянии фарсаха, купол этот кажется вершиной горы, ибо высота его от основания до вершины - тридцать арашей, стоит он, в свою очередь, на стенах и пилястрах высотою в двадцать газов, стены эти составляют часть здания, выстроенного на площадке, а высота площадки, в свою очередь, - двенадцать газов. Таким образом, от земли двора до вершины купола - шестьдесят два газа.

Потолок этого здания покрыт резьбой, а капители пилястров, колонн и стены - скульптурной работой, подобных которой найти нелегко.

Сахра возвышается над землей на высоту человеческого роста; вокруг возведена мраморная ограда, так что рукой до него не достать. Это камень темно-синего цвета, и человеческая нога на него никогда не ступала. Со стороны Кыблы он несколько ниже, и с этого бока имеется след, словно кто-то прошелся по нему, причем ноги его погружались в этот камень, так что на нем,как на мягкой глине, сохранились отпечатки пальцев ноги. Таких следов на нем - семь.

Я слыхал, что Авраам, мир да будет с ним, был там, и Исаак, мир да будет с ним, который был тогда еще ребенком, вскочил на камень, и это следы его ног.

В здании Сахра постоянно есть люди, муджавиры и молящиеся. Пол его покрыт красивыми циновками из шелка и других тканей, а посередине здания, над самим Сахра, на серебряной цепи подвешена серебряная лампада. В этом здании много серебряных лампад и на каждой из них написано, сколько она весит. Лампады эти - дар Египетского султана. По моему подсчету, там было тысяча ман серебра в изделиях.

Я видел там свечу огромных размеров: длина ее была семь арашей, а окружность - три ладони, по цвету она на-

поминала камфару и состояла из воска, смешанного с амброй. Говорят, что Египетский султан каждый год присылает много свечей; среди них одна всегда такая большая и на ней золотыми буквами написано имя султана.

Это место - третий дом Господа, велик и славен да будет он. Всем богословам известно, что всякий намаз, который совершают в Бейт-ал-Мукаддас, равняется двадцати пяти тысячам простых намазов. Намаз, совершенный в Граде посланника[177], да сохранит его Господь и да помилует, равняется пятидесяти, а намаз, сотворенный в великой Мекке, да прославит ее Господь преславный, равняется ста тысячам намазов.

Пусть Господь, велик и славен да будет он, дарует в удел всем рабам своим удостоиться этого.

Я уже сказал, что все крыши и купола снаружи крыты свинцом. Со всех четырех сторон здания - по большой двери, с двумя половинками, из дерева садж; двери эти постоянно закрыты.

Вслед за этим зданием, на площадке, идет купол, называемый Куббат-ас-Сильсила[178] . Эта цепь - та самая, которую повесил Давид, мир да будет с ним. К ней может прикоснуться только тот, на чьей стороне право, насильник же и несправедливый коснуться ее не может. Это известно всем ученым.

Купол этот покоится на восьми мраморных колоннах и шести пилястрах; здание открыто со всех сторон, кроме стороны Кыблы; эта сторона закрыта, и там поставлен красивый михраб.

На этой площадке есть еще другой купол, на четырех мраморных колоннах. Там тоже сторона Кыблы закрыта и поставлен красивый михраб. Называют его куполом Гав-

[177] Медина.
[178] Купол цепи.

риила, мир да будет с ним. Циновок в этом здании нет, и пол его состоит из отесанного камня. Говорят, что в ночь Мираджа в это здание был приведен Бурак[179], чтобы пророк, да сохранит его Господь и да помилует, мог сесть на него.

За этим куполом идет другой, называемый Куполом посланника, да сохранит его Господь и да помилует; говорят, что между этим куполом и куполом Гавриила расстояние в двадцать арашей. Этот купол тоже поставлен на четыре мраморные колонны. Говорят, что в ночь Мираджа посланник, да сохранит его Господь и да помилует, сначала помолился в куполе Сахра. Он прикоснулся к камню рукой, и, когда он выходил оттуда, Сахра по причине величия его, поднялся с места. Посланник, да сохранит его Господь и да помилует; прикоснулся к нему рукой, чтобы он снова вернулся на место, и камень тотчас же опустился. Однако он и посейчас еще наполовину приподнят. Посланник, да сохранит его Господь и да помилует, оттуда прошел в купол, названный по нему, и сел там на Бурака: потому это здание пользуется таким почетом.

Под Сахра большая пещера и там постоянно горят свечи. Говорят, что когда Сахра двинулся, чтобы приподняться, под ним образовалось это отверстие, а когда он снова лег, отверстие так и осталось.

Описание лестниц, ведущих па площадку посреди ограды.

На площадку можно подняться по шести лестницам, из которых каждая имеет особое название. Две лестницы ведут со стороны Кыблы, по ступенькам которых туда поднимаются. Если стать посередине фундамента площадки, одна из этих лестниц будет по правую руку, а другая - по

[179] Легендарное животное, на котором Мухаммад, по преданию, вознесся в рай.

левую. Правая называется Макам-ан-Наби[180], мир да будет с пророком, а левая - Макам-ал-Гури. Правая лестница названа Макам-ан-Наби, потому что, по преданию, в ночь Мираджа пророк, да сохранит его Господь и да помилует, по ее ступенькам поднялся на площадку и оттуда прошел в купол Сахра. Действительно, Хиджазская дорога примыкает как раз с этой стороны. Теперь ширина ее ступенек - двадцать арашей, и все ступеньки сделаны из обтесанных симметричных камней. Каждая ступенька состоит из одного или двух четырехугольных камней, расположенных так, что туда, если угодно, можно подняться и на верблюде. Наверху у этой лестницы четыре колонны из зеленого мрамора, чрезвычайно похожего на изумруд, но покрытого множеством разноцветных крапинок. Высота каждой из этих колонн - десять арашей, объем таков, что два человека могут обхватить ее. На этих четырех колоннах поставлено три арки: одна - против входа, две другие - по бокам. Верхняя часть арок, горизонтальная, украшена возвышениями и шпилями и кажется четырехугольником. Колонны и арки разукрашены золотом и мозаикой, и красивее их трудно что-нибудь найти. Вся ограда площадки сделана из зеленого крапчатого мрамора и, когда на нее смотришь, кажется, что это луг, покрытый распустившимися розами. Макам-ал-Гури устроена так, что там три лестницы: одна - прямо против площадки и две другие - по бокам, так что люди поднимаются на нее с трех сторон. Наверху у этих трех лестниц тоже поставлены колонны, над ними устроены арки и галерея. Ступеньки устроены так, как я говорил раньше: из двух или трех продолговатых обтесанных камней. На портике спереди красивым шрифтом золотом написано: "Выстроено по приказу эмира Лейс-ад-Давлэ, Нуштегина Гури". Говорят, что этот Лейс-ад-Давлэ был рабом египетского султана и что входы

[180] Место Пророка.

и лестницы выстроены им. На западной стороне площадки тоже устроены две лестницы в двух местах и сделан такой же красивый вход, как и те, которые мною уже были описаны. На восточной стороне тоже есть вход, очень красивый, с колоннами, арками и галереями; называется он "Макам-и-шарки" [181]. С северной стороны есть вход выше и больше всех остальных; там тоже поставлены колонны с арками; он называется Макам-и-Шами [182]. Говорят, да и по моим расчетам выходило то же самое, что на постройку этих шести лестниц было израсходовано сто тысяч динаров.

В ограде двора, но не на площадке, с северной стороны есть место, вроде маленькой мечети. Там устроено некоторое подобие ограды, стена которой немного выше человеческого роста. Называется это место "Михрабом Давида". Около этой ограды есть камень в рост человека; это - неровная скала, и на вершине ее едва сможет поместиться самый маленький коврик. Говорят, что этот камень служил стулом для Соломона и что на нем Соломон, мир да будет с ним, сидел, когда строили мечеть.

Такие вещи я видел в ограде храма Бейт-ал-Мукаддас; я зарисовал их в своем дневнике, который вел в это время.

Кроме того, из дивных вещей мечети Бейт-ал-Мукаддас я видел еще дерево гурий.

После Бейт-ал-Мукаддас я решил поклониться гробнице Авраама, друга Господа всемилостивого, да сохранит его Господь и да помилует.

В среду первого Зу-ль-Ка'дэ четыреста тридцать восьмого года[183] я отправился туда. От Бейт-ал-Мукаддас до того места, где находится эта гробница, шесть фарсахов, и дорога все время идет на юг. По дороге много деревень, обработанных полей и садов. Дикорастущих растений,

[181] Восточное место.
[182] Сирийское место.
[183] 29 апреля 1047 г.

не нуждающихся в поливке, как виноград, фига, маслина и сумак, там бесконечно много.

В двух фарсахах лежит город Чахардих; там есть ручей, много садов и огородов, и за красоту это место называют Ферадис.

В одном фарсахе от города Бейт-ал-Мукаддаса находится место, чрезвычайно чтимое христианами. Там есть и муджавиры, и много людей постоянно приезжает на поклон. Называется оно Бейт-ал-Лахм[184]. Христиане отправляют там свою службу и в большом числе приезжают туда из Рума. В этот день, когда я покинул Бейт-ал-Мукаддас, я заночевал там.

Описание гробницы друга божьего, да помилует его господь.

Жители Сирии и города Бейт-ал-Мукаддаса называют это место Халиль[185], а самого названия деревни не говорят. Называется она Матлун и вместе со многими другими деревнями является церковной землей, принадлежащей этой гробнице. В деревне этой есть источник, вытекающий из скалы. Он течет тоненькой струйкой, и по длинному каналу его вывели за пределы деревни. За деревней устроен крытый водоем, куда и собирают эту воду, чтобы она не пропадала и жители деревни и паломники могли пользоваться ею.

Гробница находится на краю деревни с южной стороны, а деревня эта лежит к юго-востоку от Бейт-ал-Мукаддаса.

Гробница состоит из четырех стен, сложенных из обтесанных камней: длина ее - восемьдесят арашей, ширина - сорок, высота стены - двадцать арашей, а толщина стены наверху - два араша. Поперек здания поставлены михраб и

[184] Вифлеем.
[185] Т. е. сокращение эпитета Авраама — «Халил-Улла» — Друг Божий.

максурэ. В максурэ тоже есть красивые михрабы и там же находятся две могилы, обращенные головами к Кыбле. Обе могилы сложены из обтесанных камней в высоту человеческого роста. По правую руку - могила Исаака, сына Авраамова, по левую - его жены, мир да будет с ними. Расстояние между могилами - десять арашей.

В этой гробнице пол и стены покрыты драгоценными коврами и магрибинскими циновками, которые красивее шелка. Я видел там плетеный молитвенный коврик, присланный туда, как говорили, полководцем, слугой египетского султана.

Говорят, что этот коврик был куплен в Египте за много золотых магрибинских динаров и что такое же количество румийского шелка не стоило бы таких денег. Я нигде не видал таких.

При выходе из максуры во дворе гробницы - два здания, поставленных по направлению к Кыбле. В здании по правую руку находится могила Авраама Халиля, да помилует его господь. Это большое здание, а внутри него - другой домик, вокруг которого обойти нельзя. В стене проделано четыре дверцы, через которые посетители могут обозреть внутренность домика; могилу видно со всех четырех сторон. Пол и стены здания покрыты шелковыми коврами. Могила возведена из камня на высоту трех газов, и над ней висит много серебряных лампад и светильников.

В другом здании, по левую руку от Кыблы, - могила Сары, жены Авраама, мир да будет с ним. Между двумя зданиями - проход вроде коридора, и двери обоих зданий выходят в этот коридор. Там же повешено много лампад и светильников.

За этими двумя зданиями лежат две другие гробницы, тоже близко одна от другой: по правую руку - могила пророка Иакова, мир да будет с ним, по левую - гробница его жены. За ними стоят здания, где Авраам, да помилует его

Господь, принимал своих гостей. Таким образом, в этом месте шесть могил.

За этими четырьмя стенами идет склон, где - гробница Иосифа, сына Иакова, мир да будет над ними обоими. Над нею устроен красивый купол, а могила сама сложена из обтесанных камней. С той стороны, где степь, по направлению между куполом Иосифа и описанной усыпальницей, устроено большое кладбище; туда привозят покойников с самых различных сторон и хоронят их там. На крыше максурэ в усыпальнице устроены маленькие комнатки для прибывающих туда посетителей. Усыпальница эта обладает многочисленными вакфами [186], деревнями и недвижимостями в городе Бейт-ал-Мукаддас.

Больше всего там сеют ячменя, пшеницы мало, много растет и маслины. Приезжим, путешественникам и паломникам дают хлеб и оливковое масло. Там много мельниц, которые приводят в движение мулы и быки, где каждый день мелется много муки. Там есть особые служанки, которые каждый день пекут хлеб; хлебы их весят каждый по одному ману. Всякому приезжему каждый день дают по круглому хлебу и чашке чечевицы, вареной в масле, дают также и изюма. Этот обычай удержался со времен Друга Божьего[187] , мир да будет с ним, вплоть до наших дней. Бывают дни, когда туда приезжает более пятисот человек, и для всех приготовляется это угощение.

Говорят, что в этой усыпальнице сначала не было сделано двери и войти туда никто не мог, так что поклонялись гробницам в портике за оградой. Когда же Махди [188] сел на трон в Египте, он приказал сделать там дверь, поставить

[186] Вакф — церковное имущество, служащее для поддержания церкви или богоугодного заведения (семинарии, больницы). Обыкновенно он создается путем пожертвования и завещания.
[187] Т. е. Авраама.
[188] Основатель шиитской династии Фатимидов в Египте Абу Мухаммад Убайд-Аллах ал-Махди; правил с 909 по 934 г.

много всякой утвари, положить ковры и выстроить богоугодные заведения.

Вход в усыпальницу - посередине северной стены, на высоте около четырех газов от земли, и к нему с обеих сторон ведут каменные ступеньки, с одной стороны поднимаясь, а с другой - опускаясь. Закрывается он небольшой железной дверью.

Затем я возвратился в Бейт-ал-Мукаддас, а оттуда отправился далее пешком с несколькими людьми, направлявшимися в Хиджаз. Проводником нашим был решительный и красивый человек, хороший ходок по имени Абу-Бекр Хамадани. Пятнадцатого Зу-ль-Ка'дэ четыреста тридцать восьмого года[189] мы вышли из Бейт-ал-Мукаддаса и через три дня пришли в местность, называемую Ар'ар. Там тоже была проточная вода и много деревьев. Затем мы пришли на другую стоянку, Вади-л-Кура, а оттуда, с еще одной остановкой, через десять дней добрались и до Мекки. В этот год туда ни откуда не прибыло ни одного каравана и было очень трудно найти пищу. Я остановился на улице Москательщиков, против Ворот пророка, мир да будет с ним, и в понедельник отправился на Арафат. Все жители в это время опасались набега бедуинов. Пробыв два дня в Мекке, я по Сирийской дороге снова повернул назад к Бейт-ал-Мукаддас. Пятого Мухаррама четыреста тридцать девятого лунного года[190] я снова прибыл в Кудс. О Мекке и моем хадже я пока не буду говорить, ибо рассказ об этом при описании моего последнего хаджа.

У христиан в Бейт-ал-Мукаддасе есть церковь, называемая Би'ату-ал-Кумамэ[191]. Они относятся к ней с величайшим почтением. Каждый год туда из Рума приезжает на

[189] 1 мая 1047 г.
[190] 7 июля 1047 г.
[191] «Свалочное место». Так мусульмане называют храм Воскресения, потому что это место до Константина служило свалкой и лобным местом. Христиане называют его «Кенисет-ал Киямэ».

поклон множество народа; даже сам румийский царь тайно приезжал туда, так что об этом никто не знал. В то время, когда правителем Египта был Хаким Би-амр-Аллах[192], туда приехал румийский кесарь. Хаким узнал об этом, прислал к нему одного из своих стремянных и дал ему указание: Человек, одетый так-то и такого-то вида, сидит в святилище Бейт-ал-Мукаддас. Подойди к нему скажи: "Хаким послал меня к тебе и говорит: не думай, что мне ничего не известно о твоем прибытии. Однако будь покоен - я ничего тебе не сделаю".

Тот же Хаким приказал разграбить, разрушить, срыть эту церковь. Долгое время она была в развалинах, но потом кесарь прислал послов с большим количеством подарков и приношений и попросил мира и милостивого разрешения вновь отстроить церковь. Тогда ее снова отстроили.

Это - просторное здание, в котором может вместиться восемь тысяч человек. Она выстроена чрезвычайно роскошно, из разноцветного мрамора, с украшеньями и росписью. Внутри она украшена румийскими шелками и покрыта различными изображениями. Повсюду виднеется чистое золото и во многих местах имеется изображение Иисуса, мир да будет с ним, верхом на ослице. Есть там также и изображения других пророков, как, например: Авраама, Исмаила, Исаака, Иакова и сыновей его, мир да будет с ними. Картины эти покрыты лаком из сандалового масла и защищены большим стеклом, чрезвычайно прозрачным, так что не нужно никакого покрова. Сделано это для того, чтобы на картины не садились пыль и грязь. Слуги каждый день очищают эти стекла. Есть там много еще других картин, но если описать их все, это слишком удлинит мой рассказ. Одна картина в этой церкви разделена пополам и изображает рай и ад: одна половина изображает райских праведников и рай,

[192] Шестой имам из династии Фатимидов в Египте; правил с 996 по 1021 г.

а другая - грешников в аду, самый ад и все, что к нему относится. Эта церковь - такое место, что подобного ему в мире нет.

В этой церкви много священников и монахов, которые читают Евангелие, творят молитву и день и ночь преклоняются перед Богом.

4.
ПЕРЕЕЗД В ЕГИПЕТ. ТИННИС, МИСР. НИЛ И ЕГО РАЗЛИВЫ. КАИР

Из Бейт-ал-Мукаддаса[193] я вознамерился сесть на корабль, поехать в Египет, а оттуда вновь направиться в Мекку. Но дул противный ветер, и по морю пуститься в путь было невозможно. Тогда я отправился сухим путем, проехал через Рамлэ и прибыл в город, который называется Аскалон.

Там я видел базар, красивую мечеть и арку, про которую говорили, что она в древности служила церковью. Это - огромная каменная арка, и если бы кто-нибудь пожелал снести ее, это обошлось бы весьма дорого.

Выехав оттуда, я видел по дороге много деревень и городов, описание которых удлинило бы книгу и о которых я посему умалчиваю. Наконец я приехал в место, называемое Тынэ. Это местечко служило гаванью для судов, направлявшихся в Тиннис. Я сел на один из кораблей и отправился туда.

Тиннис этот - красивый город; он лежит на острове, так далеко от суши, что даже с крыш города не видно берегов. В городе много жителей, есть красивые базары и две мечети. Я полагаю, что там около десяти тысяч лавок. Сто лавок имеют москательщики.

Летом на базарах продают кешкаб[194], потому что город лежит в теплом климате и там много болезней.

Там ткут цветные материи, называемые "касаб", для тюрбанов, женских платьев и панталон. Такого цветного касаба не ткут нигде. Белый касаб ткут в Дамиэтте, а те материи, которые ткутся в султанских мастерских, никому не продают и никому не дарят.

[193] Иерусалим.

[194] Засушенное кислое молоко, распущенное в воде, или нечто вроде пива, изготовленного из перебродившего ячменя, с примесью мяты, руты, перца, лимонных листьев и других приправ.

Я слыхал, что правитель Фарса послал в Тиннис двадцать тысяч динаров, чтобы ему купили одежду из султанских материй. Его посланцы провели там несколько лет и так и не смогли ничего купить.

Есть там известные ткачи, и одному из них, соткавшему гюрбан для египетского султана, султан приказал дать пятьсот магрибинских динаров. Я видел этот гюрбан, и мне говорили, что он стоит четыре тысячи магрибинских динаров.

В городе Тиннисе ткут "бу-каламун"[195] , равного которому нет во всем мире. Это - золотая ткань, которая во всякое время дня отливает другим цветом. Эту ткань из Тинниса вывозят и на Запад и на Восток.

Я слыхал, что румийский султан послал кого-то к египетскому султану и просил его взять сто городов из румийских владений и отдать ему Тиннис, но египетский султан не согласился. Румийский султан сделал это предложение, потому что хотел завладеть городом, где ткут касаб и букаламун.

Когда вода в Ниле начинает прибывать, она оттесняет соленую морскую воду от Тинниса, так что почти на десять фарсахов вокруг города морская вода становится пресной. Для этого времени на острове и в городе устроены огромные очень прочные подземные водоемы, куда стекает вода. Жители называют их "месани". Когда вода в Ниле прибывает и вытесняет соленую и горькую воду, водоемы эти наполняют. Это делают так: открывают сток, и морская вода течет прямо в водоемы и месани. Вся вода в городе - из этих водоемов, наполняемых во время прибывания; ею пользуются вплоть до следующего года, а у кого есть избыток, тот продает воду другим. Много месани являются церковным имуществом и предоставляют воду для пользования чужестранцам.

[195] Хамелеон.

В городе Тиннисе около пятидесяти тысяч жителей и более тысячи кораблей постоянно привязано у берегов. Большая часть их принадлежит купцам, но много также и султанских, потому что все, что может понадобиться в деле, туда надо привозить, а в самом городе ничего нет. Так как это остров, то сношения с ним возможны только при помощи кораблей.

Из предосторожности там постоянно стоит сильный вооруженный гарнизон - на случай, если бы франкам или румийцам вздумалось напасть на остров.

Я слыхал от верных людей, что оттуда ежедневно поступает тысяча магрибинских динаров в казну египетского султана и сумма эта сдается сразу в один назначенный день. Собирает подать один человек, которому жители города передают их в один установленный день, а он уже доставляет эти деньги в казначейство. При этом никто не отказывается платить и ни у кого ничего не отбирают силой.

За касаб и бу-каламун, которые ткутся для султана, казна платит полную стоимость, так что люди охотно работают на султана; это не так, как в других странах, где диван и султан принуждают ремесленников к тяжелой работе.

Из бу-каламуна делают также ткани для носилок, укрепленных на верблюдах, и подседельники, предназначенные для султанских приближенных.

Фрукты и все продовольствие в город привозят из деревень Египта.

Там выделывают также железные инструменты, как, например, ножницы, ножи и тому подобное. Я видел ножницы, привезенные оттуда в Египет, за которые спрашивали пять магрибинских динаров. Они были устроены так, что когда вынимали гвоздь, их можно было разнять, а когда его снова вкладывали, они резали.

Их женщины в известное время страдают особой болезнью: они вроде припадочных издают два-три вопля, а по-

том снова приходят в себя. В Хорасане я слыхал, что есть остров, где женщины мяукают, как кошки. Это очевидно и имеет отношение к тому, что я рассказывал.

Из Тинниса в Константинийю[196] судно идет двадцать дней, мы же направились в сторону Египта. Когда мы подошли к берегу возле места впадения Нила, судно наше начало подниматься вверх по реке.

Когда Нил подходит к морю, он разделяется на отдельные русла. То русло, по которому ехали мы, называлось Румийским. Судно продолжало подниматься, пока не прибыли в город, называемый Салихийэ. Это - селение, полное товаров и запасов продовольствия. Там строят много кораблей, каждый вместимостью в двести харваров[197]. Товары везут в Миср[198] и доставляют к самым дверям бакалейных лавок по воде, ибо на спинах вьючных животных и нельзя было бы доставлять в этот город провизию, такая там давка на улицах.

Мы сошли в этом Салихийэ с корабля на берег и в ту же ночь пришли к городу. Мы вошли в Каир в воскресенье седьмого Сафара[199] четыреста тридцать девятого года, по старому календарю в день Ормузда месяца Шахривара.

Описание города Миср и его области.

Река Нил течет с юго-запада, проходит мимо Миср и впадает в Румийское море[200]. Когда вода в Ниле прибывает, ее становится вдвое больше, чем в Джайхуне[201] около Термеза. Река эта идет из Нубии и проходит в Египет; Нубия - местность гористая, а там, где начинается равнина, там уже Египет.

[196] Константинополь.
[197] Ноша, которую в состоянии поднять осел.
[198] Старый Каир.
[199] 3 августа 1047 г.
[200] Средиземное море.
[201] Амударья.

Из орошаемых Нилом городов на границе первым лежит Ассуан; оттуда до Мисра - шестьсот фарсахов. Все города и заселенные области лежат на берегах реки. Область Ассуана называют Саид аль-Ала. Когда корабль доходит до города Ассуана, он выше подняться не может, потому что вода вырывается из тесного русла и течет слишком стремительно.

Выше к югу лежит Нубия, там правит другой царь, люди там чернокожие, а религия у них христианская. Купцы ездят туда и возят стекло, гребни и кораллы, а оттуда привозят рабов. Все рабы в Мисре либо нубийцы, либо румийцы. Видел я также привезенные из Нубии пшеницу и просо, и то и другое было черного цвета.

Говорят, что истоков Нила с точностью установить не могли. Я слыхал, что египетский султан посылал кого-то туда, посланец целый год странствовал вдоль Нила и производил расследования, но так ничего и не узнал, кроме того, что, как говорят, Нил вытекает на юге из горы, называемой Джабаль-ал-Камар.

Когда солнце входит в знак Рака, вода в Ниле начинает прибывать и достигает уровня на двадцать арашей выше своего обычного зимнего уровня. Она прибывает постепенно, изо дня в день, и в городе Мисре для определения прилива установлены особые нилометры и значки.

Существует особый чиновник, получающий тысячу динаров жалованья; он следит за тем, насколько прибывает вода. Когда вода начинает прибывать, он посылает в город глашатаев, и те возвещают: "Сегодня Господь, велик и славен да будет он, прибавил воды в Ниле на столько-то". Каждый день она поднимается на несколько пальцев, когда же, наконец, она достигает высоты целого газа, в городе ликуют и веселятся, пока она не достигает восемнадцати арашей. Восемнадцать арашей - это высота нормальная, то есть, если воды меньше этого, прилив считают недостаточ-

ным, раздают милостыню, дают обеты, печалятся и горюют; если же воды больше этого, веселятся и радуются. Если вода не поднимается на восемнадцать арашей, подданных не облагают податью.

От Нила прорыто множество каналов, которые проведены во все стороны; от них, то есть от этих каналов, в свою очередь, проведены маленькие ручьи, орошающие деревни и селения. На них установлено множество гидравлических колес, количество которых даже и не вычислить.

Все деревни области Мисра выстроены на возвышениях и холмах. Когда вода прибывает, она затопляет всю область, и деревни потому выстроены на возвышениях, чтобы их не затопляло водой. В это время из деревни в деревню ездят на лодках.

От одного края области Мисра до другого устроен земляной мол вдоль Нила, по которому люди и ездят во время разлива.

Каждый год из султанского казначейства доверенному чиновнику посылают десять тысяч магрибинских динаров на поддержание этого сооружения.

Население этой области запасается всем необходимым на те четыре месяца, во время которых их земля стоит под водой. В деревнях и селениях каждый печет столько хлеба, чтобы хватило на четыре месяца, а чтобы хлеб не портился, его сушат.

Повышение уровня воды происходит так, что с первого дня в течение сорока дней вода прибывает, пока не достигнет восемнадцати арашей, потом в течение вторых сорока дней она остается на одном уровне, не поднимаясь и не спадая, затем вновь постепенно начинает убывать и в течение третьих сорока дней достигает опять того уровня, на котором стояла зимой.

Когда вода начинает спадать, люди идут следом за ней и, где только просохнет, сеют все, что пожелают. И зимний

и летний посевы совершаются одинаково, и поливки более уже не нужно.

Город Миср лежит между Нилом и морем, Нил приходит с юга, идет на север и впадает в море.

От Мисра до Александрии считают тридцать фарсахов; Александрия лежит и на берегу моря и на берегу Нила. Оттуда в Миср привозят на судах много плодов. В Александрии я видел маяк в полной исправности. На нем было установлено зажигательное зеркало, и если судно румийцев, шедшее из Стамбула, попадало в круг действия этого зеркала, на него тотчас же падал огонь, и судно сгорало. Румийцы старались изо всех сил предотвратить это, изобретали разные хитрости и, наконец, послали кого-то, кто разбил это зеркало.

Когда Хаким[202] был султаном Египта, какой-то человек пришел к нему и взялся исправить это зеркало и привести его в прежний вид. Хаким ответил: "Теперь в этом нужды нет. Нынче румийцы каждый год присылают нам золото и товары и согласны, чтобы наше войско вступало на их земли, так что все обстоит превосходно".

Для питья в Александрии употребляется только дождевая вода. По всей пустыне около Александрии валяются такие каменные колонны, какие мною были описаны раньше.

Александрийское море идет до Кайрувана, а от Кайрувана до Мисра - сто пятьдесят фарсахов. Кайруван - это область, в которой самый большой город - Сиджильмасэ, лежащий в четырех фарсахах от моря. Эго большой город, выстроенный в долине и окруженный прочной стеной.

Рядом с ним лежит Махдийэ - город, основанный Махди, одним из потомков эмира правоверных Хусейна ибн Али[203] , да помилует Господь их обоих, после того, как им

[202] Шестой египетский халиф из рода Фатимидов, правил с 996 по 1021 г. н.э.

[203] Али – четвертый из халифов, правивших после Мухаммада (656 – 661 гг. н.э.).

были завоеваны Магриб и Андалусия. В то время, когда я был там, Кайруван находился в руках египетского султана. Там выпадает снег, но обыкновенно долго не держится. Морской берег от Андалусии поворачивает вправо и к северу. От Египта до Андалусии тысяча фарсахов, и все области по дороге между ними принадлежат мусульманам.

Андалусия - большая страна, очень гористая, там выпадает снег, и вода там замерзает. У населения ее белая кожа и рыжие волосы. Глаза у них большей частью, так же как у славян, такого цвета, как у кошек. Андалусия лежит на краю Румийского моря, так что море это для них является восточным. Если из Андалусии направиться вправо и к северу, то, идя все время по берегу моря, придешь в Рум. Из Андалусии часто производят на Рум набеги.

Кто желает, может поехать оттуда на корабле по морю в Константинополь, но только по дороге много больших заливов, от двухсот до шестисот фарсахов ширины, и проехать можно только на большом судне. Я слыхал от верных людей, что окружность этого моря - четыре тысячи фарсахов. Залив этого моря находится во тьме, и говорят, что край этого залива постоянно покрыт льдом, так как туда никогда не светит солнце.

Один из островов этого моря - Сицилия, куда из Египта судно доходит в двадцать дней. Кроме того, там есть еще много и других островов. Говорят, что площадь Сицилии - восемьдесят фарсахов в квадрате и что она тоже находится под властью египетского султана. Каждый год туда отправляется судно и привозит тамошние товары в Египет. Привозят оттуда тонкое полотно и полосатый шелк, которые стоят в Египте по десять магрибинских динаров.

Если из Египта направиться на восток, то придешь к морю Кулзум[204]. Кулзум - это город на берегу моря, и оттуда до Мисра - тридцать фарсахов. Это море - залив океана,

[204] Красное море.

который отделяется у Адена и идет к северу. Достигнув Кулзума, он делится на рукава; говорят, что ширина его - двести фарсахов.

Между этим заливом и Мисром - горы и пустыня, где нет ни воды, ни растений. Всякий, кто из Мисра желает идти в Мекку, должен идти на восток. Когда он достигнет Кулзума, перед ним будет два пути: один - по суше, другой - по воде. По суше можно доехать до Мекки в пятнадцать дней, дорога все время идет пустыней и длиною она около шестисот фарсахов. Караваны из Египта ходят большей частью этим путем.

Если же поехать морем, то в двадцать дней можно доехать до Джара, а Джар - это маленький городок в Хиджазе, на берегу моря, в трех днях пути от града пророка[205], да сохранит его Господь и да помилует! От Медины же до Мекки - сто фарсахов. Если же кто-нибудь проедет мимо Джара и поедет дальше по морю, он приедет к Йеменским берегам, а оттуда - к беретам Адена. Если же он поедет еще дальше, он приедет в Индию и так же и в Китай. Если от Адена поехать на юг, с уклоном в сторону запада, приедешь в Занзибар и Абиссинию, о чем будет сказано подробнее в своем месте.

Если же из Египта поехать к югу и проехать через Нубию, приедешь в страну Масмуди. Это очень плодородная, обильная скотом земля; у обитателей ее черная кожа, крепкая кость и сильное телосложение. В Египте много солдат этого племени; они некрасивы и высокого роста; называют их "масмуди". Они сражаются пешими; мечом, копьем и другим оружием пользоваться не умеют.

Описание города Каира.

Когда приезжают в Египет из Сирии, первым делом попадают в город Каир, ибо Миср лежит к югу от Каира.

[205] Город пророка – имеется в виду Медина.

Каир называют Ал-Кахира ал-Муызийэ, Фустатом же называют военный лагерь. Рассказывают, что один из потомков повелителя правоверных Хусейна ибн Али, да помилует всех их вместе Господь, которого звали ал-Муызз-ли-Дин-Аллах, завладел Магрибским царством вплоть до Андалусии и начал посылать из Магриба в Египет войска. Войскам приходилось переправляться через реку Нил, а через Нил переправиться невозможно, во-первых, потому что это очень большая река, а во-вторых, потому что там много крокодилов, которые утаскивают любое животное, попавшее в воду. Говорят, что в окрестностях города Мисра на дороге установлен талисман, который мешает крокодилам причинять вред людям и вьючному скоту, но на расстоянии полета стрелы от города ни в одном другом месте человек не решается войти в воду.

Говорят, что ал-Муызз-ли-Дин-Аллах послал туда свое войско. Оно пришло к тому месту, где сейчас стоит город Каир, и тогда эмир приказал: "Когда вы приедете к реке, перед вами в воду войдет черная собака и поплывет, идите следом за этой собакой и переправляйтесь без страха".

Говорят, что войска там было тридцать тысяч всадников, прибывших туда, все они были рабами эмира. Черная собака действительно вошла перед ними в воду, они бросились следом за ней, все переправились, и ни одна тварь не пострадала. Между тем никто никогда не сообщал, чтобы кто-нибудь до того мог переправиться через Нил на коне.

Случилось это в триста шестьдесят третьем году[206]. Султан сам поехал морем на корабле. Когда корабли, на одном из которых ехал султан, подошли к Каиру, их выгрузили, вытащили из воды и бросили на суше, как ненужную вещь.

Автор этой книги видел те суда: их было семь штук, длиною в пятьдесят арашей, шириною - в семьдесят. С тех пор, как их положили там, прошло почти восемьдесят лет, ибо

[206] 973 г. н.э.

автор этого рассказа прибыл в Египет в четыреста сорок первом году[207].

Когда ал-Муыззли-Дин-Аллах прибыл в Египет, там был военачальник багдадского халифа. Он покорно явился к Муыззу, а тот с войском своим остановился в том месте, где сейчас лежит Каир. Лагерь этот был назван "Кахирэ"[208], потому что войско взяло это место силой. Муыззу дал приказ, чтобы никто из солдат не смел входить в город Миср и останавливаться в домах. Он приказал выстроить на равнине около Мисра город и каждому из приближенных повелел выстроить там дворец и жилище. Так получился город, равных которому мало.

Я подсчитал, что в этом городе Каире должно быть не меньше двадцати тысяч лавок, которые все принадлежат султану. Много лавок сдаются, каждая за десять магрибинских динаров в месяц, и нет ни одной дешевле двух динаров.

Караван-сараев, бань и прочих общественных зданий столько, что их пересчитать нет возможности, и все они - собственность султана, ибо ни один человек там не может обладать зданиями и другой недвижимостью, кроме того, что он выстроит сам.

Я слыхал, что в Каире и Мисре у султана восемь тысяч домов: все они сдаются в наем, и каждый месяц за них получают плату. Их отдают в пользование и берут назад по желанию нанимателя, без какого бы то ни было принуждения.

Замок султана стоит посреди Каира. Он открыт со всех сторон, так как ни одно здание не прилегает к нему.

Архитекторы вымерили его и нашли, что площадь его равна площади кремля в Мейяфарикине. Он открыт со всех сторон, и каждую ночь его сторожит тысяча человек, из них пятьсот - конных и пятьсот - пеших. Начиная с вечернего

[207] 1047 г. н.э.
[208] Кахирэ – от корня «кахр» - сила.

намаза, они играют на трубах, бьют в барабаны и тарелки и до рассвета ходят вокруг замка.

Если смотреть на султанский замок из загородных мест, он кажется похожим на гору - так много там построек и так они велики. Однако из самого города ничего не видно, потому что у замка высокие стены.

Говорят, что в этом замке двенадцать тысяч наемных слуг. Женщин же и рабынь - не знаю даже, кто бы мог сказать, сколько их там... Говорят только, что всего в этом замке живет тридцать тысяч человек.

Он состоит из двенадцати павильонов, а в гарем ведут десять ворот. Те ворота, которые над землею (помимо подземных), называются так: Баб-аз Захаб[209], Баб-ал-Бахр[210], Баб-ас-Сербех[211], Баб-аз-Захв[212], Баб-ас-Салам[213], Баб-аз-Забарджад[214], Баб-ал-Ыд[215], Баб-ал-Футух[216], Баб-аз-Заллакэ[217], Баб-ас-Сурьэ[218].

Под землею устроен выход, по которому султан на коне может выехать из замка. За городом выстроен замок, и этот подземный выход в него и ведет. Проход этот покрыт прочными сводами от гарема и до самого павильона. Стены этого павильона сложены из обтесанных камней так хорошо, что они кажутся вытесанными из одного куска.

В замке этом возведены вышки и высокие портики, а внутри открытых галерей устроены ряды скамей, где сидят столпы державы, свита, воины и приезжие румийцы.

Вазир - человек, выдающийся своим суровым образом жизни, смирением, верностью, честностью, знаниями и ра-

[209] Золотые ворота.
[210] Морские ворота.
[211] Ворота пустыни.
[212] Красивые ворота.
[213] Ворота мира.
[214] Хризолитовые ворота.
[215] Ворота праздника.
[216] Ворота побед.
[217] Ворота скользкого места.
[218] Ворота ночного путешественника.

зумом. Там никогда не было принято пить вино, особенно во времена правления Хакима. При нем ни одна женщина не выходила из дому и никто не сушил винограда и не делал изюма, чтобы из него не приготовили водки. Никто тогда не решался пить вино, и пиво тоже не пили: про него говорилось, что оно опьяняет, и поэтому оно тоже было запрещено.

В городе пять ворот: Баб ал-Наср[219], Баб ал-Футух[220], Баб ал-Кантара[221], Баб ал-Зуайла, Баб ал-Халидж [222].

Стены вокруг города нет, но здания так высоки, что они выше и прочнее стены. Каждый дворец и каждый павильон представляет собой крепость. Большая часть зданий - в пять и шесть этажей.

Для питья служит нильская вода, которую привозят на вьючных животных водовозы. В колодцах вода тем лучше, чем ближе они к Нилу; чем дальше они, тем вода солонее. Говорят, что в Мисре и Каире пятьдесят тысяч вьючных животных, на которых водовозы в бурдюках возят воду. Водоносы, которые носят воду на своей спине в бронзовых кувшинах и маленьких мехах, ходят по узким переулкам, куда вьючное животное не может войти.

В городе между дворцами есть сады и деревья, поливают их колодезной водой. В султанском гареме есть особый гаремный сад, прекраснее которого ничего не найти. Там установлены гидравлические колеса, и при помощи их эти сады поливаются.

На крышах тоже насажены деревья и устроены беседки. В то время, когда я там был, дом площадью в двадцать газов на двенадцать сдавался за пятнадцать магрибинских динаров в месяц. В том доме, где я жил, было четыре этажа, три из них отдавались за эту цену, а за верхний хозяину дома

[219] Ворота помощи.
[220] Ворота побед.
[221] Ворота моста.
[222] Ворота канала.

предлагали пять магрибинских динаров в месяц, но он не соглашался и говорил: "Быть может, мне понадобится временами наезжать туда". Однако за тот год, что я там прожил, он не приехал и двух раз.

Дома эти так чисты и изящны, что можно было бы принять их за домики, сложенные из драгоценных камней, а не из извести, черепицы и камня. Все дома в Каире стоят отдельно, так что ни у кого деревья и здания не прилегают к чужой стене. Поэтому всякий, когда пожелает, может сносить и вновь отстраивать свой дом, и никому от этого не будет вреда.

Если выйдешь из города Каира, направляясь к западу, встретишь большой проток, называемый Халидж[223]. Этот канал устроил отец султана, и у него на берегах канала было шестьсот деревень, находившихся в его личной собственности. Канал берет свое начало в Мисре, идет в Каир, там заворачивает и подходит к султанскому замку.

У начала его - два павильона, из которых один называется Лу'лу[224], а другой - Джаухарэ[225].

В Каире четыре мечети, и во всех по пятницам совершается молитва. Называются они: Джами'и Азхар[226], Джами'и Нур [227], Джами'и Хаким[228] и Джами'и Муыззз[229]. Эта последняя находится за городом, на берегу Нила. Если от Мисра хотят повернуться к Кыбле, то надо стать лицом к восходу Овна.

От Мисра до Каира - меньше мили. Миср лежит к югу, а Каир - к северу. Нил идет из Мисра и приходит к Каиру. Между двумя этими городами сплошь лежат здания и сады,

[223] Канал.
[224] Жемчужина.
[225] Драгоценный камень.
[226] Соборная мечеть Наиблестящая.
[227] Соборная мечеть Свет.
[228] Соборная мечеть Хакима.
[229] Соборная мечеть Муызза.

которые между собой соприкасаются. Летом вся равнина и пустыня представляют собой море. Кроме султанского сада, который лежит на возвышении и под водой не скрывается, все остальные сады исчезают под водой.

5.
ПРАЗДНЕСТВО ОТКРЫТИЯ НИЛЬСКОГО КАНАЛА. МИСР. БЛАГОСОСТОЯНИЕ ЕГИПТА. СУЛТАНСКИЕ ПИРЫ.ОПИСАНИЕ ОТКРЫТИЯ КАНАЛА.

Когда вода в Ниле достигает предельной высоты, то есть с десятого Шахривара по двадцатое Абана старого календаря[230], и доходит до уровня на восемнадцать газов более высокого, чем в зимнее время, плотины на всех ручьях и реках, по всему протяжению страны, еще закрыты. Тогда султан садится на коня и едет смотреть на открытие плотины канала Халидж, начало которого около Мисра и который доходит до Каира. Канал этот - личная собственность султана.

В то же время по всей стране открывают и остальные плотины на каналах, реках и ручьях. Эти дни считаются величайшими праздниками и называют их "Выездом на открытие Халиджа".

Когда приближается это время, около канала раскидывают для султана огромную прекрасную палатку из румийского шелка, шитого золотом и украшенного драгоценными камнями, снабженную всеми необходимыми принадлежностями. Она столь велика, что в тени ее могут стоять сто всадников. Перед ней устраивается загородка из бу-каламуна и другая большая палатка.

За три дня до выезда в султанских конюшнях начинают бить в барабаны и тарелки и играть на трубах, чтобы лошади привыкли к этим звукам.

Когда султан садится на коня, его сопровождает десять тысяч коней с золотыми цепями и луками у седел, украшенными драгоценными камнями. Все подседельники - из румийского шелка и бу-каламуна, который выткан специально для этой цели и потому не резан и не шит. По краям под-

[230] Август – октябрь.

седельников вышито имя египетского султана.

На каждой лошади надета кольчуга или панцирь. На луке седла укреплен шлем и много другого оружия.

Ведут также много верблюдов с украшенными паланкинами и мулов с красивыми носилками, покрытыми золотыми дощечками и драгоценными камнями; все ткани расшиты жемчугом. Вообще, если бы описать всю ту роскошь, которую можно видеть в дни открытия канала, мой рассказ слишком удлинился бы.

В этот день все войско султана выстраивается по отрядам и полкам. Каждый отряд носит особое имя и прозвище.

Одних называют Кетамийцами. Они пришли на службу к аль-Муыззу-ли-Дин-Алла из Кайрувана; говорят, что их - двадцать тысяч всадников. Другой полк называется Батыли; это - магрибинцы, которые пришли в Египет еще до прибытия султана. Их, как говорят, пятнадцать тысяч всадников. Третий - Масмуди, негры из страны Масмуди, их тоже двадцать тысяч человек. Четвертый - Машарикэ[231], это турки или персы, которых называют так, потому что они по происхождению не арабы; и, хотя большинство из них родилось там же в Египте, все же прозвание их произвели от страны их происхождения. Утверждают, что их - десять тысяч, вид они имеют очень внушительный. Другой отряд называют Абид-аш-Шера, это рабы, купленные за деньги; их, как говорят, тридцать тысяч человек. Еще один отряд называют Бедуинами, их - пятьдесят тысяч всадников. Другой отряд называют Устадами, это рабы, белые и черные, купленные для разного рода услуг, их - тридцать тысяч всадников.

Еще один отряд называется Саройи[232]; это пехотинцы, собранные из разных стран. У них есть особый военачаль-

[231] Восточные.
[232] Дворцовые служители.

ник, который и заботится о них. Каждая народность, из составляющих этот отряд, сражается присущим ей оружием; их - десять тысяч человек. Другой полк называется Зиндж[233], сражается исключительно мечами; их, как утверждали, тридцать тысяч человек.

Все эти воины состоят на жаловании у султана, и каждый из них получает по чину порцион и месячное вознаграждение. Казна никогда не выписывает требований для солдат, хотя бы даже на один динар, - ни на чиновников, ни на подданных; все доходы с областей наместники из года в год передают в казну, а из казны в установленное время выплачивают содержание этим воинам, так что ни чиновникам, ни подданным не приходится страдать от требований солдат.

Кроме того, был еще отряд, состоявший из царских сыновей и сыновей государей различных стран, собравшихся в Египте; их не считают принадлежащими к составу войск. Там были князья из Магриба, Йемена, Рума, славянских земель, Нубии, Абиссинии, сыновья Хосрова Дехлевийского[234], прибывшие туда вместе с матерью, сыновья грузинских царей, дейламские царевичи и сыновья Туркестанского хакана.

Было там еще и много людей других профессий, как, например: ораторы, литераторы, поэты, законоведы, - и все они состояли на жаловании у султана.

При этом никто из вельмож не получал меньше пятисот динаров жалованья, а были и такие, которые получали две тысячи магрибинских динаров. Дела у них не было никакого, только когда вазир открывал собрание, они должны были пойти поклониться ему, а затем снова могли идти по домам.

Теперь перейдем снова к рассказу об открытии канала.

[233] Негры.
[234] Индийского царя.

Рано утром, в тот день, когда султан намеревается выехать на открытие канала, нанимают десять тысяч человек вести тех лошадей, о которых мы упоминали раньше. Они ведут их по сотням, впереди музыканты играют на трубах, бьют в барабаны и литавры, сзади идет полк солдат.

Так идут от дверей султанского гарема до самой плотины на канале и так же возвращаются назад. Каждому наемному человеку, ведущему лошадь, дают по три дирхема. За лошадьми ведут верблюдов с люльками и паланкинами, за ними - мулов с носилками.

В это время поодаль от всего войска и лошадей выехал сам султан. Это был молодой человек, стройный и красивый. Он принадлежит к числу потомков повелителя правоверных Хусейна ибн Али ибн Абу Талиба, да помилует Господь их обоих. Волосы на голове у него были обриты. Он сидел на муле, седло и удила которого были без всяких украшений, без золота и серебра. На нем была белая рубашка, а сверху - длинный и широкий плащ, какие обыкновенно носят в арабских странах. Такие плащи в Персии называют "дураа", а рубашку, как мне сообщали, называют "дибаки". На голове у него был тюрбан того же цвета, в руках - ценная плеть.

Перед ним шло шестьсот человек пеших дейламитов, в румийских одеждах, тканных золотом; они были подпоясаны, а рукава у них, по египетскому обычаю, были широкие. Все они несли дротики и топоры и были обуты в ременные сандалии.

Носитель зонтика едет вместе с султаном. Он сидит на коне, на голове у него парчовый, разукрашенный драгоценными камнями тюрбан, на нем - кафтан, который стоит десять тысяч магрибинских динаров. В руках у него зонтик, необычайно роскошной работы, расшитый драгоценными камнями и жемчугом. Других всадников рядом с султаном не было, и перед ними шли дейламиты, о которых я уже упоминал.

По правую и по левую руку от него шли несколько евнухов с курильницами и жгли амбру и алоэ. По обычаю народ, когда султан приближался к нему, тотчас же падал на колени и молился за него. Сзади него шли вазир, старший казий и многочисленная толпа ученых и вельмож.

Таким образом султан ехал до того места, где для него была устроена палатка, до самой плотины на канале, то есть до устья его. Не слезая с коня, он останавливался там. Через час султану вручали кирку для того, чтобы он бросил ее в плотину. Народ тотчас же устремлялся к ней, кирками, заступами и лопатами разрывал плотину. Тогда вздувшаяся вода своей собственной силой прорывает плотину и устремляется в канал.

В этот день все жители Мисра и Каира идут смотреть на открытие канала и предаются самым удивительным забавам и развлечениям. Первое судно, которое входит в канал, наполнено глухонемыми, по-персидски называемыми "гунгу лол", - это считают за доброе предзнаменование, и в этот день султан раздает им милостыню.

У султана было двадцать одно судно, для которых возле замка устроен водоем, площадью в два-три майдана[245]. Длина каждого из этих судов около пятидесяти газов, ширина - двадцать газов. Они чрезвычайно пышно разукрашены золотом, серебром, драгоценными камнями и шелками; если бы я захотел описать их, мне пришлось бы исписать много листов бумаги.

Большей частью эти суда стоят на привязи в этом водоеме, словно мулы на конюшне. В двух фарсахах от города у султана был сад, называвшийся Айн-аш-Шамс[246]; там имеется родник прекрасной воды, и по роднику сад и получил свое название. Говорят, что этот сад когда-то принадлежал фараону. Около этого сада я видел старинное сооружение: четыре огромных камня, стоявших как минареты, высотою

[245] Майдан – мера площади.
[246] Источник солнца.

в тридцать газов; из верхушек их выступала вода, и никто не знал, что это такое.

В саду этом было бальзамовое дерево; говорят, что предки султана привезли семена его с Запада и посадили там. Ни в одной другой стране такого дерева нет, да и на Западе его уже более нет и следа. Семена его хотя и есть, но, когда их посадят, дерево не вырастает, а если вырастает, то не дает бальзама. Дерево это похоже на мирту; когда оно достигает должной величины, ветви его надрезают и под каждым надрезом привешивают склянку. Из надрезов выступает клейкое вещество, и когда оно выйдет всё целиком, дерево засыхает. Самый ствол садовники привозят в город и продают. У него толстая кора; если содрать ее и попробовать на вкус, она похожа на миндаль. Из корней этого дерева на следующий год снова вырастают ветви, и с ними проделывают то же самое.

В городе Каире десять кварталов, которые там называют "харэ". Вот их перечисление: харат Берджуван, харат Зувайле, харат-ал-Джудерийэ, харат-ал -Умара, харат-ад-Дайалимэ, харат-ар-Рум, харат-ал-Батылийэ, Каср-аш-Шаук, Абид-аш-Шера, харат-ал-Месамидэ.

Описание города Мисра.

Он расположен на возвышении, с восточной стороны его есть гора, но не высокая, это, скорее, скала и скалистые холмы. На краю города на возвышенности стоит мечеть Тулуна. У нее две очень прочных стены; кроме стен Амида и Мейяфарикина, я нигде не видел стены лучше. Ее выстроил один Аббасидский эмир, правивший Египтом.

В дни правления Хакима Би-амр-Аллаха, деда нынешнего султана, сыновья эмира Тулуна[247] явились к султану и продали ему эту мечеть за тридцать тысяч магрибинских динаров, но через некоторое время начали срывать мина-

[247] Т.е. того Аббасидского эмира, который выстроил мечеть Тулуна.

рет при этой мечети, который не продали. Хаким послал сказать им: "Вы же продали ее мне, как вы смеете срывать ее?" - "Мы минарет не продавали", - ответили они. Тогда он дал им еще пять тысяч динаров и купил минарет. В этой мечети султан совершал намаз в месяц Рамазан и по пятницам.

Город Миср из страха перед нападениями выстроили на возвышенности. Раньше там были высокие скалы, но их все раскололи и сравняли. Теперь эти места, где были скалы, называют Акаба[248].

Если поглядеть издали на город Миср, то кажется, что это - гора. Там есть дома в четырнадцать этажей друг над другом, есть здания и в семь этажей. Я слыхал от верного человека, что кто-то из жителей устроил на крыше семиэтажного дома сад, доставил туда теленка и вскармливал его, пока он не вырос. Тогда он устроил там гидравлическое колесо, которое этот бык приводил в движение, и таким образом поднимал воду. На этой крыше он посадил сладкие и кислые апельсины, бананы и другие деревья, которые все приносили плоды. Он посадил там также цветы и разные растения.

От одного почтенного купца я слыхал, что в Мисре много домов, где есть наемные комнаты, то есть комнаты, сдающиеся в наем. Площадь таких домов - тридцать арашей в квадрате, и в них помещается шестьсот пятьдесят человек.

Там есть базары и переулки, где постоянно горят светильники, потому что свет туда никогда не попадает; они служат только для прохода.

Помимо каирских мечетей, в Мисре семь мечетей, так что в обоих городах вместе пятнадцать мечетей, где по пятницам читают хутбу и собираются на молитву.

Посреди базара есть мечеть, называемая Баб-ал-Джавами, ее построил Абн-ибн-Ас, в то время, когда он был посажен Муавией наместником Египта. В этой мечети че-

[248] Горный проход.

тыреста мраморных колонн, а та стена, где находится михраб, целиком покрыта белыми мраморными плитами, на которых красивым почерком вырезан текст всего Корана. За оградой мечети - базары, и двери мечети выходят на них. В мечети постоянно сидят учителя и ученики, и она является местом собрания для этого большого города. Никогда не бывает, чтобы там находилось меньше пяти тысяч человек учащихся, приезжих, писцов, которые пишут свидетельства и договоры, и других людей.

Эту мечеть Хаким купил у сыновей Амра-ибн-Аса, которые пришли к нему и сказали: "Мы живем в нужде и нищете, а мечеть эту построил наш отец. Если султан даст дозволение, мы сроем ее и продадим кирпич и камни". Тогда Хаким дал им сто тысяч динаров и купил у них эту мечеть, а все население Мисра заставил быть свидетелями этой сделки.

После этого он велел сделать в этой мечети много удивительных сооружений. Среди них есть, например, шестнадцатигранный серебряный подсвечник, каждая грань которого - полтора араша, так что вся окружность его - двадцать четыре араша. В святые ночи в нем зажигают более семисот свечей. Говорят, что вес его - двадцать пять кантаров серебра; каждый кантар равняется ста ратлям, а каждый ратль - ста сорока четырем драхмам серебра. Говорят, что когда подсвечник был готов, его не могли внести ни в одну дверь мечети - так он был велик. Тогда разломали одну из дверей, внесли его и снова заделали дверь.

В этой мечети постоянно лежит десять красивых пестрых циновок, одна на другой. Каждую ночь там горит более ста лампад. В этой мечети разбирает судебные дела казий казиев.

С северной стороны мечети лежит базар, называемый Сук-ал-Кандиль[239]. Подобных базаров нет ни в одной стране: там можно найти все диковины, какие только бывают в

[239] Базар лампад.

мире. Я видел там изделия из черепахи, как, например: ларчики, гребенки, ручки для ножей и тому подобное; видел также чрезвычайно красивый хрусталь, который обрабатывают искусные мастера; его привозят из Магриба, но говорят, что поблизости, в море Кулзум, нашли хрусталь, лучше и прекраснее магрибинского. Видел я также слоновую кость, привезенную с Занзибара; там было много кусков, весивших больше двухсот ман. Была там также бычья шкура, привезенная из Абиссинии, напоминавшая шкуру леопарда; из нее делают обувь. Из Абиссинии же была привезена домашняя птица, довольно большого роста, с белыми крапинками и хохолком на голове, как у павлина.

В Мисре производят много меда, а также сахара.

Третьего числа месяца Дея старого календаря четыреста шестнадцатого года[240] по персидскому исчислению я в один и тот же день видел вместе следующие плоды и растения: красные розы, ненюфары, нарциссы, сладкие и кислые апельсины, лимоны, яблоки, жасмин, дыню, айву, гранаты, груши, арбузы, дыни "дастамбуй", бананы, маслины, свежие мироболаны, свежие финики, виноград, сахарный тростник, баклажаны, свежие тыквы, редьку, репу, свеклу, свежие бобы, огурцы, свежий лук, свежий гранат, морковь и каротель. Всякий, кто подумает, как можно собрать вместе эти плоды и овощи, из которых одни - осенние, другие - весенние, третьи - летние, четвертые - зимние, мне, вероятно, не поверит; однако я не имею никаких причин обманывать и пишу только про то, что видел. Если же я пишу про что-нибудь, что я слыхал, то за это я отвечать не могу, ибо Египет - страна очень обширная, климаты там самые разнообразные, и холодные и жаркие, и со всех концов страны товары везут в город и продают на базарах.

В Мисре вырабатывают самые различные сорта фаянса, столь изящного и прочного, что когда снаружи к нему

[240] 18 декабря 1048 г.

прикоснутся рукой, ее видно сквозь чашу. Делают из него бокалы, чаши, блюда и тому подобные вещи; затем их раскрашивают цветами бу-каламуна, так что с какой бы стороны ни посмотреть, каждый раз цвет будет другой.

Там выделывают также стекло, чистое и ясное, похожее на хризолит; продают его на вес.

Я слыхал от одного почтенного торговца галантереей, что за одну драхму веревки в Мисре дают три магрибинских динара, что равняется трем с половиной динарам нишапурским. Когда же я спросил в Нишапуре, сколько стоит самая лучшая веревка, мне сказали, что веревка, подобной которой не найти, продается по пять дирхемов за драхму веса.

Город Миср лежит вдоль берега Нила, и много павильонов и вышек поставлено так, что обитатели их, если захотят, могут поднимать к себе воду из Нила на веревке. Однако всю воду в город привозят из Нила водовозы, одни - на верблюдах, другие - на спине. Я видел кувшин из дамасской бронзы, вмещавший три мана воды; он так блестел, что его можно было принять за золотой.

Один человек мне рассказывал, что там есть женщина, у которой пять тысяч таких кувшинов. Она отдает их на прокат и за каждый кувшин берет дирхем в месяц; когда кувшин возвращают назад, нужно, чтобы он был в целости и сохранности.

Перед Мисром, посреди Нила, есть остров, где когда-то был выстроен город. Остров этот лежит к западу от Мисра. Там есть соборная мечеть и сады. Это скала посреди Нила, а оба русла реки по бокам ее, по моему определению, такой же ширины, как Джайхун, только Нил течет очень вяло и медленно. От города на остров ведет мост, составленный из тридцати шести судов.

Часть города лежит на другой стороне Нила, и называют ее Джизе. Там тоже есть мечеть, но моста туда нет, и

переправляются на ладьях или на пароме.

В Мисре столько лодок и судов, сколько не найдется в Багдаде и Басре, вместе взятых.

Торговцы на базарах в Мисре, когда продают что-нибудь, говорят правду, а если кто-нибудь солжет покупателю, его сажают на верблюда, дают ему в руку колокольчик и водят по городу, при этом он должен звонить в колокольчик и кричать: "Я сказал неправду и теперь несу наказание, ибо всякий, кто солжет, достоин наказания!"

На базаре в Мисре все бакалейщики, москательщики и торговцы мелким товаром, когда продают что-нибудь, сами дают упаковку: стекло, или фаянсовый горшок, или бумагу - так что покупателю не нужно брать с собой ничего для упаковки.

Масло для горения там выжимают из семян репы и свеклы и называют его "зейт харр"[241]. Сезама там мало и масло из него дорого, а оливковое масло дешево. Фисташки там дороже миндаля, а десять ман очищенного миндаля никогда не бывают дороже одного динара.

Базарные торговцы и лавочники садятся на оседланных ослов, когда идут на базар или возвращаются назад. На всех углах улиц держат много красиво оседланных ослов; если кто-нибудь желает, может сесть на них, плату за это берут совсем небольшую. Говорят, что там пятьдесят тысяч верховых животных, которых каждый день оседлывают и отдают в наем. На лошадях, кроме воинов и солдат, никто не ездит, то есть не ездят базарные торговцы, крестьяне, ремесленники и чиновники. Я видел много ослов пегих, как лошади, но только гораздо красивее.

Население города было чрезвычайно богато в то время, когда я был там.

В четыреста тридцать девятом году[242] у султана родил-

[241] Горячее масло.
[242] 1047 г.

ся сын; султан приказал всему населению веселиться; и город и базары разукрасили так, что если бы я описал все это, мне бы, вероятно, не поверили и не сочли бы возможным, что в галантерейных лавках, у менял и тому подобных торговцев все было так переполнено золотом, драгоценными камнями, деньгами, товарами, золототканой парчой и касабом, что негде было сесть.

Никто из них не опасается султана, не страшится шпионов и доносчиков и вполне уверен, что султан никого не станет притеснять и никогда не позарится на чужое добро.

У жителей я видел там такое богатство, что если я расскажу про это или попытаюсь описать, жители Персии мне не поверят. Богатства их я не мог ни сосчитать, ни исчислить, и такой спокойной жизни, какую люди ведут там, нигде не видел.

Я видел там одного христианина, одного из самых богатых людей в Египте. Говорили, что количество его кораблей, его движимости и недвижимости невозможно сосчитать. Как-то раз вода в Ниле не поднялась до настоящего уровня, и зерно вздорожало. Тогда вазир султана призвал этого христианина и сказал: "Нынче недобрый год, сердце султана гнетут заботы о народе. Дай столько зерна, сколько можешь, хочешь за деньги, хочешь в долг". - "По счастью султана и вазира его, - ответил христианин, - у меня заготовлено столько зерна, что шесть лет я могу снабжать Миср хлебом". А в это время в Мисре, несомненно, жителей было в пять раз больше, чем в Нишапуре. Тот, кто знаком с арифметикой, сможет вычислить, каковы должны быть богатства человека, обладающего таким количеством зерна. Какова же была безопасность населения и справедливость султана, если в его правление бывали такие случаи, создавались такие богатства, и султан никого не притеснял и не обижал, а народ ничего не прятал и не скрывал. Я видел там караван-сарай, называвшийся Дар-ал-Вазир, где жили

торговцы касабом, в нижнем этаже жили портные, а в верхнем - штопальщики. Я спросил заведующего, какой доход приносит этот караван-сарай. Он ответил: "Каждый год - двадцать тысяч магрибинских динаров; однако в данный момент один угол здания обрушился и его вновь отстраивают; тем не менее, и сейчас мы имеем дохода тысячу динаров в месяц, то есть двенадцать тысяч в год". Мне говорили, что в городе больше этого караван-сарая нет, но таких же - около двухсот.

Описание пиров султана.

В Египте обычай, что султан два раза в году в дни двух праздников устраивает пиры и дает аудиенцию знати и простому люду. Знать пирует в его присутствии, простой люд - в других дворцах и местах. Я хотя и много слыхал об этом, но все же мне хотелось посмотреть на такой пир самому.

Поэтому я сказал одному из султанских секретарей, с которым мне случилось познакомиться и подружиться: "Я видел приемы таких царей и султанов Персии, как султан Махмуд Газневид и его сын Мас'уд: это были великие цари, и у них было много богатств и роскоши. Теперь мне хотелось бы посмотреть и на пиршество повелителя правоверных..." Он сейчас же сказал это привратнику, которого там называют "сахиб-ас-ситр".

В последний день месяца Рамазана четыреста сорокового года[243] приготовили залу, куда на другой день, в праздник, должен был прибыть после намаза султан и сесть за стол. Привратник свел меня туда. Когда я вошел в дверь дворца, я увидел здания, террасы и портики; если бы я захотел описать все это, рассказ мой чрезмерно удлинился бы. Там было двенадцать четырехугольных замков, соединенных вместе; переходя из одного в другой, я каждый раз находил, что следующий еще красивее, чем предыдущий. Пло-

[243] 8 марта 1049 г.

щадь каждого из них была сто арашей в квадрате, за исключением одного - шестидесяти арашей в квадрате. В нем стоял трон, занимавший всю ширину здания, четырех газов высоты. С трех сторон этот трон был сделан из золота, и на нем была изображена охота, ристалище и разные другие вещи; на нем была надпись красивым почерком.

Ковры и обивка этой залы состояли из румийского шелка и бу-каламуна, вытканного по мерке для каждого места, где они находились. Трон окружала золотая решетка, описать которую невозможно. Позади трона у стены были устроены серебряные ступеньки. Сам же трон этот был так роскошен, что если бы вся эта книга с начала и до конца была посвящена описанию его, все же нельзя было бы найти подходящих выражений.

Говорят, что на тот день, когда султан дает пир, отпускается пятьдесят тысяч ман сахару для украшения столов. Я видел дерево, вроде апельсина, все ветви, листья и плоды которого были сделаны из сахара; на нем были сделаны тысячи фигурок и изображений из сахара.

Кухня султана лежит вне замка и там постоянно работает тысяча рабов. Из павильона в кухню ведет подземный ход. Там было заведено каждый день привозить на четырнадцати верблюдах снег для султанских погребов. Оттуда и большая часть эмиров и сановников тоже получала свою часть, а если кто-нибудь из горожан просил об этом для больных, давали и им. Точно так же за всяким лекарством и микстурой, которые могли понадобиться горожанам, они обращались в гарем и получали их оттуда. Точно так же дело обстояло и с мазями, например с бальзамом и тому подобным, - если кто-нибудь просит о чем-нибудь из таких вещей, никогда нет ни отказов, ни отговорок.

Характеристика египетского султана

Безопасность и спокойствие жителей Египта доходят до того, что торговцы галантерейным товаром, менялы и ювелиры даже не закрывают дверей: они натягивают только перед ними сетку, и никто не решается украсть что-нибудь.

Был один ювелир, еврей, который пользовался доступом к султану и которому все доверяли при покупке драгоценных камней. Однажды солдаты набросились на него и убили его. Сделав такое дело, они устрашились султанской кары. Двадцать тысяч всадников сели на коней, выехали на площадь, а солдаты выступили в поле. Население города чрезвычайно испугалось этого; всадники же простояли на площади до полудня. Из дворца вышел евнух, встал у дверей и крикнул: "Султан повелевает, чтобы вы покорились ему, согласны?" Всадники в голос ответили: "Мы рабы его и покорны ему, но только мы совершили преступление". "Султан повелевает, чтобы вы возвратились назад", - сказал евнух, и все они сразу повернули назад. У убитого еврея был сын, по имени Абу Саид, и брат. Говорят, что богатствам его знает счет только один Господь всевышний. Говорят, что на крыше дома у него стояло шестьсот серебряных ваз, и в каждой из этих ваз было посажено по дереву, так что все это напоминало сад; все эти деревья приносили много плодов.

Брат еврея написал султану письмо, в котором писал, что готов немедленно передать в казну двести тысяч магрибинских динаров; это он сделал из страха, но султан выслал это письмо в приемную залу, чтобы его разорвали на глазах у всех, и сказал: - Будьте покойны и ступайте домой; никто вам ничего не посмеет сделать, а я ни в чьих деньгах не нуждаюсь. - Так он завоевал себе их расположение.

От Сирии и до Кайрувана всюду, где я проезжал, во всех городах и поселениях поверенные султана оплачивают все

расходы мечетей на лампадное масло, циновки, ковры, молитвенные коврики и жалованье и содержание настоятелей, фаррашей, муэззинов и других церковнослужителей.

Как-то раз наместник Сирии написал: "Нынче масла мало, если последует приказ, мы выдадим мечетям "зейт харр" (так называют масло из семян репы и свеклы)". Тогда ему послали такой ответ: "Ты слуга, а не вазир. Если что-нибудь нужно для дома Божьего, то никакие перемены и изменения в этом недопустимы".

Казий казиев получает две тысячи магрибинских динаров жалованья, и все прочие казии - соответственно своему посту, дабы никто не зарился на чужое добро и не причинял зла людям. Там был обычай пятнадцатого Раджаба[244] читать в мечетях послание султана такого содержания: "О правоверный люд, подходит время хаджа. Караван султана по обычаю будет снабжен солдатами, лошадьми, верблюдами и припасами". В Рамазан то же выкрикивают глашатаи, а с первого Зуль-Ка'дэ начинают выходить из города и собираться в установленном месте. В середине месяца Зу-ль-Ка'дэ пускаются в путь. Расход на прокормление солдат этих составляет тысячу магрибинских динаров в месяц, помимо двадцати динаров жалованья, выплачиваемого каждому человеку. Двадцать пять дней идут до Мекки, десять дней остаются там и двадцать пять дней возвращаются назад. Таким образом, в эти два месяца на прокормление их тратят шестьдесят тысяч магрибинских динаров, не считая других расходов, подарков, жалованья и павших по пути верблюдов.

В четыреста тридцать девятом году[245] населению прочитали послание султана, где говорилось: "Повелитель правоверных говорит, что в этом году лучше не совершать хад-

[244] Название седьмого месяца мусульманского календаря. Следовательно, предупреждение делалось за 4,5 месяца до хаджа — паломничества в Мекку.
[245] 1047 г. н.э.

жа, ибо нынче в Хиджазе недород и голод и там умирает много народу. Это я говорю из сострадания к правоверным".

Паломники отложили свое паломничество, а султан послал покров на Ка'бу, как это обычно делал два раза в год. На этот раз покров отправили через Кулзум, и я пошел вместе с посланными.

6.
ПРИБЫТИЕ В МЕККУ. ВТОРОЙ ХАДЖ. ВВЕРХ ПО НИЛУ. ДЖУДДЭ

В начале месяца Зу-ль-Ка'дэ мы вышли из Мисра, восьмого числа[246] прибыли в Кулзум, там сели на корабль и в пятнадцать дней доехали до города, называемого Джар. Это было двадцать второго числа. Оттуда мы в четыре дня добрались до Града пророка[247], да сохранит его господь и да помилует.

Град пророка, мир да будет с ним, - это город, лежащий на краю пустыни; земля там влажная и покрыта солончаками. Проточная вода есть, но ее мало. Там есть плантации финиковых пальм. Кыбла от Медины лежит к югу.

Мечеть посланника Божьего, да хранит его господь и да помилует, такой же величины, как Масджид-ал-Харам[248]. Ограда с могилой пророка, мир да будет с ним, рядом с минбаром[249] мечети, если обратиться лицом к Кыбле - по левую руку. Таким образом, хатиб[250], когда он с минбара говорит о пророке, мир да будет с ним, и молится за него, оборачивается вправо и указывает на гробницу пророка.

Здание имеет форму пятиугольника, и стены его возведены между пятью пилястрами, на которых покоится крыша. В конце здания сделано нечто вроде ограды и окружено решеткой, чтобы туда никто не ходил; открытая часть этой ограды затянута сеткой, чтобы и птицы не залетали туда. Между гробницей и минбаром есть тоже нечто вроде ограды, вымощенной мраморными плитами и лежащей ниже уровня мечети. Это место называют "равзэ" и говорят, что это один из райских садов, ибо посланник Божий,

[246] 26 апреля 1048 г.
[247] Медина.
[248] Мечеть в Мекке.
[249] Кафедра.
[250] Хатиб — проповедник, читающий проповедь со славословием султану (хутбэ).

мир да будет с ним, сказал: "Между могилой моей и минбаром моим - один из райских садов"[251]. Шииты утверждают, что там погребена Фатима[252] пречистая, мир да будет с ней. У мечети только одна дверь.

За городом по направлению к югу тянется пустыня, там - кладбище, на котором находится могила повелителя правоверных Хамзы ибн Абд ал-Муттaлиба[253], да помилует его господь. Место это называется Кубур-аш-Шухада[254].

Мы пробыли в Медине два дня, а затем снова пустились в путь, так как времени было мало. Дорога шла на восток, и через две остановки от Медины мы пришли к горным теснинам вроде ущелий, называемым Джухфэ. Это Микат для Магриба, Сирии и Египта; Микатом же называется то место, где паломники надевают ихрам[255].

Говорят, что в один год там собралось очень много паломников, внезапно хлынул горный поток - и все они погибли. Поэтому это место и называется Джухфэ[256].

От Мекки до Медины - сто фарсахов, но дорога каменистая, и мы шли восемь дней. В воскресенье шестого Зу-л-Хиджа[257] мы вступили в Мекку и остановились около ворот Баб-ас-Сафа. В тот год в Мекке был недород, и четыре мана хлеба продавали за один нишапурский динар. Муджавиры покинули Мекку, и ни откуда не прибыло паломников. В среду мы с помощью Господа великого и преславного сходили на гору Арафат и два дня провели в Мекке. Много людей от голода и нищеты покинуло Хиджаз и разбежалось во все стороны. На этот раз я не дам описания палом-

[251] Сад по-арабски «равзэ».
[252] Дочь Мухаммада.
[253] Дядя пророка. Титул «повелителя правоверных», однако, к нему никоим образом приложен быть не может. Текст, видимо, испорчен.
[254] Гробницы исповедников истинной веры
[255] Одеяние паломника — состоит из двух кусков чистой полотняной материи, до которой еще не дотрагивались иглой. Один кусок набрасывают на шею и плечи, другим опоясываются.
[256] Бурный горный поток.
[257] 24 мая.

ничества и самой Мекки, а отложу это до рассказа о моем следующем посещении ее, когда я шесть месяцев был там муджавиром; я подробно расскажу обо всем, что я там видел тогда.

Я снова направился в Египет и через семьдесят пять дней прибыл в Миср. В этот год туда собралось из Хиджаза тридцать пять тысяч человек, и султан всех одел и приказал содержать в течение целого года, ибо все они были голодными и нагими. Когда же в Хиджазе снова пошли дожди и продовольствие появилось в обилии, султан опять дал каждому из этих людей подобающую ему одежду, одарил их и отправил обратно в Хиджаз.

В месяце Раджабе четыреста сорокового года[258] другой раз прочитали народу султанский приказ такого содержания: "В Хиджазе недород, паломникам идти туда не годится. Пусть они уволят себя от этого и творят то, что повелел Господь".

В этот год паломничество опять не состоялось, но султан не счел возможным воздержаться от своего обычного ежегодного дара - покрова на Ка'бу и подарков служителям, хранителям и эмирам Мекки и Медины. Подарки эмиру и сановникам Мекки составляют три тысячи динаров в месяц, кроме лошадей и почетных халатов; посылаются они два раза в год. В этот год свезти их поручили некоему человеку по имени казий Абд-Аллах, который был раньше казием в Сирии.

Я отправился вместе с ним через Кулзум, и на этот раз судно прибыло в Джар пятого Зу-ль-Ка'дэ.

Времени оставалось мало, ибо момент совершения паломничества был совсем близок. Верблюд отдавался в наем за пять динаров, я совершил переход с величайшей поспешностью, восьмого Зу-л-Хиджа прибыл в Мекку и с помощью Господа, великого и преславного, выполнил хадж.

[258] Декабрь 1048 г.

В этот год из Магриба прибыл огромный караван и, когда он возвращался обратно, бедуины у ворот благородного города Медины потребовали с паломников уплаты денег за право свободного проезда. Между ними началась схватка, было убито более двух тысяч магрибинцев, и многие не возвратились назад в Магриб.

В тот же год направилось в хадж много жителей Хорасана через Сирию и Египет; в Медину они прибыли на кораблях шестого Зу-л-Хидджа и до Арафата им осталось еще сто четыре фарсаха. Они заявили: "Тому, кто доставит нас в остающиеся три дня в Мекку, так чтобы мы успели совершить хадж, каждый из нас заплатит по сорок динаров". Пришли бедуины и устроили так, что доставили их в два с половиной дня на Арафат; деньги с них они получили вперед. Они привязали всех их на быстроходных верблюдов, выехали с ними из Медины и ехали так до самого Арафата. Двое из привязанных к верблюдам по дороге умерли, а четверо, хотя и остались в живых, но были полумертвыми. Они прибыли туда во время третьей молитвы, когда мы как раз были там. Путешествие это довело их до того, что они не могли стоять на ногах и говорить тоже не могли. Потом они рассказывали: "По дороге мы много раз обращались к бедуинам с просьбой и говорили: золото, которое мы дали вам, пусть остается у вас, только отпустите нас, потому что у нас более нет сил. Они не слушали нас и продолжали гнать дальше". Все же, в конце концов, эти четыре человека совершили хадж и вернулись обратно через Сирию.

Совершив хадж[259], я возвратился в Миср, потому что там были мои книги, а возвращаться еще раз в Мекку я не имел в виду.

В этот год прибыл в Миср эмир Медины, получавший от султана ежегодное жалование в качестве потомка Хусей-

[259] Паломничество в Мекку. Это второе паломничество Носира Хусрава из Египта в Мекку (первое было совершено в мае 1048 г., а второе – в мае 1049 г.). Таким образом, в главе 6 речь идет о событиях 1049-50 г.

на ибн Али, да помилует его Господь. Я вместе с ним ехал на корабле до Кулзума и переход оттуда до Мисра тоже совершил с ним вместе.

В четыреста сорок первом году[260], когда я был в Мисре, пришло известие, что царь Алеппо восстал против султана; он был вассалом султана, и его отец тоже был царем в Алеппо. У султана был евнух по имени Умет-ад-Давлэ; этот евнух был начальником над муталибами и обладал огромными богатствами.

А муталибами называют людей, которые в горах Египта ищут клады и сокровища. Из Магриба, со всех концов Египта и из Сирии собираются люди, и каждый из них трудится в горах и скалистых местностях и тратит на это деньги. Было много людей, которым удалось найти клады и сокровища, но были и такие, которые растрачивали все свое имущество и ничего не находили. Говорят, что в этой местности зарыты сокровища фараона. Если кто-нибудь там что-нибудь находит, пятую часть он должен отдать султану, остальное же может оставить себе.

Итак, султан послал этого евнуха в ту провинцию, сделал его высшим сановником и дал ему все то, что требуется для царей, как, например, палатки, загородки и тому подобное.

Прибыв в Алеппо, он начал вести военные действия и был убит там. Богатство его было столь велико, что в течение двух месяцев его имущество постепенно переносили из его казны в султанскую казну. В числе прочего у него было триста рабынь, большей частью изумительной красоты; некоторые из них были его наложницами. Султан повелел отпустить их всех на свободу; тем, которые желали выйти замуж, он велел дать мужа, тем же, которые не желали этого, повелел без малейшей утайки выдать все их имущество и отпустить их по домам. Ни одну из них он не приказывал

[260] 1049 г.

ни притеснять, ни обижать.

Когда же евнух был убит в Алеппо, царь устрашился, как бы султан не послал на него войска. Он послал тогда к его величеству султану своего семилетнего сына и жену с множеством даров и приношений и попросил извинения за все случившееся.

Когда они прибыли, их около двух месяцев держали за городом, не пускали вовнутрь и не принимали их даров. Тогда за них вступились имамы и казии города, пошли во дворец султана и стали просить, чтобы их приняли. Их, наконец, приняли и с почетными дарами и одеждами отослали назад.

Замечательно в Мисре еще следующее: если кто-нибудь захочет насадить сад, он может сделать это в любое время года, ибо всякое дерево, какое бы он ни пожелал, можно всегда добыть и посадить, будь то плодовое или декоративное. Есть люди, которые торгуют этим и, что бы ты ни пожелал, достают в любое время. Они делают так: сажают в кадки деревья и ставят их на крышу дома, так что многие крыши начинают походить на сад. Большей частью у них плодовые деревья: кислые и сладкие апельсины, гранаты, айва, - но есть и розы, базилик и разные декоративные травы. Если кто-нибудь желает, приходят носильщики, привязывают эти кадки вместе с деревьями к палкам и несут, куда им укажут. Если хочешь, они ставят эти кадки на землю, а если угодно - удаляют кадку и сажают дерево в землю, и оно при этом даже не замечает ни малейшей перемены. Этого обычая я не видал ни в одной другой стране и даже не слыхал о нем, и надо сознаться, что это прекрасный обычай.

Описание обратного пути в Персию через Мекку

Теперь я расскажу о своем возвращении из Мисра через Мекку - да сохранит ее Господь всевышний от несчастий - домой. Я совершил в Каире праздничный намаз, во вторник четырнадцатого Зу-л-Хиджа четыреста сорок первого года[261] сел в Мисре на корабль и пустился в путь через Саид-ал-Ала.

Эта страна расположена к югу от Мисра, оттуда река Нил приходит в Миср. Своим богатством Миср обязан главным образом этой области. Там на обоих берегах Нила много городов и поселков, но если описать их все, это слишком удлинит рассказ.

Наконец мы прибыли в город, называемый Асиут. Из этого города ведет свое происхождение опиум. Его добывают из одного сорта мака с черными семенами. Когда растение достигнет надлежащей величины и начинает образовываться головка, его надламывают, и из него выступает молочный сок. Сок этот собирают и сохраняют, и он-то и есть опиум. Семена этого вида мака очень мелки и похожи на тмин.

В Асиуте этом из овечьей шерсти прядут тюрбаны, подобных которым нет в целом мире. Вся тонкая шерсть, привозимая в Персию под названием "египетской", идет из Сайд-ал-Ала, ибо в самом Египте шерсти не прядут. Я видел в этом Асиуте футэ[262] из овчины, какого не видал ни в Лахоре, ни в Мультане[263]; можно было бы предположить по внешнему виду, что это шелк.

Оттуда мы проехали в город, называемый Кус; там я видел огромные постройки, сложенные из камней; они столь велики, что всякий, кто их видит, поражается. В городе этом

[261] 10 апреля 1050 г.
[262] Особый сорт полосатой материи, или же всякая одежда, не шитая иглой, вроде плащей, повязок и т.п.
[263] Город в Индии.

старый кремль и стены, сложенные из камней. Большая часть зданий там сложена из огромных камней, из которых каждый весит от двадцати до тридцати тысяч ман. Самое удивительное - это то, что на десять-пятнадцать фарсахов вокруг нет ни гор, ни скал, - как же и откуда могли быть привезены эти камни?

Оттуда мы проехали в город, называемый Ахмим; это заселенный и цветущий город, там много жителей и прочные укрепления. Много там пальмовых плантаций и садов. Там нам пришлось провести двадцать дней; перед нами было два пути: один по безводной пустыне, другой - по реке, и мы не могли решиться, каким путем отправиться. В конце концов, мы поехали водой и прибыли в город, называемый Асуан.

К югу от этого города была гора, из ущелий которой вытекает река Нил. Говорят, что выше этого города суда не поднимаются, потому что вода вырывается из теснин и падает с огромных скал. В четырех фарсахах пути от этого города лежит страна Нубия. Все жители ее - христиане, и постоянно от царя этой страны к египетскому султану идут подарки, и между ними заключаются договоры и соглашения, чтобы солдаты не врывались туда и не производили там разрушений.

Город этот снабжен чрезвычайно сильными укреплениями; чтобы на него не могли напасть из Нубии, там постоянно стоит гарнизон для охраны города и всей области. Против города посреди реки лежит остров, похожий на сад; на нем много финиковых пальм, маслин и других деревьев, есть там также и пашни, которые поливаются при помощи гидравлических колес. Вообще на этом острове деревьев много. Мы пробыли там двадцать один день, ибо перед нами лежала огромная пустыня и двести фарсахов отделяли нас от берега моря. Это было как раз время возвращения паломников, приезжавших туда на верблюдах, и мы до-

жидались этого, чтобы нанять верблюдов, когда они пойдут в обратный путь, и поехать таким образом.

Находясь в Ассуане, я познакомился с одним человеком, которого звали Абу Абдаллах Мухаммад ибн Филидж. Это был добродетельный и праведный человек, кое-что понимавший в логике. Он помог мне нанять верблюдов, подыскать себе попутчиков и приготовить все нужное для пути.

Я нанял верблюда за полтора динара и выехал из этого города пятого Раби-ал-Авваль четыреста сорок второго года[264]. Путь лежал к юго-востоку. Проехав восемь фарсахов, я добрался до стоянки, называемой Дейкэ. Это была лощина посреди пустыни, по обеим сторонам наподобие двух стен возвышались горы. Ширина этой лощины была около ста арашей. Посреди нее был вырыт колодец, который давал много воды, но только нехорошей. Когда покидают эту стоянку, приходится пять дней ехать по пустыне, где воды нет совершенно. Поэтому каждый из нас наполнил водою мех, и мы пустились в путь.

Затем мы приехали на стоянку, называемую Хауд. Это каменистая гора; в ней два отверстия, из которых вытекает вода и стекает в канаву. Вода эта сладкая, но для того, чтобы достать верблюдам воды, нужно войти в это отверстие. Наши верблюды уже семь дней не пили воды и не ели, потому что ничего нельзя было достать. Отдыхали они в сутки один раз: с того мгновения, когда солнце становилось чрезмерно жарким, до третьей молитвы[265].

Стоянки все известны, потому что не всюду можно останавливаться: может случиться, что в ином месте нечем будет развести огонь, на этих же остановках находят верблюжий помет, разжигают его и варят себе что-нибудь.

Можно было подумать, что верблюды знают, что при всяком замедлении хода погибнут от жажды; они шли так,

[264] 28 июля 1050 г.
[265] Между 3 и 4 часами пополудни.

что их и подгонять не нужно было, они сами находили нужное направление в этой пустыне и, хотя дороги не было ни следа, ни признака, все время направлялись к востоку. Иногда приходилось пройти пятнадцать фарсахов, чтобы найти воду, да и та была в малом количестве и соленая, а иногда ее не было совершенно.

Двадцатого[266] Раби-ал-Авваль четыреста сорок второго года мы прибыли в город Айдаб. От Ассуана до Айдаба мы ехали пятнадцать дней, и расстояние это составляет приблизительно двести фарсахов.

Город Айдаб лежит на берегу моря; там есть мечеть, жителей там около пятисот человек. Город подчинен египетскому султану. Там находится таможня, так как туда прибывают суда из Абиссинии, Занзибара и Йемена, оттуда товары везут на верблюдах по той пустыне, по которой ехали мы, до Ассуана, а из Ассуана на судах по реке Нил доставляют в Миср.

По правую руку от этого города, если обратиться в сторону Кыблы, есть гора, а за горой этой - огромная равнина с обильными пастбищами. Там живет большое племя, называемое "беджа"; это люди, у которых нет ни веры, ни религии; они не следуют никакому пророку или предводителю, так как живут слишком далеко от населенных мест. Равнина их в длину больше тысячи фарсахов, а в ширину более трехсот, и на всей этой равнине есть только два маленьких городка: один называется Бахр-ан-На'ам[267], а другой - Айдаб. Равнина эта тянется от Мисра до Абиссинии, то есть с севера на юг, а в ширину простирается от Нубии до моря Кулзум[268] - с запада на восток. Беджа эти живут на той равнине; они не злые люди, не воруют и не совершают набегов,

[266] В печатном и литографированном тексте стоит «восьмого», но если принять во внимание что выехали они пятого и ехали пятнадцать дней, становится ясно, что здесь недоразумение и следует читать «двадцатого».
[267] Море страусов, или море пустыни.
[268] Красное море.

,и заняты только своим скотом. Мусульмане и другие люди крадут у них детей, возят в города Ислама и продают.

Море Кулзум - это канал, который отделяется от океана у области Адена и идет к северу до самого городка Кулзум. Когда на берегу этого моря есть город, там это море называют по имени того города, как, например, в одном месте называют по имени Кулзум, в другом - по Айдабу, в третьем - по Бахр-ан-На'аму. На этом море более трехсот островов. С островов приходят суда и привозят масло и кешк[269].

Говорят, что там много коров и овец; жители островов, как слышно, мусульмане. Часть островов подчиняется Египту, а часть - Йемену.

В городке Айдабе нет ни колодезной, ни ключевой воды; пользуются там только дождевой водою, а когда случается, что долгое время нет дождей, воду привозят беджа и продают. За те три месяца, что мы там пробыли, мы платили за мех воды дирхем и даже два, а были мы там так долго, потому что корабль наш не мог пуститься в плавание; все время был северный ветер, а нам был нужен ветер южный. Когда тамошние жители увидели меня, они предложили мне: "Выполняй у нас обязанности хатиба"[270], и я не отказал им в этом, и все время был хатибом, пока не подошло подходящее время года и суда не пустились к северу. Оттуда мы направились в Джудду.

Мне говорили, что нигде нет породистых верблюдов лучше, чем на той равнине; их вывозят оттуда и в Египет и в Хиджаз.

В городе Айдабе один человек, словам которого я доверяю, рассказывал мне: "Как-то раз из этого города пошло судно в Хиджаз, которое везло верблюдов к эмиру Мекки. Я ехал на этом судне. Один из моих верблюдов издох, и его

[269] Сгущенное кислое молоко.
[270] Хатиб – чтец молитв.

выбросили в море. Тотчас же его проглотила рыба, и только нога верблюда осталась торчать у нее из пасти. Тогда подошла другая рыба и проглотила рыбу, пожравшую верблюда, да так что от нее не осталось и следа". "Эту рыбу, - говорил он, - называют караш"[271].

В этом самом городе я видел рыбью кожу того сорта, который в Хорасане называют "сагри". В Хорасане я думал, что это кожа какого-то вида ящерицы, но тут я убедился, что это действительно рыба, ибо на ней еще были плавники, какие могут быть только у рыб.

Когда я был в Ассуане, у меня там был друг, имя которого я уже упоминал ранее, - его звали Абу Абдаллах Мухаммад ибн Филидж. Когда я ехал оттуда в Айдаб, он был столь любезен, что написал письмо своему поверенному в городе Айдабе: "Дай Носиру все, что бы он ни пожелал, возьми с него расписку и присоедини к своей отчетности". Когда я пробыл в Айдабе три месяца и израсходовал все, что у меня было с собой, мне поневоле пришлось дать это письмо тому человеку. Он оказался человеком благородным и воскликнул: "Клянусь Богом! У меня много его товаров. Что прикажешь дать тебе? Бери, что хочешь, и давай расписку".

Я изумился благородству Мухаммада ибн Филиджа, который безо всяких услуг с моей стороны оказал мне такое внимание. Если б я был человеком бессовестным и счел бы это возможным, я мог бы получить от того человека благодаря письму много всяких товаров.

Однако я взял у него только сто ман муки, количество, которое стоит там довольно дорого. На это количество я дал ему расписку, а он расписку эту отослал в Ассуан. Еще до моего отъезда из Айдаба пришел ответ Мухаммада ибн-Филиджа: "Какова бы ни была стоимость того, что он попросит, давай ему все, что у тебя есть из моего имущества.

[271] Акула.

Если же тебе придется дать что-нибудь из своего собственного добра, я оплачу тебе все расходы". Повелитель правоверных Али ибн Абу Талиб, да помилует его Господь, сказал: "Правоверный не должен быть ни заносчивым, ни жадным".

Рассказ этот я привел для того, чтобы читатели знали, что благородные люди доверяют людям благородным же, что щедрость бывает повсюду и что щедрые люди бывали раньше и будут и впредь.

Джуддэ - большой город на берегу моря, окруженный крепкой стеной. Лежит он на северном берегу моря. Жителей там около пяти тысяч человек и есть красивые базары. Кыбла соборной мечети обращена к востоку. За городом зданий нет, кроме мечети, известной под названием Мечети посланника Божьего, да сохранит его Господь и да помилует. В городе двое ворот: одни - с восточной стороны, в сторону Мекки, другие - на запад, к морю. Если от Джуддэ пойти к югу по берегу моря, придешь в Йемен, в город Саадэ, до которого пятьдесят фарсахов. Если же пойти к северу, придешь в город Джар в Хиджазе. В городе Джуддэ нет ни деревьев, ни пашен, все продовольствие привозят из деревень.

Оттуда до Мекки двенадцать фарсахов. Эмир Джуддэ подчинен эмиру Мекки; звали его Тадж-ал-Маали ибн Абул-Футух, он же был эмиром Медины.

Я ходил к эмиру Джуддэ: он оказал мне почет и сложил с меня причитавшуюся пошлину, так что я проехал, ничего не заплатив. Он даже написал про меня в Мекку: "Этот человек ученый, и с него брать ничего не следует".

В пятницу во время третьей молитвы я выехал из Джуддэ, а в воскресенье, в последний день месяца Джумад-ал-Ухра[272], прибыл к воротам Мекки. Из окрестностей Хиджаза и Йемена туда собралось много народу, чтобы совершить

[272] 20 сентября.

умрэ[273] первого числа Раджаба. Это большой праздник, и они приезжают на него, так же как и на Рамазан, и во время хаджа. Так как путь для них близок и легок, они приезжают три раза в году.

[273] «Умрэ» называется церемония посещения святых мест около Мекки, в том числе Са'й – бег между Сафа и Мервэ и Таваф — семикратное хождение вокруг Ка'бы, если все эти обряды совершаются не в священный месяц Зу-л-Хиджа, а в другое время года.

7.
ОПИСАНИЕ МЕККИ. АРАВИЯ И ЙЕМЕН. КА'БА. ЗАМЗАМ, ОПИСАНИЕ ГОРОДА МЕККИ, ДА ПРОСЛАВИТ ЕЕ ГОСПОДЬ ВСЕВЫШНИЙ.

Город Мекка лежит среди высоких гор, и с какой бы стороны ты ни подошел к городу, из-за гор самого города не видно. Самая высокая из гор около Мекки - гора Абу-Кубеие. Она круглая, как купол, и если от подножия ее пустить стрелу, она достигла бы вершины горы. Она лежит к востоку от города, так что когда люди смотрят на нее из Масджид-ал-Харам в месяце Дее[274], солнце встает над этой горой.

На вершине ее есть башенка, построенная из камней; говорят, что построил ее Авраам, мир да будет с ним.

Город выстроен на ровном пространстве между гор, и площадь его не больше двойного полета стрелы в квадрате.

Масджид-ал-Харам лежит посреди этой долины, а вокруг нее расположен город, переулки и базары. Где в горах были расселины, их закрыли каменными стенами с воротами посредине.

В городе нет деревьев, только у врат Масджид-ал-Харам, с западной стороны, называемых Баб Ибрахим, около колодца есть несколько высоких раскидистых деревьев. К востоку от Масджид-ал-Харам тянется большой базар с севера на юг, на краю этого базара с южной стороны - гора Абу Кубейс. Подножие горы Абу Кубейс и называется Сафа. Оно устроено так: подножие горы превратили в нечто вроде больших ступеней, сложенных из камней.

По этим ступеням люди ходят, молятся и делают то, что называется бегом между Сафа и Мервэ, то есть бегут от Сафа на северный конец базара, к горе Мервэ.

Она не особенно высока, и на ней выстроено много до-

[274] Декабрь.

мов; лежит она посреди города. Когда совершают бег, нужно пробежать по этому базару с одного конца до другого.

Если кто-нибудь желает выполнить умрэ и едет из далеких мест, то в полфарсахах от Мекки на всех дорогах поставлены путевые знаки и выстроены мечети: там для совершения обряда он должен одеть ихрам. Облачиться в ихрам - значит снять с тела все шитые одежды, повязать бедра куском ткани, накинуть другой кусок ткани или повязку на плечи, громким голосом воскликнуть: "Лаббайка[275], Аллахумма, Лаббайка" и идти к Мекке.

Если же кто-нибудь, находясь в Мекке, желает совершить умрэ, он идет до этих путевых знаков, там одевает ихрам и, восклицая: "Лаббайка!", вступает в Мекку с целью совершения умрэ.

Войдя, в город, он идет к Масджид-ал-Харам, подходит к дому Ка'бы и начинает обходить его с правой стороны, так, чтобы левый бок его все время был обращен к Ка'бе. Он подходит к той колонне, на которой лежит Черный Камень, целует его, идет дальше, таким же образом совершает еще раз обход, снова подходит к камню и опять целует его. Это называется одним тавафом. Таким же образом совершает семь тавафов, три раза бегом и четыре раза медленным шагом.

Когда таваф закончен, идут к Макаму Ибрахима[276] - мир да будет с ним, - которое напротив Ка'бы, и становятся позади него, так что место это оказывается между Ка'бой и совершающим обряд. Там творят два раката намаза, называемого "намазом тавафа".

Затем входят в павильон колодца Замзам, пьют из него воду или смачивают себе ею лицо и выходят из Масджид-ал-Харам в дверь, называемую Баб-ас-Сафа. Это одна из дверей ограды, и, выходя из нее, оказываются прямо против горы Сафа.

[275] Я пред тобой, о Боже мой, я пред тобой.
[276] Место Авраама.

Затем поднимаются на склон горы Сафа, обращаются лицом к Ка'бе и читают молитву, слова которой известны. Прочитав молитву, спускаются и идут через базар к горе Мервэ, то есть идут с юга на север. Когда идут по базару, обращаются в сторону дверей Масджид-ал-Харам. По этому самому базару посланник, да сохранит его Господь и да помилует, бежал сам и повелел и другим бежать по нему.

Длина его около пятидесяти шагов, и по обеим сторонам четыре минарета. Между двумя из них люди проходят, когда бегут от горы Сафа и устремляются к двум другим по ту сторону базара; достигнув их, идут медленно до самой горы Мервэ. Когда дойдут до ступеней, поднимаются на них и читают известную молитву. Затем снова возвращаются и опять бегут через тот же базар. Таким образом четыре раза бегут от Сафа к Мервэ и три раза от Мервэ до Сафа, а в общей сложности пробегают по базару семь раз.

У самого подножия Мервэ есть базар, где двадцать лавок друг против друга: все они заняты цирюльниками, которые бреют головы паломникам.

Когда умрэ закончено и выходят из Харама, идут на большой базар, расположенный к востоку от Харама и называемый Сук-ал-Аттарин[277]. Это прекрасная постройка, и все торговцы там продают разные зелья.

В Мекке - две бани, полы в них устланы зеленым камнем, обычно применяемым для точки ножей.

Я подсчитал, что в Мекке коренных жителей тысячи две, не больше. Все остальные - около пятисот человек - приезжие и муджавиры. В тот год там был недород, шестнадцать ман пшеницы стоили один магрибинский динар, и много народу покинуло город.

В Мекке были дома для жителей каждого города: Хорасана, Мавераннахра, Ирака и других областей, но большая часть их разрушилась и лежала в развалинах.

Багдадские халифы выстроили там много богоугод-

[277] Рынок москательщиков.

ных заведений и красивых зданий, но в то время, когда я был там, часть их развалилась, а часть была обращена в частную собственность.

Вода в колодцах в Мекке соленая и горькая, так что пить ее невозможно, но там выстроено много больших водоемов и месани, каждый из которых обошелся примерно в десять тысяч динаров. В то время их наполняли дождевой водой, стекавшей по горным лощинам. Однако в то время, когда я там был, все они были пусты. Один из эмиров Адена, которого звали сыном Шад-Диля, провел в Мекку воду под землей и истратил на это много денег. На Арафате этой водой поливали пашни и посевы. Ее там запрудили, устроили огороды, так что в Мекку попадало воды немного и до города не доходило. Там устроили водоем, в котором эта вода собиралась; водоносы брали ее оттуда, носили в город и продавали.

На дороге, на расстоянии полфарсаха есть колодец, называемый Бир-аз-Захид[278]. Возле него - прекрасная мечеть. Вода в этом колодце сладкая, и водоносы оттуда носят ее и продают в Мекке.

Климат в Мекке чрезвычайно жаркий. В конце месяца Бахмана[279], по старому календарю, я видел там свежие огурцы, бодринги и баклажаны. В этот, четвертый, раз, что мне случилось быть в Мекке, я был там муджавиром с первого числа Раджаба четыреста сорок второго года[280] до двадцатого Зу-л-Хиджа[281]. Пятнадцатого Фарвардина[282] старого календаря поспел виноград, его начали привозить из деревень в город и продавать на базарах. Первого Ардибехишта[283] появились в обилии дыни; все плоды там есть даже и зимою и никогда не прекращаются.

[278] Колодец отшельника.
[279] Январь.
[280] 10 ноября 1050 г.
[281] 3 мая 1051 г.
[282] Март — апрель.
[283] Апрель — май.

Описание Аравии и Йемена.

Если из Мекки отправиться к югу, то через одну стоянку прибудешь в область Йемена, которая тянется до самого берега моря.

Области Йемена и Хиджаза соприкасаются, в обеих говорят по-арабски. В цветистой речи Йемен называют Химьяр, а Хиджаз - землей арабов.

С трех сторон эти две области окружает море, и они, таким образом, представляют собой полуостров. С восточной стороны он омывается морем Басры, с западной - морем Кулзум, о котором я уже говорил ранее, что это канал, а с южной стороны - океаном.

Длина этого полуострова, где находится Йемен, от Куфы до Адена - около пятисот фарсахов с севера к югу; ширина от востока к западу, от Омана до Джара - около четырехсот фарсахов. Земля арабов тянется от Куфы до Мекки, земля химьяров - от Мекки до Адена.

Земля арабов мало обитаема, население ее живет по пустыням и долинам, обладает верблюдами и другим скотом и обитает в палатках. Земля химьяров делится на три части: одна из них называется Тихамэ и лежит на западе по берегу моря Кулзум. Там много городов и обитаемых мест, как, например, Са'да, Зебид, Сан'а и другие города. Все эти города лежат в долинах; царь ее подчинен Абиссинии, он один из потомков Шад-Диля.

Другая часть Химьяра - горная область, называемая Неджом. Там много пустынных и холодных мест, ущелий и могучих замков.

Третья часть лежит с восточной стороны; там тоже много городов, как, например, Неджран, Ассар, Бише и другие. В этой части много областей, и каждая область управляется своим королем и вождем. Одного общего султана и правителя там нет. Жители там не признают никакого начальства - разбойники, убийцы и нечестивцы. Облаеть эта зани-

мает пространство в двести фарсахов на полтораста. Жителей там много и самого разного происхождения.

Замок Гумдан лежит в Йемене около города, называемого Сан'а. От этого замка там осталось сейчас нечто вроде холма посреди города. Там говорят, что владелец этого замка был царем над всем миром. Говорят, что в этом холме сокрыто много сокровищ и кладов, но никто не решается завладеть ими: ни султан, ни народ. В этом городе Сан'а изготовляют агат. Это камень, добываемый из гор.

Его прокаливают, окружив песком, в огне, затем в песке же выставляют на солнце и обрабатывают на станке. Я видел в Мисре меч, привезенный султану из Йемена: и рукоятка и ножны его были сделаны из одного куска красного агата, похожего на рубин.

Описание Масджид-ал-Харам и дома Ка'бы.

Я уже сказал, что дом Ка'бы лежит посреди Масджид-ал-Харам, а эта последняя - посреди города. Длина ее идет с востока на запад, а ширина - с севера на юг. Однако окружающая ее стена не прямоугольна, углы мало выдаются и образуют закругленную линию, ибо когда в мечети творят намаз, со всех сторон нужно обращать лицо к Ка'бе.

Самая длинная сторона ограды мечети - от ворот Авраама, мир да будет с ним, до ворот Бену Хашим: она составляет четыреста двадцать четыре араша. Ширина ее от Баб-ан-Надвэ, на севере, до Баб-ас-Сафа, на юге, - триста четыре араша. По причине закругленности ограды двор местами кажется уже, а местами - шире.

Вокруг мечети возведены три крытые галереи с мраморными колоннами, середина постройки - четырехугольная. Со стороны двора в длину крыша поддерживается сорока пятью арками, в ширину - арок двадцать три. Всего мраморных колонн сто восемьдесят четыре, и говорят, что все эти колонны привезены морем из Сирии по приказу бан-

дадских халифов, Говорят также, что, когда привезли их в Мекку, продали корабельные канаты и разорванные веревки, которыми были привязаны колонны; от продажи этой было выручено шестьдесят тысяч магрибинских динаров. Из этих колонн одна, возле Баб-ан-Надвэ, красного мрамора, и про нее говорят, что она была куплена на вес золота; весить одна такая колонна должна около трех тысяч ман.

У Масджид-ал-Харам восемнадцать входов, украшенных арками, опирающимися на мраморные колонны; дверей ни у одного входа нет и войти можно всегда.

С восточной стороны четыре двери: у северного угла - Баб-ан-Наби[284] с тремя арками; по той же стене у южного угла другой вход, тоже называемый Баб-ан-Наби. Расстояние между этими двумя входами более ста арашей; второй вход покоится на двух арках. Выйдя из этих дверей, попадаешь на базар Москательщиков, где находился дом посланника, мир да будет с ним. Через этот вход он ходил в мечеть совершать намаз. Когда минуешь этот вход, дальше по той же восточной стене будут Ворота Али, мир да будет с ним. Это тот вход, через который повелитель правоверных Али, мир да будет с ним, ходил в мечеть совершать намаз; у этого входа три арки.

Далее около угла мечети - другой минарет, возвышающийся над Са'й, не тот, который у ворот Бену Хашим, он указывает до каких пор надо бежать. О нем я уже упоминал, говоря о четырех минаретах на базаре.

На южной стене, по длине мечети семь входов: первый из них - на полукруглом углу ограды и называется Баб-ад-Даккакин[285], с двумя арками. Если пройдешь немного дальше к западу, будет другой вход, тоже с двумя арками, называемый Баб-ал-Фесанин. Немного далее - Баб-ас-Сафа, с пятью арками, средняя арка у этого входа больше всех боковых. По бокам у нее - еще две маленькие арки. Через эти

[284] Ворота пророка.
[285] Ворота мельников.

двери выходил посланник Божий, мир да будет с ним, когда шел на гору Сафа молиться. Порогом средней арки служит большой белый камень. Раньше там был черный камень, на который ступал своими благодатными ногами посланник Божий, мир да будет с ним. След его благословенной стопы, мир да будет с ним, остался на этом камне, его вырезали и вставили в белый камень так, что концы пальцев ноги обращены в сторону мечети. Из паломников одни припадают к нему лицом, другие ставят на него ногу, чтобы удостоиться благодати. Я счел более уместным припасть к нему лицом.

Если пройти немного дальше к западу от Баб-ас-Сафа, будут другие ворота, с двумя арками, - Баб-ас-Сатва, еще немного далее - Баб-ат-Таммарин[286], тоже с двумя арками. За ними идут Баб-ал-Ме'амиль с двумя арками, напротив которых находится дом Абу Джахля[287], ныне превращенный в отхожие места.

На западной стене, в ширину мечети, три входа: первый - на южном углу, называемый Баб-ал-Умра, с двумя арками. Посреди этой же стены - другой вход, называемый Воротами Авраама, мир да будет с ним, о трех арках[288].

На северной стене, в длину мечети, четыре входа: на западном углу - Баб-ал-Васит[289] с одной аркой, далее по направлению к востоку - Баб-ал-Аджалэ с одной аркой, еще далее посреди северной стены - Баб-ан-Надвэ с двумя арками, еще далее - Баб-ал-Мушаварэ[290] с одной аркой и, нако-

[286] Ворота торговцев финиками.
[287] Абу-Джахль (букв «Отец невежества») — один из злейших противников Мухаммада, говоривший, что если он увидит Мухаммада распростертым во время молитвы, он наступит пророку на шею. К Абу-Джахлю комментаторы относят шестой и седьмой стихи 96-й суры Корана: «Но человек восстает, как только становится богатым», и последние стихи этой суры, где говорится о каре, грозящей нечестивцу.
[288] Третий вход на этой же стене автор забыл: он называется Баб-ал-Вида' (Ворота прощания).
[289] Средние ворота.
[290] Ворота совета.

нец, на северо-восточном углу мечети - Баб-Бени-Шейбэ.

Дом Ка'бы находится посредине ограды мечети: он представляет собой удлиненный прямоугольник, длина которого - от севера к югу, а ширина - от востока к западу. Длина его - тридцать арашей, ширина - шестнадцать. Дверь расположена на восточной стороне. Когда войдешь в него, по правую руку будет Рукн Ираки[291], по левую - угол Черного Камня; юго-западный угол называют Рукн Йемени[292], северо-западный - Рукн Шами[293].

Черный Камень вделан в большой камень и расположен на углу стены на такой высоте, что если рослый человек станет возле него, он придется прямо против его груди. Длина Черного Камня - одна ладонь и четыре пальца, ширина - восемь пальцев. Форму он имеет округлую. От Черного Камня до входа в дом - четыре араша, и пространство между Черным Камнем и входом в дом называют Мултазам. Дверь Ка'бы поднята от земли на четыре араша, так что рослый человек, стоя на земле, достигает ее порога. К ней ведет деревянная лестница, которую приставляют в случае необходимости, чтобы люди могли подняться по ней и войти в Ка'бу. Она столь широка, что десять человек могут рядом подниматься и спускаться по ней. Пол Ка'бы поднят на указанную мною высоту.

Описание двери Ка'бы.

Это деревянная дверь из дерева садж, с двумя створками. Высота двери - шесть с половиной арашей, ширина каждой створки - один газ и три четверти, так что обе створки составляют три газа с половиной. Самая дверь и плинтусы покрыты надписями, кругами и различными рисунками из серебра. Самые надписи сделаны из золота и черненого се-

[291] Иракский угол.
[292] Йеменский угол.
[293] Сирийский угол.

ребра. На ней целиком написан следующий стих из Корана: "Первый храм, выстроенный среди людей, - это храм в Бекке"[294].

К двум створкам двери приделаны два больших серебряных кольца, присланных из Газны. Они находятся на такой высоте, что достать до них рукой не может никто. Два других серебряных кольца, поменьше первых, тоже приделаны к двум створкам, но уже так, что достать до них может всякий. На этих двух нижних кольцах висит большой серебряный замок, на который закрывают дверь. Пока замок не снят, двери открыть нельзя.

Описание внутренности Ка'бы.

Ширина стен Ка'бы, то есть толщина их, - шесть ладоней. Пол сплошь покрыт белыми мраморными плитами. Внутри Ка'бы - три маленьких отделения наподобие площадок, одно из них - против двери, а два других - с северной стороны. В Ка'бе имеются деревянные колонны, поддерживающие потолок; все они четырехугольной формы и выточены из дерева садж, только одна имеет круглую форму.

С северной стороны есть продолговатая плита красного мрамора, вделанная в пол; говорят, что там посланник, мир да будет с ним, совершал намаз. Всякий, кому это известно всегда старается тоже помолиться там.

Все стены облицованы разноцветным мрамором. На западной стене - шесть серебряных михрабов, прикрепленных к стене гвоздями. Все они высотою в человеческий рост, сделаны чрезвычайно изящно и покрыты инкрустациями и чернью. Михрабы эти прикреплены к стене на некоторой высоте от пола.

Стены на высоте четырех арашей от пола ничем не украшены, а, начиная оттуда и до самого потолка, покрыты мраморными плитами с инкрустацией и позолоченными

[294] Коран, 3, 90. Бекка — название Мекки.

рисунками.

В углах трех отделений, из которых одно помещается в Рукн Ираки, другое - в Рукн Йемени, а третье - в Рукн Шами, к стене прибито серебряными гвоздями по две деревянных доски. Доски эти происходят от ковчега Ноя, мир да будет с ним. Длина каждой из них - пять газов, ширина - один газ. В отделениях позади Черного Камня лежит кусок красного шелка.

Когда входишь в Ка'бу, по правую руку находится четырехугольное сооружение площадью три газа в квадрате, в нем устроены ступеньки, ведущие на крышу Ка'бы; наверху - серебряная дверь с одной створкой, называемая Баб-ар-Рахмэ[295]. К ней приделан серебряный замок. Когда поднимешься на крышу, будет другая дверь, подъемная, какие обыкновенно делаются на крышах; обе стороны ее покрыты серебром.

Потолок Ка'бы деревянный, но весь закрыт шелком, так что дерева не видно совершенно. На фасаде под крышей видна золотая надпись: там написано имя египетского султана, вырвавшего Мекку из рук Аббасидских халифов. Это был ал-Азиз ли-Дин-Аллах[296]. Кроме того, там имеется еще четыре больших серебряных доски, прикрепленных серебряными гвоздями к той же самой стене. На каждой из них написано имя одного из египетских султанов, каждый из них присылал такую доску во время своего правления.

Между колоннами подвешено четыре серебряных лампады. Крыша Ка'бы покрыта Йеменским мрамором, похожим на хрусталь.

В четырех углах Ка'бы четыре окна, и в каждое из них вставлено стекло. При посредстве этих окон Ка'ба освещается, но дождь туда проникнуть не может. Сток для дождевой воды устроен посреди северной стены; длина его - три

[295] Ворота милосердия.

[296] Абу Мансур Низар, ал-Азиз ли-дин-Аллах — пятый из фатимидских правителей Египта. Правил с 975 по 996 г. н.э.

газа, и он весь покрыт золотыми надписями.

Покров, которым закрывалась Ка'ба, - белого цвета. По нему идут две полосы вышивки, каждая шириною в один газ; пространство между ними - около десяти газов, пространство над и под ними - такой же ширины. Благодаря этим двум полосам высота дома была разделена на три равных части, каждая около десяти газов. По четырем концам покрова вытканы разноцветные михрабы, расшитые золотыми нитками. С каждой стороны - три михраба: один, большой, - посередине, и два маленьких - по обеим сторонам, так что всего на всех четырех стенах двенадцать михрабов.

С северной стороны снаружи Ка'бы выстроена стена высотою в полтора газа. Оба края ее примыкают к углам Ка'бы. Она имеет форму полукруга, середина которого удалена от стены Ка'бы на пятнадцать газов. Стены и земля в этой ограде покрыты разноцветным мрамором. Называется эта ограда Хиджр. Вода по стоку с крыши Ка'бы вся стекает в Хиджр. Под стоком поставлен зеленый камень в форме михраба, на который и течет вся вода из стока. Камень этот такой величины, что человек свободно может совершить на нем намаз.

Макам Ибрахима[297], мир да будет с ним, находится на восток от Ка'бы. Это камень, на котором видны следы двух ног Авраама, мир да будет с ним. Он вделан в другой камень, покрытый четырехугольным деревянным чехлом, самой прекрасной работы. Он покрыт серебряными пластинами и с двух сторон прикреплен цепями к большой скале. К цепям приделаны два замка, чтобы никто не мог прикоснуться к нему рукой. От этого места до Ка'бы - три араша.

Колодец Замзам.

Он тоже расположен к востоку от дома Ка'бы и нахо-

[297] Место Авраама.

дится на том же углу, где и Черный Камень. От колодца Замзам до Ка'бы сорок шесть арашей. Отверстие его - три газа с половиной в квадрате. Вода в нем солоновата, но пить ее все же можно.

Колодец окружен оградой из белого мрамора высотою в два араша. С четырех сторон ограды установлены водоемы, куда наливается вода, чтобы люди могли совершать омовение. Пол в ограде Замзама покрыт деревянной решеткой, чтобы проливаемая вода могла стекать. Вход в него расположен с восточной стороны.

Против ограды Замзама, на восточной же стороне, находится другое четырехугольное здание, с куполом, называемое Сикайет-ал-Хадж[298]. Там стоят кружки, из которых пьют паломники.

К востоку от этого Сикайет-ал-Хадж лежит другое продолговатое здание, с тремя куполами, называемое Хизанат-аз-Зайт[299]. Там хранят свечи, масло и лампады.

Вокруг Ка'бы повсюду стоят колонны, соединенные попарно перекладинами. Перекладины эти разукрашены инкрустациями и резьбой, и к ним приделаны кольца и крючки, чтобы ночью туда можно было вставлять свечи и вешать светильники. Их называют "маша'ил". Расстояние от стены дома Ка'бы до этих самых "маша'ил" около полутораста газов. Это - то самое место, где совершается таваф. Таким образом, в ограде Масджид-ал-Харам, помимо великой Ка'бы, да возвысит её Господь всевышний, три здания: одно - ограда Замзама, другое - Сикайет-ал-Хадж и третье - Хизанат-аз-Заит.

Вокруг мечети идет крытая галерея, где возле стены стоят сундуки, принадлежащие различным городам Магриба, Египта, Сирии, Рума, обоих Ираков, Хорасана, Мавераннахра и других областей.

В четырех фарсахах к северу от Мекки лежит местность

[298] Водопой паломников.
[299] Кладовая для масла.

Бурка. Там живет эмир Мекки со своим войском. Там есть проточная вода и деревья, и область эта в два фарсаха длиной и такой же ширины. В тот год я с первого Раджаба был в Мекке муджавиром. Существует там обычай в течение всего Раджаба каждый день на восходе солнца открывать дверь Ка'бы.

Описание открытия двери Ка'бы, да возвысит ее Господь Всевышний.

Ключ от Ка'бы хранит одно арабское племя, называемое Бену Шейба; на нем же лежит и поддержание в ней порядка и чистоты. За это они получают от Египетского султана ежемесячное вознаграждение и почетные одежды. У них есть глава, который и хранит этот ключ. Когда он направляется к Ка'бе, его сопровождают пять-шесть человек. Они подходят туда, и тогда человек десять паломников идут, берут описанную мною лестницу, приносят ее и ставят возле двери. Глава поднимается по ней и становится у порога, тогда туда же поднимаются два других человека и раскрывают покров желтого шелка. Один из этих двух людей берется за один край, второй - за другой, и закрывают им старца, словно завесой, на то время, пока он открывает дверь. Старец раскрывает замок и снимает его с колец.

В это время много паломников собирается возле дверей, и когда дверь раскрывается, они складывают руки и читают молитву. Все обитатели Мекки, когда слышат голоса паломников, знают, что в это время открывается дверь Харама. Тогда весь народ сразу начинает читать громким голосом молитву, и вся Мекка наполняется гулом голосов.

Затем старец входит, его два спутника продолжают держать покров, а он совершает два раката намаза. Затем он выходит, раскрывает обе половинки двери, становится на пороге и начинает громким голосом читать хутбу и призывать благословения на посланника Божьего, мир и бла-

гословение да будет с ним и с родом его. Затем старец и его спутники становятся по бокам двери; начинают подходить паломники и входить в дом. Каждый из них совершает два раката намаза и снова выходит. Так продолжается до полудня.

Когда совершают в Ка'бе намаз, обращаются лицом к двери, но можно также обращаться в любую другую сторону. Как-то раз, когда Ка'ба была битком набита людьми, так что больше войти уже никто не мог, я начал считать людей - там было семьсот двадцать человек.

Жители Йемена, когда совершают хадж, похожи на индусов: они опоясаны куском материи, волоса у них длинные, бороды заплетены. У каждого за поясом такой же кинжал, какой носят индусы. Говорят, что индусы ведут свое происхождение из Йемена. Слово "кеттарэ", которым называют их кинжалы, было арабизовано в форме "катталэ".

В течение Ша'бана, Рамазана и Шавваля двери Ка'бы открывают по понедельникам, четвергам и пятницам, но когда наступает месяц Зу-ль-Ка'дэ, ее уже перестают открывать.

Умрэ, совершаемое в Джи'ранэ.

В четырех фарсахах к северу от Мекки лежит местность, называемая Джи'ранэ. Там избранник, да помилует его господь и да сохранит, остановился со своим войском, а шестнадцатого Зу-ль-Ка'дэ, надев там ихрам, пошел к Мекке, чтобы совершить умрэ[300]. Там два колодца: один, называемый Бир-ар-Расуль[301], а другой - Бир Али ибн Абу Талиб[302], да помилует господь их обоих. В обоих колодцах вода очень сладкая, расположены они на расстоянии десяти газов друг от друга. Предание это свято чтут в той местности

[300] По словам арабского географа Якута, пророк остановился там, чтобы разделить добычу, взятую у Бену-Хавазин в Шаввале 8 года хиджры – январь-февраль 630 г. н.э.
[301] Колодец пророка.
[302] Колодец Али ибн Абу Талиба.

и в упомянутый день совершают умрэ.

Неподалеку от этих колодцев есть скала с углублениями величиной в чашу. Говорят, что пророк, да сохранит его Господь и да помилует, своей рукой замешивал в этих углублениях тесто. Люди, которые ходят на поклон в эти места, в этих углублениях замешивают тесто на воде из тех колодцев. Так как там много деревьев, там же собирают хворост, пекут хлеб и с этой благодатью возвращаются домой.

Там есть еще другая высокая скала, с которой, по преданию, Билаль Абиссинец призывал к намазу[303]. Люди поднимаются на нее и поют призыв к намазу.

Когда я был там, там было необыкновенное скопление народа. Одних верблюдов с носилками было более тысячи, не говоря уже обо всем остальном.

Дорога, по которой я на этот раз приехал из Мисра в Мекку, составляет триста фарсахов. От Мекки до Йемена - двенадцать фарсахов. Долина Арафат окружена небольшими горами, похожими на холмы. Протяжение этой долины - около двух фарсахов в квадрате. Раньше там была мечеть, выстроенная Авраамом, мир да будет с ним, но теперь там остался только развалившийся минбар из кирпича. Во время утренней молитвы на него поднимается хатиб и читает хутбу. Затем призывают к намазу, и все вместе совершают два раката, как это делается в путешествии. Затем читают икамат[304], и снова вся община совершает два раката намаза. После этого хатиб садится на верблюда, и все едут на восток. На расстоянии одного фарсаха оттуда - небольшая

[303] Билаль ибн-Рабах был рабом и был отпущен на волю пророком. Так как он отличался прекрасным голосом, ему была предоставлена должность муэззина. Он умер в Дамаске в 20 году хиджры (640 г. н. э.).
[304] Икамат — обряд, с которого начинается общая молитва. Заключается в повторении азана (призыва к молитве).
[305] Гора милосердия.

скалистая гора, называемая Джабаль-ар-Рахмэ[305]. Там останавливаются и молятся до захода солнца.

Сын Шад-Диля, эмир Адена, который издалека провел в Мекку воду и затратил на это много денег, вел воду от этой горы в долину Арафат. Там устроены водоемы, во время хаджа наполняемые водою для того, чтобы у паломников была вода. Тот же самый сын Шад-Диля построил на вершине Джабаль-ар-Рахмэ большое сооружение с четырьмя арками, на куполе которого в день и ночь посещения Арафата зажигают много светильников и свечей, так что их видно издалека. Говорят, что эмир Мекки взял с него тысячу динаров за разрешение выстроить это здание.

Девятого Зу-л-Хидджа четыреста сорок второго года[306] я в четвертый раз, с помощью Господа преславного, всевышнего, сподобился совершить хадж. Когда солнце садится, хатиб и паломники покидают Арафат. Проехав один фарсах, они достигают Маш'ар-ал-Харам, называемый Муздалифэ. Там выстроено деревянное здание наподобие максурэ, где народ совершает намаз; там же запасаются камнями, которые надлежит бросать в Мина. По обычаю, эту ночь, то есть ночь накануне праздника, проводят там, на заре совершают намаз, а когда встает солнце, едут в Мина, где паломники приносят жертвы[307].

Там имеется большая мечеть, называемая Хайф. Нет обычая читать в Мина хутбу или совершать там праздничный намаз, и избранник, да помилует его Господь и да сохранит, не приказывал это делать.

В десятый день Зу-л-Хидджа идут в Мина и бросают там камни - обряд, объяснение которого дается в изложе-

[306] 27 апреля 1051г.
[307] Так называемый Курбан.
[308] В долине Мина находятся три колонны, из которых главная называется «Большим Сатаной». Паломники запасаются двадцать одним камнем и бросают по семи камней в каждую из этих колонн, произнося слова: «Во имя Бога Всевышнего, я совершаю это в знак ненависти к дьяволу и для его посрамления».

нии обрядностей хаджа[308].

Двенадцатого числа все, кто намерен пуститься в обратный путь, отъезжают оттуда, а кто желает остаться в Мекке, идет туда.

8.
ОТЪЕЗД ИЗ МЕККИ. ЙЕМЕН. ЛАХСА. БАСРА

После этого я нанял у одного бедуина верблюда до Лахсы, куда, как мне говорили, от Мекки едут тринадцать дней. Я попрощался с домом Господа Всевышнего в пятницу двадцатого Зу-л-Хидджа четыреста сорок второго года, что соответствует первому Хурдада по старому календарю[309]. Проехав семь фарсахов от Мекки, я доехал до луга, за которым виднелась гора. Когда мы поехали по направлению к горе, нам попалась долина, где были деревни и колодец, называемый Бир-ал-Хусейн ибн Селамэ. Воздух был прохладен, и мы шли по направлению к востоку.

В понедельник двадцать второго Зу-л-Хидджа мы прибыли в Таиф; от Мекки туда около двенадцати фарсахов. Таиф - местность, расположенная на вершинах гор. В Хурдаде месяце там было так холодно, что приходилось садиться на солнце, а в это же время в Мекке были в изобилии дыни. Город Таиф - городок с прочной крепостью, маленьким базаром и небольшой мечетью. Там есть проточная вода и много деревьев гранатовых и фиговых. Неподалеку от этого городка находится гробница Абдаллаха ибн Аббаса[310], да помилует его Господь. Аббасидские халифы выстроили там огромную мечеть, в углу которой, по правую руку от минбара и михраба, и находится могила. Народ выстроил возле этой мечети дома и поселился там.

Когда мы выехали из Таифа, нам пришлось ехать через горы и ущелья; повсюду были маленькие крепостцы и деревеньки. Посреди скал мне показали маленькую разрушенную крепостцу: бедуины говорили, что там жила Лей-

[309] 7 мая 1051 г.

[310] Абдаллах ибн Аббас – сын дяди Мухаммада и родоначальник династии Аббасидов. Умер в 68 году хиджры (687 г. н.э.).

ла. Рассказ о Лейле и Маджнуне[311] чрезвычайно удивителен.

Оттуда мы приехали к замку, называемому Мутар, от Таифа туда двенадцать фарсахов. Оттуда мы проехали в местность, называемую Сурейя; там было много плантаций финиковых пальм. Поля там орошают колодезной водой при помощи гидравлических колес. В этой местности, как утверждают, нет ни правителя, ни султана, повсюду живут независимые вожди и начальники. Жители занимаются грабежом и убийством и постоянно ведут междоусобные войны и распри. От Таифа туда считают двадцать пять фарсахов. Выехав оттуда, мы приехали к крепости, называемой Джаз; там, на протяжении полуфарсаха, было четыре замка; мы остановились около самого большого из них, называемого Хисн Бени Нумейр. Там изредка попадались финиковые пальмы. В Джазе был дом того самого человека, у которого мы наняли верблюда. Мы провели там пятнадцать дней, потому что не было хафира[312], который мог бы провести нас дальше.

У бедуинов в этой стране каждое племя имеет свою область, где пасутся его стада, чужой человек по этой области без хафира проходить не может, так как его сейчас же схватят и ограбят донага. Поэтому, если хочешь проехать по чьей-нибудь области, нужно взять хафира от его населения. Хафир служит проводником; его называют также и "калавуз".

Случайно вождь тех бедуинов, земли которых лежали на нашем пути и которых звали Бену Су'ад, прибыл в Джаз. Мы избрали его своим хафиром. Звали его Абу Гани Абс ибн аль-Ба'ир. Мы отправились с ним. Какое-то племя на-

[311] Известные арабские влюбленные. История их любви послужила темой для многих поэм на Востоке (например, Низами).

[312] Покровитель – конвойный, даваемый путнику, принимающий его под защиту своего племени.

пало на нас, полагая, что нашло дичь; всякого чужестранца, которого видят, они называют дичью. Так как с нами был их вождь, они ничего не сказали, а если б не этот человек, нас бы наверно убили. В конце концов, нам и там пришлось пробыть некоторое время, так как не было хафира, который мог бы повести нас дальше.

Оттуда мы наняли двух хафиров, каждого за десять динаров, чтобы они провели нас в область другого племени. Семидесятилетние старики из этого племени мне рассказывали, что во всю свою жизнь не ели ничего, кроме верблюжьего молока, так как в этой степи не растет ничего, кроме солоноватой травы, пригодной в пищу для верблюдов. Они даже полагали, что весь мир устроен так же. Так я переезжал от племени к племени, повсюду встречая опасности и угрозы. Однако Господь благодатный, всевышний пожелал, чтобы я выбрался из всех этих опасностей целым и невредимым.

Оттуда мы приехали в местность, называемую Серба, где посреди расселин и скал были горы, круглые как купола. Я ни в одной стране не видал ничего подобного. Высота их была такова, что стрела до вершины не долетела бы. Они были тверды и гладки, как яйцо, - ни трещин, ни неровностей на них не замечалось. Нам пришлось проехать мимо них.

Когда мои спутники видели ящерицу, они убивали ее и ели и повсюду, где были бедуины, пили верблюжье молоко. Я не решался есть ящериц, пить верблюжье молоко тоже не мог; по дороге повсюду попадались деревья с плодами величиною с бобовину; я собрал немного этих плодов и довольствовался ими.

После бесконечных трудностей, насмотревшись на много разных вещей и претерпев много лишений, я двадцать третьего Сафара[313] прибыл в Фаладж. От Мекки туда сто восемьдесят фарсахов.

[313] 6 июля 1951г.

Фаладж этот лежит среди пустыни; это обширная страна, совершенно разоренная вследствие внутренних раздоров. Когда я посетил ее, обитаемо было пространство в полфарсаха длиной и милю шириной. На этой полосе было четырнадцать укреплений. Жители их - разбойники, развратники и безбожники. Эти четырнадцать замков принадлежат двум сторонам, которые постоянно воюют и враждуют друг с другом. Они утверждали, что происходят от Асхаб-ар-Раким[314], о которых Господь великий и преславный упоминает в Коране. Там было четыре подземных канала, служивших для орошения пальмовых плантаций. Поля у них расположены выше и орошаются большей частью колодезной водой. На полях работают верблюды, а не быки, а быков я там не видел вовсе. Полей у них мало, и каждый человек назначает себе в день десять сиров[315] зерна, из которых и печет себе хлеб.

От одной вечерней молитвы до другой они, словно в месяце Рамазане, едят мало, а днем питаются финиками. Я видел там прекраснейшие финики, лучше, чем в Басре или других городах. Люди эти чрезвычайно бедны и несчастны, но, несмотря на всю бедность, постоянно воюют и враждуют друг с другом и проливают кровь. Я видел там финики, называемые мейдун: каждый из них весит десять драхм, а косточка в середине весила не более полутора данговв[316]. Мне говорили, что они не портятся, даже если пролежат двадцать лет. Торговые сношения там ведутся на нишапурское золото.

В Фаладже я пробыл четыре месяца в положении, хуже которого трудно себе представить что-нибудь. Из мирских благ у меня были только две корзинки с книгами, а жители этой страны были люди голодные, нагие и невежественные;

[314] Асхаб-ар-Раким – спящие отроки эфесские, известные и христианской церкви. Легенда о них рассказана в Коране, сура 18 стихи 8 -26.
[315] Сир – единица измерения веса, равная 15 мискалям.
[316] Данг, как мера веса равняется 1/6 дирхема, т.е 3,148 гр.

отравляясь на молитву, каждый обязательно брал с собой щит и меч, книг же они не покупали. Я жил в мечети, и так как у меня было немного киновари и синьки, я на стене этой мечети написал двустишие, сверху нарисовал ветку и листком разделил оба полустишия. Они увидели это, чрезвычайно удивились, и население всех замков сбежалось смотреть на эту надпись. Они сказали мне: "Если ты распишешь нам михраб в мечети, мы дадим тебе сто ман фиников". А сто ман фиников для них представляло большое богатство, ибо в то время, когда я был там, туда пришел отряд арабов и требовал с них пятьсот ман фиников. Они не согласились, началась война, и из населения замков было убито десять человек. Неприятель срубил тысячу пальм, но они все же не согласились дать и десяти ман фиников. Они заключили со мной такое условие, и я расписал их михраб. Эти сто ман фиников явились для меня спасением: у меня не было пищи, и я уже отчаялся в жизни и думал, что никогда больше не выберусь из этой пустыни, так как оттуда до населенных мест надо было пройти, в какую бы сторону ни пойти, двести фарсахов страшной и губительной пустыни.

За эти четыре месяца я ни разу не видал пяти ман пшеницы в одном месте. Наконец пришел караван из Лемамы, бравший кожу и отвозивший ее в Лахсу, ибо из Йемена привозят кожу в Фаладж и продают ее купцам.

Один араб предложил свезти меня в Басру, но мне нечем было заплатить за наем верблюда. Оттуда до Басры двести фарсахов и за наем верблюда платят один динар, ибо хороший верблюд продается за два-три динара. Но так как у меня наличных денег не было, приходилось ехать в долг, и араб сказал: "Мы свезем тебя, а в Басре ты заплатишь тридцать динаров". Поневоле пришлось согласиться, хотя в Басре я не бывал никогда.

Араб погрузил мои книги на верблюда, туда же посадил и моего брата, а сам я пошел пешком. Мы шли по на-

правлению к восходу Медведицы, и почва все время была очень ровная, без гор и холмов. Земля была очень влажной и повсюду стояла дождевая вода. Шли день и ночь, хотя дороги не было и следа, шли как бы чутьем, и самое удивительное то, что внезапно все же пришли к колодцу, где была вода.

Короче говоря, в четверо суток дошли до Лемамы. В Лемаме был большой старый замок, за замком - город и базар, где находились самые различные ремесленники. Мечеть там очень красива. Эмирами там с давних времен были Алиды, и никто не отнимал у них этой области, так как поблизости не было мощного султана или царя, а Алиды эти обладают известной силой и в случае надобности могут выставить триста-четыреста всадников. Они принадлежат к секте Зейдитон и во время икамэ произносят слова: "Мухамад и Али лучшие из людей. Спешите к лучшему из дел". Говорили, что население этого города подчиняется шарифам.

В этой области много проточной воды в подъемных каналах и в обилии пальмовые плантации. Говорили, что в год, когда урожай на финики, тысяча ман их стоит один динар. От Лемамы до Лахсы - сорок фарсахов; зимой туда ехать можно, ибо тогда местами бывает дождевая вода для питья, летом же это невозможно.

Лахса - город, расположенный в долине; с какой бы стороны ты ни пожелал проехать туда, всегда придется ехать через огромную пустыню. Из мусульманских городов, где есть султан, от Лахсы ближе всего Басра.

Оттуда до Басры сто пятьдесят фарсахов. В Басре никогда не бывало султана, который решился бы пойти походом на Лахсу.

Описание Лахсы.

Название это обозначает одновременно и город, и область, и пригороды, и крепость. Вокруг города одна за другой возведены четыре крепких стены из прочной глины; расстояние между двумя стенами около фарсаха. В городе есть мощные источники, из которых каждый может привести в действие пять жерновов. Вся эта вода применяется в дело в самой же области и за стены не выходит. Посреди укреплений выстроен красивый город, обладающий всем тем, что требуется для больших городов. В городе больше двадцати тысяч мужчин, способных носить оружие.

Говорят, что султаном там был некий шариф[317], отвращавший людей от мусульманства. Он говорил: "Я освобождаю вас от обязанности молитвы и поста", и претендовал на то, что он сам единственный заступник этих людей. Звали его Абу Саид.

Если спросишь жителей этого города, какой они секты, они отвечают: "Мы Бу-Саидиты". Они не совершают намазов, не постятся, не признают Мухаммада-избранника, да сохранит его Господь и да помилует, и пророческий сан его. Абу Саид сказал им, что снова возвратится к ним, т.е. после смерти. Могила его - посреди города Лахсы, и вокруг нее выстроен красивый машхад. Он завещал своим сыновьям, чтобы шесть человек из его потомков постоянно правили этой областью, защищали бы город, были справедливы и милостивы и не враждовали бы друг с другом, пока он не вернется.

Теперь у них большой замок, который является их столицей. Там у них есть трон, где могут одновременно восседать шесть царей. Приказания и распоряжения они дают лишь с общего согласия. Вазирей у них тоже шесть. Эти

[317] Шариф – букв. «благородный» - родовая аристократия, управляющая делами всего рода или городского объединения.

шесть царей сидят на одном троне, а шесть вазирей - на другом, и по поводу всякого дела они совещаются друг с другом.

В то время у них было тридцать купленных рабов, негров и абиссинцев. Они занимались полевыми работами и ухаживали за садами. Десятины они с подданных не взимают, а если кто-нибудь обнищает или задолжает, ему выдают пособие, пока дела его не поправятся. Если кто-нибудь должен получить с другого по долговому обязательству, он не может требовать от него ничего, кроме основного капитала. Если в этот город попадает иностранец, знающий какое-нибудь ремесло, которое может прокормить его, ему дают достаточно денег, чтобы он приобрел себе все необходимые для его ремесла инструменты и орудия. Полученные деньги, в том же размере, в каком он получил их, он может возвратить, когда ему заблагорассудится. Если у кого-нибудь из собственников недвижимости или мельниц пострадает его недвижимость, так что и обитать там уже будет невозможно, правители посылают своих рабов, чтобы те пошли и вновь привели в порядок строения или мельницу. За это с собственника недвижимости не берут ничего. Есть в Лахсе мельницы, принадлежащие султану. Там мелют для народа муку из зерна и ничего за это не берут. Мельница поддерживается в порядке, и мельники получают вознаграждение из денег султана. Султанов этих называют "садат"[318], а вазирей - "шаирэ"[319].

Соборной мечети в Лахсе нет, ни хутбы, ни намаза там не совершают. Есть только одна мечеть, построенная неким человеком по имени Али ибн Ахмад. Это был ревностный мусульманин, хаджи[320], и человек чрезвычайно богатый. Всякому паломнику, который приезжал в этот город,

[318] Господа.
[319] Советники.
[320] Т.е. совершивший хадж, паломничество в Мекку.

он давал пособие.

Вся торговля и все деловые сношения там ведутся на свинец; держат его в мешках, по шесть тысяч драхмов в каждом. Когда сделка заключена, отсчитывают мешки и берут сколько надо. Монету эту никто не имеет права вывозить за пределы Лахсы. Там ткут прекрасные фута и вывозят их в Басру и другие города.

Если кто-нибудь совершает намаз, его не удерживают, но сами все же намаза не совершают. Когда султан дает аудиенцию, всякий, кто говорит с ним, дает ответы вежливые и ведет себя скромно. Вина они не пьют никогда.

Около могилы Абу Саида день и ночь посменно держат наготове стреноженных коней, украшенных цепями и кистями, чтобы Абу-Саид мог сесть на коня, когда воскреснет.

Абу Саид, как утверждают, завещал своим сыновьям: "Когда я воскресну, может случиться, что вы меня не узнаете. Вот же вам знак: ударьте меня по шее мечом. Если это я, то останусь жив". Установил он это для того, чтобы никто не мог выдать себя за Абу Саида.

Один из этих правителей Лахсы во времена багдадских халифов выступил с войском в поход на Мекку, он взял город, убил паломников, совершавших таваф вокруг Ка'бы, а черный камень выломал из угла и отвез в Лахсу. Они говорили, что этот камень - магнит для людей и притягивает к себе людей со всех концов мира. Они не знали, что влечет их туда величие и совершенство пророка Мухаммада, да сохранит его Господь и да помилует избранника, ибо черный камень много лет находился там и ранее и все же никто туда не ездил. В конце концов, черный камень у них выкупили назад и отвезли его на прежнее место.

В городе Лахсе продают мясо всех животных: кошек, ослов, коров, собак, овец и других. Когда продают какое-нибудь животное, около туши кладут его голову и кожу, чтобы покупатель знал, что он покупает. Собак там откармли-

вают словно овец, и они делаются столь жирными, что не могут ходить; тогда их режут и едят. В семи фарсахах на восток от Лахсы лежит море. Если поехать по морю, приедешь в Бахрейн, остров в пятнадцать фарсахов длиною. Там есть большой город и много пальмовых плантаций.

В этом море добывают жемчуг, но из всего того, что добывают ловцы, половину надлежит отдавать султанам Лахсы. Если из Лахсы поедешь на юг, приедешь в Оман. Оман расположен на арабской земле, но с трех сторон его окружает пустыня, через которую никто не может проехать. Площадь Оманской области - семьдесят фарсахов в квадрате. климат там очень жаркий, и там произрастает индийский орех, называемый "наргиль".

Если от Омана поехать по морю прямо на восток, приедешь к берегам Мекана и Киша; если поедешь к югу, приедешь в Аден; если поедешь в противоположную сторону, попадешь в область Фарс.

В Лахсе так много фиников, что ими там откармливают верблюдов. Бывает, что более тысячи ман отдают за один динар.

Если поехать из Лахсы к северу, в семи фарсахах будет область, называемая Катиф, где тоже есть большой город и много пальмовых плантаций.

Один арабский эмир пошел на Лахсу войной, целый год осаждал ее, завладел одной из ее четырех стен, много награбил, но ничего более не добился. Увидев меня, он спросил про положение звезд: "Я желаю взять Лахсу. Так как же? Смогу я это сделать или нет? Ведь у жителей ее нет никакой веры". Я дал такой ответ, какой мне показался наиболее целесообразным.

Для меня что бедуины, что жители Лахсы, - одинаково казались неверующими, ибо среди них есть люди, которые в течение целого года ни единого раза не польют воды на руки. Все это я утверждаю по личному опыту и совершенно

не стремлюсь распространять ложные слухи, ибо я пробыл среди них девять месяцев подряд, не в разное время. Верблюжьего молока я не мог пить, но где бы я ни попросил напиться воды, мне всегда предлагали этого молока. Когда я не брал и просил воды, мне говорили: "Если ты увидишь у кого-нибудь воду, попроси - а только, у кого она имеется?" Они во всю свою жизнь никогда не видали ни бани, ни проточной воды.

Однако теперь перейдем снова к самому рассказу. Когда мы выехали из Лемамы в сторону Басры, по дороге на иных стоянках была вода, на других же ее не было.

Двадцатого Ша'бана четыреста сорок третьего года[321] мы прибыли в город Басру. Город этот окружен со всех сторон высокой стеной. Только со стороны, прилегающей к реке, стены не было. Река эта - Шатт-ал-Араб: Тигр и Евфрат сливаются вместе на границе области Басры и с того места, где к ним присоединяется канал Джуберэ, реку эту называют Шатт-ал-Араб. От Шатт-ал-Араб отведены два больших канала, между устьями которых расстояние около фарсаха. Оба они на протяжении четырех фарсахов текут в сторону Кыблы, затем оба канала сливаются вместе и еще один фарсах к югу текут в одном русле.

От этих рек отведено бесчисленное множество мелких каналов; они идут во все стороны, а на берегах их насажены пальмовые плантации и разведены сады. Из этих двух каналов верхний, северо-восточный, называется Нахр Ма'киль, нижний, юго-восточный, - Нахр Убулла. Эти два канала образуют большой остров, имеющий форму удлиненного прямоугольника, и Басра лежит на короткой стороне этого прямоугольника. К юго-западу от Басры - пустыня, где нет ни заселенных мест, ни воды, ни деревьев.

Когда я там был, большая часть города была в развалинах и обитаемые части были разбросаны очень далеко

[321] 27 декабря 1051г.

друг от друга, так что от квартала до квартала приходилось идти полфарсаха по развалинам. Однако ворота и стены были еще очень прочны, население многочисленно, и султан получал хороший доход. Эмиром Басры был в то время Абу ибн Калинджар, дейламит, одновременно правивший Фарсом. Вазиром у него был перс по имени Абу Мансур сын Шахмардана.

Каждый день в Басре устраивают базар в трех местах: по утру торгуют в месте, называемом Сук-ал-Хуза'а[322], днем - на Сук Осман, под вечер - на Сук-ал-Каддахин[323]. Торгуют там следующим образом: если у кого-нибудь есть что-нибудь, он сдает этот товар меняле и получает от него расписку. Затем он покупает все, что ему надо, а вместо уплаты дает чек на того же самого менялу. За все время, что купец находится в городе, он сплошь пользуется расписками менял и совершенно не прибегает к звонкой монете.

Когда мы прибыли туда, мы были нагими и истощенными и походили на безумных. Волос мы не распускали в течение трех месяцев. Я хотел пойти в баню, чтобы согреться, - там было так холодно, а одежды у меня не было. И у меня и у моего брата была только старая повязка на бедрах, да кусок рваного паласа на спине, чтобы защититься от холода. Я сказал: "Кто же нас теперь пустит в баню?" У меня был небольшой мешок, в котором я держал книги; я продал его, из вырученной за него суммы несколько медных дирхемов завернул в бумагу, чтобы дать надзирателю в бане с тем, что он, быть может, дозволит нам пробыть там несколько лишних мгновений и отмыть всю нашу грязь. Когда я положил перед ним эти монеты, он взглянул на нас и подумал, что мы сумасшедшие. "Ступайте, - крикнул он, - люди как раз сейчас будут выходить из бани", - и встал перед дверями, чтобы мы не могли войти. Мы ушли и поспеш-

[322] Рынок, где торгуют верблюжьим мясом.
[323] Рынок мастеров, выделывающих чаши.

но пошли по улице. Около дверей бани играли дети, они подумали, что мы сумасшедшие, побежали за нами, начали бросать камнями и кричать. Мы завернули за угол и изумились прихотям судьбы.

Погонщик верблюдов требовал с нас тридцать магрибинских динаров, и выхода у нас не было никакого. В это время в Басру приехал вазир правителя Ахваза Абуль Фатх Али ибн Ахмад. Это человек ученый и благородный, отличавшийся познаниями в поэзии и литературе и большой щедростью. Он приехал туда с сыновьями и свитой и поселился там. Однако делами не занимался. Мне случилось познакомиться с одним персом, тоже ученым человеком. Он водился с этим вазиром и часто проводил с ним время. Однако этот перс был скуп и не имел средств помочь нам. Он рассказал о нашем положении вазиру. Тот, как только услыхал об этом, тотчас же прислал за мной человека с лошадью: садись, мол, в том, что на тебе есть, и приезжай ко мне. Я стыдился своей нищеты и наготы и не счел возможным поехать; поэтому я написал записочку, извинился и сказал, что приду поклониться ему потом. Для этого у меня было две причины: во-первых, моя нищета, во-вторых, такой расчет: я полагал, что он, прочитав мою записку, убедится, что я обладаю познаниями в науках и литературе. Тогда я мог без стыда предстать перед ним.

Он тотчас же прислал мне тридцать динаров, чтобы я купил себе на эти деньги платье. Я купил две прекрасные пары платья и на третий день пошел к вазиру. Я увидел человека благородного, ученого, образованного, прекрасной наружности, скромного, религиозного и красноречивого. У него было четыре сына, старший был красноречивым, образованным и умным юношей, звали его раис Абу Абдаллах Ахмад ибн Али ибн Ахмад. Он писал стихи, сочинял, был юношей разумным и воздержанным. Он поселил нас у себя, и мы пробыли у него с начала Ша'бана до середины

Рамазана[324]. Вазир приказал уплатить наш долг погонщику за наем верблюда и выручил нас из этой беды. Пусть Господь, благословенный и всевышний, избавит всех рабов своих от огорчений, связанных с долгами!

Когда я собрался в путь, вазир с подарками и почетом отправил нас водою, так что благодаря этому благородному человеку мы доехали до Фарса с почетом и удобствами. Милостив да будет Господь, велик и славен да будет он ко всем благородным людям.

В Басре тридцать машхадов имени повелителя правоверных Али ибн Абу-Талиба, да помилует его Господь. Один из них называется машхад Бену Мазин. В Раби-ал-Авваль тридцать пятого года[325] от переселения пророка, да сохранит его Господь и да помилует его, повелитель правоверных Али, да помилует его Господь, прибыл в Басру. В это время Аиша[326], да помилует ее Господь, собиралась начать с ним войну. Он женился на дочери Мас'уда Нехшели, Лейле, которая жила в этом самом машхаде. Повелитель правоверных, мир да будет с ним, прожил в этом самом доме семьдесят два дня, а затем поехал обратно, направляясь в Куфу. Другой машхад находится рядом с соборной мечетью и называется Баб-ат-Тыб[327]. В мечети в Басре я видел бревно длиною в тридцать арашей и толщиною в пять ладоней и четыре пальца, один конец был толще. Это было какое-то дерево из индийских пород, и говорили, что его привез из Индии повелитель правоверных Али, мир да будет с ним. Остальные одиннадцать машхадов все находятся в различных местах, и я посетил их все.

После того, как наше мирское положение улучшилось, мы оба оделись в хорошие одежды и однажды направились

[324] Т.е. полтора месяца.
[325] Сентябрь 655 г. н.э.
[326] Любимая жена пророка.
[327] Врата благовония.

к той самой бане, куда нас не пустили. Когда мы вошли туда, надсмотрщик и все, кто там были, все встали и стояли все время, пока мы были там. Пришел банщик со своим помощником и начал услуживать нам. Когда мы вышли, все, кто был в раздевальной, тоже встали и не садились, пока мы не оделись и не вышли. В это время один из банщиков сказал своему товарищу: "Это те самые молодые люди, которых мы в какой-то день не пустили в баню". Они полагали, что мы не понимаем их языка. Тогда я обратился к нему по-арабски: "Ты говоришь правду. Мы те самые люди, у которых на спине были куски рваного паласа". Человек этот устыдился и начал извиняться перед нами. Эти два случая произошли в течение двадцати дней, а сообщил я об этом, дабы люди знали, что не следует стенать, если судьба принесет бедствие, и не следует терять надежду на щедрость и милость Творца, да будет прославлено величие его и да распространятся на всех щедроты его, ибо он всевышний, всемилостив.

Описание прилива и отлива в Басре и ее каналах.

Оманское море обыкновенно два раза в сутки поднимается, достигает десяти газов высоты и, достигнув полной высоты, снова падает и убывает на десять-двенадцать газов. Это упомянутое мною повышение на десять газов заметно только по поставленной у воды колонне или стене, если же берег низкий и возвышенностей нет, вода заходит очень далеко.

Тигр и Евфрат текут очень медленно, так что в некоторых местах даже трудно понять, в какую сторону они текут. Когда начинается прилив, он отгоняет их воду назад фарсахов на сорок, и начинает казаться, что течение в реках повернуло в обратную сторону и они текут вверх. В

других местах, не на берегу моря, высота прилива зависит от степени возвышенности почвы: в низких местах вода поднимается сильно, в высоких - менее заметно.

Это явление называется приливом и отливом и находится в связи с положением луны, ибо когда луна поднимается в зенит и орбиту Сатурна, в десятой и четвертой фазе, прилив бывает чрезвычайно силен, когда же луна стоит на одном из двух горизонтов, то есть на востоке или западе, бывает сильный отлив. Кроме того, когда луна находится в соединении или в положении противостояния солнцу, вода поднимается, то есть прилив в это время бывает сильней, а когда луна удалена от солнца на три фазы, вода убывает, то есть прилив не бывает особенно силен и не достигает такой высоты, как во время соединения и противостояния ее; в это же время и отлив бывает более сильным. Поэтому и говорят, что прилив и отлив находятся в связи с положением луны, истину же знает лишь Господь Всевышний.

Город Убуллэ лежит на берегу канала и канал назван по его имени. Мне он показался городом цветущим: там есть и замки, и базары, и мечети, и рабаты, сосчитать и описать которые прямо-таки невозможно.

Самый город лежит на северном берегу, но на южном берегу тоже есть кварталы, мечети, рабаты и базары; здания там чрезвычайно велики и во всем мире не найти такого прекрасного места.

Эта часть города называется Шикк Осман. Большая, образующаяся от слияния Тигра и Евфрата, река называется Шатт-ал-Араб и течет к востоку от Убуллэ. Город находится на юге. Канал Убуллэ и канал Ма'киль, как я уже говорил ранее, сливаются в Басре.

К Басре принадлежит двадцать областей и в каждой из них много деревень и обработанной земли.

Описание областей Басры.

Хишшан, Шерребэ, Белас, Акар Мисан, ал-Мукин, Наср-ал-Харб, Шатт-ал-Араб, Са'д, Сам, Джа'Фарийэ, ал-Мешан, ас-Сумд, ал-Джунэ, ал-Джезират-ал-Узма, Меррут, аш-Шерир, Джазират-ал-Урш, ал-Хумейда, Джуберэ, ал-Мунфаридат.

Говорят, когда-то в устье канала Убуллэ суда не могли проходить, потому что там был большой водоворот. Тогда одна богатая женщина из жителей Басры приказала изготовить четыреста судов, наполнить их финиковыми косточками, плотно закрыть сверху и потопить их в том месте, чтобы суда могли проходить там.

В конце концов, в середине Шавваля четыреста сорок третьего года[328] мы покинули Басру и сели на судно. Мы ехали четыре фарсаха от города Убуллэ, и все время по берегам канала были сады, цветники, павильоны и беседки. Во все стороны шли каналы, и по величине каждый из них напоминал реку. Приехав в Шикк Осман, мы сошли на берег против города Убуллэ и остановились там.

Семнадцатого числа мы сели на большое судно, называвшееся Буси. На берегах стояло много народа, и, увидев это судно, все восклицали: "Да укажет тебе путь Господь всевышний, о Буси!"

Мы приехали в Аббадан и там многие сошли с корабля. Аббадан лежит на берегу моря и похож на остров, потому что Шатт в этом месте делится на два русла. Таким образом, ни с какой стороны в Аббадан нельзя проехать иначе, как водой. К югу от Аббадана находится океан; во время прилива вода подходит к стенам города и во время отлива отходит немного меньше, чем на два фарсаха. Некоторые люди покупали в Аббадане циновки, другие запасались там провизией. На другой день поутру судно вывели в море, и мы отправились к северу. На протяжении десяти фарсахов

[328] 20 февраля 1052 г.

все еще можно было пить из моря воду, и она была сладкой, потому что это была вода Шатта, языком вдающегося в море.

Когда взошло солнце, посреди моря показалось что-то вроде воробья; чем ближе мы подъезжали, тем больше оно становилось, но когда мы поравнялись с этим предметом так, что он был на расстоянии одного фарсаха по левую руку от нас, поднялся противный ветер. Бросили якорь и спустили паруса. Я спросил, что это такое, и мне ответили, что это хашаб.

Описание Хашаба.

Это четыре больших бревна дерева садж, соединенных наподобие стенобитной машины. Расположены они четырехугольником; основание у него широкое, а верх узкий. Высота его над водой - сорок газов; сверху наложено черепицы и камней. Все это прикрыто досками наподобие крыши, а сверху поставлены четыре арки, где должен находиться сторож. Про этот хашаб одни рассказывали, что его построил богатый купец, другие говорили, что он выстроен по приказу какого-то царя. Служит он для двух целей: во-первых, в этом месте есть движущиеся пески, и море там неглубокое, так что если туда зайдет большое судно, оно может сесть на мель. По ночам там зажигают светильник в стеклянном колпаке, чтобы ветер не мог задуть его, а люди видели издалека свет и остерегались, ибо в таком месте никто не сможет спастись. Во-вторых, он служит для определения стран света, а также для того, чтобы предостерегать от пиратов, чтобы корабельщики, узнав об их близости, могли повернуть в сторону.

Когда мы миновали этот хашаб и он скрылся из виду, показался другой, похожий на первый, но только без купола на крыше сторожки; его, вероятно, не смогли достроить.

Оттуда мы приехали в город Мехрубан. Это большой город на берегу моря с восточной стороны. Там есть боль-

шой базар и красивая мечеть, но вода у них только дождевая, колодцев и каналов с пресной водой нет. У них устроены водоемы и бассейны и недостатка в воде не бывает никогда. Там выстроены три больших караван-сарая, каждый из них прочен и высок, как крепость. В соборной крепости я увидел на минбаре имя Якуба ибн Лайса и спросил кого-то о причине этой надписи. Тот ответил: "Якуб ибн Лайс[329] доходил и до этого города, но такой мощи не было ни у одного из остальных эмиров Хорасана". В то время, когда я посетил этот город, он находился в руках сына того Абу Калинджара, который был правителем Фарса.

Провизию, то есть съестные припасы, привозят в этот город из других городов и областей, так как там, кроме рыбы, ничего нет. В этом городе есть таможня и гавань. Если от этого города поехать вдоль берегов к югу, приедешь в Тевиэ и Казерун.

Мне пришлось пробыть некоторое время в Мехрубане, потому что, по словам жителей, дороги были не безопасны, так как сыновья Абу Калинджары вели друг с другом войну и враждовали. Каждый из них встал во главе своих приверженцев, и вся страна пришла в смятение.

Мне сказали, что в Аргане был некий именитый и ученый человек по имени шейх Садид Мухаммад ибн Абд-ал-Малик. Мне пребывание в этом городе чрезвычайно наскучило и, услышав об этом человеке, я написал ему письмо, рассказал о своем положении и попросил его доставить меня в более безопасное место. Я отослал письмо, и на третий день ко мне явились тридцать вооруженных пехотинцев и сообщили мне: "Нас прислал за тобой шейх, чтобы мы доставили тебя в Арган". Под их защитой я отправился в этот город.

Арган - большой город с двадцатью тысячами жителей. По восточной его окраине проходит река, вытекающая из

[329] Основатель династии Саффаридов.

гор и идущая к северу. От этой реки отвели четыре больших канала и провели их через город, что стоило больших денег. Каналы эти проходят и дальше за черту города и там, на берегах их, разведено много цветников и садов, насажено много пальм, кислых и сладких апельсинов и масличных деревьев. Город устроен так, что под каждым домом устроено соответствующей величины другое помещение под землей. По этим подвалам проходит вода, и благодаря этому жители могут отдыхать в летнее время в подвалах.

Среди жителей города были люди, принадлежащие к самым различным сектам. У мутазилитов там был имам по имени Абу Саид-ал-Басри; это был красноречивый человек, притязавший на большие познания в геометрии и математике. Я вступил с ним в диспут: мы задавали друг другу вопросы и давали ответы по вопросам логики, математики и других наук.

Первого Рамазана[330] мы выехали оттуда и направились через горы в Исфахан. По дороге мы приехали к горе, где был узкий проход, называемый Ам. Говорят, что эту гору рассек мечом Бахрам Гур[331], и называют ее поэтому "Шамшербурид"[332]. Там я видел большую реку, стремительно вырывавшуюся из большой дыры по правую руку от нас и падавшую вниз с большой высоты. Называли ее Авам. Эта река постоянно течет летом, а когда наступает зима, останавливается и замерзает.

Затем мы приехали в город Лурдеган, в сорока фарсахах от Аргана. Лурдеган этот лежит на границе области Фарс.

Оттуда мы приехали в город Хан-Ленджан. На воротах его я увидел имя султана Тогруль-бека[333]. Оттуда до Исфа-

[330] 3 мая 1052 г.
[331] Один из царей династии Сасанидов, правивший в 425 – 441гг.
[332] По-таджикски «разрезанная мечом».
[333] Сельджукид, правил с 1038 по 1063 г. н.э.

хана семь фарсахов. Жители Хан-Ленджана живут чрезвычайно спокойной и мирной жизнью; каждый из них занят своим делом и своим домашним хозяйством.

9.
ОБРАТНЫЙ ПУТЬ. ИСФАХАН, ТАБАС И ТУН. СНОВА В БАЛХЕ.

Мы покинули этот город и восьмого Сафара четырес-та сорок четвертого года[334] приехали в Исфахан. От Басры до Исфахана сто восемьдесят фарсахов. Этот город лежит в долине, воздух и вода там замечательно хороши. Стоит только вырыть колодец на десять газов в глубину, и тотчас же там появится прекрасная холодная вода.

Город окружен высокой прочной стеной с воротами и бойницами. Наверху стена по всему протяжению снабжена зубцами. В городе есть ручьи проточной воды и красивые высокие здания. Посреди города стоит красивая большая соборная мечеть. Говорят, что длина стены - три с половиной фарсаха. Весь город находится в цветущем состоянии, развалин я там не видел нигде. Базаров там много: я видел базар менял, где торгуют двести менял. Каждый базар окружен стеной и воротами, точно так же окружены стенами с крепкими воротами и кварталы, и улицы.

Там были прекрасные караван-сараи и была улица, называемая "Улицей вышивальщиков", где было пятьдесят хороших караван-сараев; в каждом из них жило много торговцев и жильцов.

Тот караван, с которым ехали мы, вез тысячу триста харваров разного товара, но, когда мы приехали в этот город, наше прибытие осталось совершенно незаметным, ибо тесноты там нет, всюду достаточно помещений и прокормления.

Когда султан Тогруль-бек Абу Талиб Мухаммад ибн Микаил ибн Сельджук, да помилует его Господь, занял этот город, туда был назначен правителем молодой человек, родом из Нишапура, хороший письмоводитель, обладавший

[334] 10 июня 1052 г.

красивым почерком, человек спокойный и красивый. Звали его ходжа Амид. Он умел ценить достоинства людей, был красноречив и щедр. Султан повелел, чтобы в течение трех лет с жителей города ничего не брали. Правитель следовал этому указанию, и все переселенцы снова вернулись на родину. Человек этот принадлежал к числу секретарей султанского совета.

Незадолго до нашего приезда там был страшный недород, но, когда мы приехали туда, там как раз снимали с полей ячмень. Полтора мана пшеничного хлеба отдавали за один полновесный дирхем, три мана ячменного хлеба тоже стоили один дирхем. Там утверждали, что у них никто не видывал восьми ман хлеба дороже дирхема.

Во всех странах, где говорят по-персидски, я не видал города красивее, более населенного и более цветущего, чем Исфахан. Говорят, что пшеница, ячмень и другое зерно там может лежать в течение двадцати лет, не портясь. Многие утверждали, что раньше, когда вокруг города еще не было стены, воздух был еще лучше, чем теперь. Когда же выстроили стену, он стал хуже, так что многие вещи начали портиться. Однако в деревнях он остался таким же, каким и был.

Так как караван медлил с отъездом, мы провели в Исфахане двадцать дней и выехали оттуда двадцать восьмого Сафара[335].

Мы приехали в деревню, называемую Хейсемабад, а оттуда через долину и гору Маскиан доехали до поселка Наин, в тридцати фарсахах от Исфахана. Проехав сорок три фарсаха от Наина, мы прибыли в деревню Гармэ в округе Биабан, где около десяти или двенадцати деревень. Эта местность жаркая, и там растут финиковые пальмы. В прежние времена эта область находилась во власти куфджей, но, когда мы приехали туда, эмир Килеки отнял ее у них и посадил своего наместника в деревне с небольшой крепос-

[335] 30 июня.

тью, называемой Пиядэ. Он теперь владеет этой областью и следит за безопасностью на дорогах, и если куфджи выезжают на разбой, эмир посылает против них своих военачальников. Те ловят куфджей, отнимают у них все имущество и убивают их. Благодаря охране этого великого человека теперь дорога совершенно безопасна и народ там живет спокойно. Пусть Господь благословенный, всевышний станет хранителем, защитником и помощником всех справедливых властителей и смилуется над душами тех из них, которые уже умерли.

По дороге через Биабан на расстоянии каждых двух фарсахов выстроены небольшие купола и водоемы, куда собирается дождевая вода. Устроены они в тех местах, где нет солончаков. Выстроены эти купола для того, чтобы люди не сбивались с пути и в жару и в холод могли отдохнуть там немного.

По дороге мы видели большое пространство, покрытое зыбучими песками; кто собьется с пути, тот не сможет выбраться из этих песков и погибнет там. Мы проехали дальше и попали в местность, покрытую солончаками, где почва местами вздувалась. Если бы кто-нибудь отошел в сторону от дороги, он, несомненно, провалился бы.

Оттуда мы приехали к рабату Зубейды, называемому также рабатом Марами. Там пять колодцев с водой, и, если бы не было этого рабата и этой воды, никто не смог бы проехать через эту пустыню. Оттуда мы проехали в область Табаса и остановились в деревне Рустабад. В Табас мы прибыли десятого Раби-ал-Авваль[336]. От Исфахана туда, как нам говорили, сто десять фарсахов.

Табас - многолюдный город, хотя он и похож на деревню. Воды там немного, полей обрабатывают мало, но есть пальмовые плантации и сады. Если оттуда направиться к северу, в сорока фарсахах будет Нишапур; к югу, на расстоо-

[336] 10 июля 1052 г.

янии сорока фарсахов лежит Хабис, отделенный от Табаса пустыней. К востоку от города есть крутая гора.

В то время эмиром этого города был Киляки ибн Мухаммад; он взял этот город мечом. Жизнь там была чрезвычайно спокойная и безопасная, жители даже на ночь не закрывали дверей в домах, а верблюдов пускали ходить по улицам, хотя город и не окружен стеной. Ни одна женщина там не решается заговорить с чужим мужчиной, а если бы она решилась, их обоих убили бы. Точно так же благодаря охране и правосудию эмира, нет там ни воров, ни убийц. Из всех арабских и персидских стран такое правосудие и такую безопасность я видал только в четырех местах: во-первых, в области Дешт, в дни правления Лашкар-Хана; во-вторых, в Дейлемистане, при эмире эмиров Джестане ибн Ибрахиме; в-третьих, в дни ал-Мустаисыра-би-Аллаха, повелителя правоверных[337], и, в-четвертых, в Табасе, в дни эмира Абу-л-Хасаиа Килеки ибн Мухаммада. Сколько я ни скитался, нигде я не видал места более безопасного, чем эти четыре, и не слыхал про такое.

Он продержал нас в Табасе семнадцать дней, заботился о нас, как о своих гостях, а в день нашего отъезда пожаловал нас подарком и извинился перед нами. Господь преславный, всевышний да будет доволен им. Он дал нам в сопровождение своего стремянного, и тот ехал с нами до самого Зузана, то есть около семидесяти двух фарсахов.

Проехав двенадцать фарсахов от Табаса, мы прибыли в Раккэ, поселок, где есть проточная вода, поля, сады и деревья. Он окружен стеной и имеет соборную мечеть. Деревень и полей вокруг очень много.

Девятого Раби-ал-Ахир[338] мы выехали из Раккэ, а двенадцатого числа того же месяца прибыли в город Тун, от которого до Раккэ двадцать фарсахов. Тун когда-то был большим городом, но в то время, когда я посетил его, боль-

[337] Т. е. Фатимидского правителя Египта (о нём см. выше).
[338] 8 августа.

шая часть его превратилась в развалины. Он лежит в долине, и там есть проточная вода и подземные каналы. С восточной стороны города много садов. Есть там также и прочная крепость. Мне говорили, что там четыреста мастерских, где ткут ковры.

В городе во дворах домов много фисташковых деревьев, а жители Балха и Тохаристана полагают, что фисташки растут и встречаются только в горах. Когда мы выехали из города, этот стремянный эмира рассказал мне следующее: "Однажды мы выехали из Туна в Гунабад. Откуда-то появились разбойники и напали на нас. Несколько человек со страху бросились тогда в колодец, соединенный с подземным каналом. У одного из этих людей был очень любящий отец. Он приехал и нанял какого-то человека, чтобы тот спустился в колодец и вытащил его сына. Приготовили все веревки и канаты, какие только у них были, собралось много народу, и веревку пришлось спустить на семьсот газов, чтобы человек этот мог спуститься на дно. Он привязал веревку к телу юноши, и его вытащили, но он был уже мертв. Когда этот человек вышел оттуда, он сообщил, что по каналу протекает огромное количество воды. Канал этот длиною в четыре фарсаха и вырыт, как говорят, по повелению Кай-Хусрава[339].

Двадцать третьего Раби-ал-Ахир[340] мы приехали в город Каин. От Туна туда считают восемнадцать фарсахов, но караван едет не меньше четырех дней, так как фарсахи очень тяжелые. Каин - большой укрепленный город, вокруг кремля его вырыт ров. Соборная мечеть находится посреди кремля, в ней, в том месте, где Максурэ, есть чрезвычайно большая арка, каких я не видывал в Хорасане, арка эта к самой мечети не подходит. Все здания в городе снабжены куполами.

[339] Один из мифических персидских царей.
[340] 22 августа 1052 г.

Если от Каина направиться к северо-востоку, в восемнадцати фарсахах будет Зузан, к югу, в тридцати фарсахах, - Герат.

В Каине я видел одного человека, по имени Абу Мансур Мухаммад ибн Дуст. Он, как говорили, обладал познаниями во всех науках: и в медицине, и в астрологии, и в логике.

Он задал мне такой вопрос:

- Что ты скажешь, есть ли какая-нибудь материя за пределами небесного свода и звезд?

- Материей, - ответил я, - мы называем только то, что находится под этим небесным сводом, все же остальное нет.

- А как ты скажешь, - спросил он, - есть за пределами этих сводов что-нибудь нематериальное?

- Неизбежно, - ответил я, - ибо мир ограничен, пределом его считают свод сводов. Пределом же называют то, что отделяет одно от другого. Если это установлено, приходится сделать вывод, что то, что, находится за пределом небесного свода, не похоже на то, что в его пределах.

- Так, - продолжал он, - если разум заставляет принять существование этого нематериального, то есть ли у него, в свою очередь, предел? Если есть, то до каких пор оно простирается? Если же нет, то каким образом безграничное может быть преходящим?..

О таких вещах мы толковали некоторое время. "Все это чрезвычайно смущает меня", - молвил он. Я заметил: "Кого это не смущало?.."

Короче говоря, по причине смуты, вызванной в Зузане Убайдом Нишапури, и восстания правителя Зузана мне пришлось пробыть в Каине целый месяц. Там я отпустил стремянного эмира Килеки. Из Каина я выехал, направляясь в Серахс, и второго числа месяца Джумад-ал-Ухра[341] я прибыл туда. От Басры до Серахса я насчитал триста девяносто фарсахов. Из Серахса я поехал через рабат Джа'фари,

[341] 29 сентября 1052 г.

рабат Амрави и рабат Ни'мати. Все эти три рабата лежат на дороге неподалеку друг от друга. Двенадцатого Джумад-ал-Ухра[342] я прибыл в город Марв-ар-Руд, через два дня выехал оттуда и девятнадцатого числа через Оби Гарм прибыл в Бариоб, расстояние между которыми составляет тридцать шесть фарсахов.

Эмиром Хорасана был Джагрыбек Абу Сулейман Дауд ибн Микаил ибн Сельджук. Он находился в Шибургане и собирался ехать в Мерв, свою столицу.

Мы, по причине небезопасности дорог, поехали на Сангилан, а оттуда через Седара проехали в Балх. Когда мы приехали в рабат Седара, я услышал, что брат мой Ходжа Абуль-Фатх Абдул-Джалиль находится в свите вазира эмира, некоего Абу Насра. Я отсутствовал около семи лет. Когда мы прибыли в Дастгирд, мы встретили обоз с кладью, направлявшийся в Шибурган. Сопровождавший меня брат спросил, чьи это вещи. "Это вещи вазира", - ответили ему. "Знаете ли вы Абуль-Фатха Абдул Джалила? - спросил он. - С нами есть один из его людей". Тотчас же к нам подошел какой-то человек и спросил: "Откуда вы идете?" - "Возвращаемся с хаджа". - "У господина моего Абуль-Фатха Абдул-Джалила было два брата, - воскликнул он. Они столько-то лет тому назад уехали в хадж, и он страстно тоскует по ним. Но кого он ни расспрашивал о них, никто не мог ничего ему сообщить". - "Мы привезли письмо от Носира, - сказал мой брат. - Когда твой господин приедет, мы вручим ему это письмо". Прошло некоторое время, караван остановился посреди дороги, и мы тоже остановились. Слуга этот сказал: "Вот едет мой господин. Если он не найдет вас, он опечалится; если же вы дадите мне это письмо, я передам его, и он будет очень доволен". - "Ты хочешь письмо Носира, - спросил мой брат, - или самого Носира? Вот он, Носир, перед тобой ".

[342] 9 октября.

Слуга от радости не знал, что делать, и мы отправились в сторону Балха через Миан и Руста. Брат же мой Абуль-Фатх ехал через Дастгирд и вместе с вазиром направлялся к эмиру Хорасана. Как только он услышал о нашем прибытии, он остановился у моста Джамугиан, чтобы дождаться нас. Это было в субботу двадцать шестого Джумад-ал-Ухра четыреста сорок четвертого года[343]. После того, как мы утратили все надежды, столько раз попадали в смертельную опасность и уже не рассчитывали остаться в живых, мы снова свиделись, смогли насладиться свиданием друг с другом и восхвалили Господа, велик и славен да будет он.

В этот день мы въехали в Балх, и я написал эти три двустишия, соответствовавшие нашему положению:

Если долго в этом мире длятся беды и страданья,
Все ж и счастию и горю здесь всегда конец приходит.
Ночь и день для нас ничтожных свод вращается небесный.
День уйдет, ему на смену тотчас же другой приходит.
Мы из странствия вернулись... Из него вернуться можно,
В путь другой уйдем, оттуда к нам никто уж не приходит...

Все расстояние от Балха до Мисра, оттуда до Мекки, через Басру в Фарс, и снова обратно в Балх, не считая поездок на поклон святым местам в сторону и других отклонений, составляет две тысячи двести двадцать фарсахов. Обо всем, что я видел, я правдиво поведал, а если я сообщил что-нибудь неверно о том, что слышал, пусть читатели не считают меня глупцом, не порицают и не бранят. И если поможет мне Господь, велик и славен да будет он, я, если совершу путешествие на Восток, опишу и то, что увижу там, если захочет Господь всевышний, единый, мощный.

Слава Господу, владыке миров. Помолимся о Мухаммаде и семье его и всех сподвижниках его.

[343] 23 октября 1052 г.

АЗ ДЕВОН

ИЗ ДЕВОНА

Переводы

А. Адалис
В. Державина
М. Петровых
И. Сельвинского

В ПОРИЦАНИЕ СВЯТОШАМ.

О, ищущий! Дойди до сердца всех явлений:
Без сердцевины нет ни знаний, ни умений.
Лишь истину познав, о правде говори!
Незнающий пути - не годен в главари.
О, не влагай руки в неведомую руку,
Чтобы, стремясь вперед, не колесить по кругу.
У истины святой есть полнощный тать:
Не вздумай же ему ты ноги лобызать.
На рынке бытия воров шныряет свора.
Так береги карман и в каждом бойся вора.
Пройдет ли тот слепец дорогой до конца,
Который вожаком берет себе слепца?
Скорбящий! Отыщи поводыря такого,
Чтоб для тебя нашел сочувственное слово.
Во всей подлунной нет обиднее обид,
Чем величать ханжу: "Священный Баязид!"[344]
Послушаешь иных - аллахова порода!
А поразведаешь - ни племени, ни рода...
Как драгоценный клад в развалинах зарыт,
Так праведника дух под рубищем сокрыт.
Из пыли и шипов на свет выходит роза.
Не образ пред тобой: тут жизненная проза.

В ПОРИЦАНИЕ РОСТОВЩИКАМ.

"Жалей" ростовщика: ведь из своих палат,
Бедняга перейдет в неугасимый ад!
При взгляде на него презреньем насладимся:
Базарный пес - и тот почтенней лихоимца.
Одушевлен ли сей бездушный человек,
Который за дирхем[345] нас душит целый век?

[344] Баязид Бистами – один из наиболее чтимых суфиев 9 в., признанный мусульманами святым. Умер в 874 г.
[345] Мелкая монета.

Который, окружен роскошеством и негой,
Способен бедняка лишить его ночлега?
Зато когда скупец испустит бранный дух,
Сынок устроит пир с толпою потаскух.
Тот скряга целый век гонялся за наживой,
А этот спустит все, хоть юный да плешивый,
Сундук ростовщика - сам по себе порок!
И бла́го совершит - пойдет оно не впрок.
Не пей ты с ним вина, хоть умирай от жажды,
Кровавая слеза сокрыта в капле каждой.
Позорит ростовщик не только прах, но твердь!
С брезгливостью к нему притронется и смерть.
И хоть миллионы лет гореть в аду он будет,
Сам дьявол навсегда в котле его забудет.

В ПОРИЦАНИЕ ПОЭТАМ-ПАНЕГИРИСТАМ.

Тупице подносить стихов святое зелье
Что наряжать осла в шелка и ожерелье.
Стоишь и за стихом читаешь пышный стих,
А честь твоя меж тем стекает на пол с них.
Не стыдно ли тебе великое слагать,
И славословье лить, и в каждом слове лгать?
И тот надменный шах до облака раздут,
А ты награды ждешь за этот рабский труд?
Не открывай же уст для пошлой суеты,
Не оскорбляй того, кто ищет красоты.
Ведь в шуме слов твоих стиха такого нет,
Чтоб заключались в нем раздумье и совет.
Они ведь рождены во имя серебра!
Так и не жди от них ни света, ни добра.
Ни трепета любви, ни скорби, ни веселья,
Не сыщешь ничего в ослином ожерелье.

В ПОРИЦАНИЕ ЦАРЯМ И ВЛАСТЬ ИМУЩИМ.

Как отвратительна властителя душа:
Изволь с ним говорить почтительно дыша.
Самовлюбленный лев с когтями и клыками,
Обидчив, как цветок, дрожащий лепестками.
Когда объявит шах торжественный прием,
Не сами ль небеса сгибаются при нем?
И кажутся тогда почтенные мужчины
Кишеньем черноты, собраньем чертовщины.
Вот гадина юлит раздавленным хвостом,
Вон жаба перед ним дрожит с умильным ртом...
Когда он поутру подымется не в духе,
Просители бледны, как неземные духи.
Но если благостен и примет их гурьбой,
Как он на них глядит? Что видит пред собой?
Семь отроков пускай предстанут из Эфеса[346] -
Явленью не придаст ни веры он, ни веса.
Да хоть бы сам мудрец о небо оперся -
Для шаха глас его - не выше лая пса.
К воскрылиям души он полон неприязни,
Христа вторично он подверг бы лютой казни!
Зато к ослу Христа он нежностью согрет,
Копыто превратив в священный амулет.

ХВАЛА РЕМЕСЛЕННИКАМ.

Ремесленник! Нет в мире лучшей доли.
Не царь, но и не раб. Всегда на вольной воле.
Стучит он или шьёт на трудовой скамье,
Но вечером поет в родной своей семье.
Пускай не каждый день по горло сытым ходит,
Но умножает он все то, что производит.

[346] Отроки из Эфеса - Легенда о семи юношах в языческой стране, уверовавших в Бога и спрятавшихся в пещере, где они уснули. Эфесские отроки почитались как святые.

Избавлен от судьбы вселяющего дрожь,
Он также не дрожит пред пышностью вельмож.
Под молотом его златые искры мчатся...
И видят лишь добро жена и домочадцы.
Он в полночь сладко спит в куренье мирных снов,
А на заре опять среди своих обнов.
Тачает или шьет, парит или грохочет,
Он низменных страстей не знал и знать не хочет...
До смерти дни свои он знает наперед.
Доволен им Господь, доволен и народ.
Трудолюбив, шутлив, общительного нрава,
Осанна ремеслу! Ремесленнику слава!
Нет! Равного ему не сыщете нигде:
Ведь и самим царям нужда в его труде.

ХВАЛА ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАМ.

Но труд ремесленника миру не сгодится,
Когда у пахаря зерно не уродится.
Как славен труд его - Адама древний труд!
Что с земледелием сравниться может тут?
Он демонов зимы богатствами встречает,
Зверей и диких птиц в хозяйстве приручает,
Крестьянин что ни год, то открывает клад,
Здесь пашня у него, а там - цветущий сад.
Кормилец тихий он создания любого,
Будь это человек, овца или корова.
И если только он на ремесло в обмен
Торгашески на хлеб не подымает цен.
То во вселенной нет и не было от века
Подобного ему святого человека.
Да будет всяк из нас велик своим трудом!
Здесь ключ от бытия. Здесь наш очаг и дом.

ЗНАНИЕ.

Под присмотром всегда держи свои владенья,
Ибо владенье ждет забот и наблюденья.
Два уха у тебя, два глаза у тебя -
Вот для ценных ворот надежнейшие звенья.
Учись и познавай! В превратностях судьбы
Познания твои - одно твое спасенье.
Кто знания щитом себя вооружил,
Тот в шуме бытия не знает треволненья.
Еще один совет: ты послухам не верь!
Молва всегда молва: шумит! Но, тем не менье,
Услышанным словам, услышанным вестям
С увиденным тобой - не может быть сравненья.
Поэтому слушков, как зайцев, не лови;
Всему, что услыхал, потребуй подтвержденья.
И, наконец, еще: слова не есть дела,
Деянье - это плоть! Слова же - только тени...
Ты можешь сотни лет о жемчуге твердить,
Но если не нырнешь - он твой лишь в сновиденьи.

РАЗУМ.

Разумному внушает разум одно и то же - навсегда
Остерегайся зла, запомни: зло - величайшая беда.
Ни хищникам, ни травоядным не уподобься
- ты не зверь.
Но если зло творишь - от зверя чем
отличаешься теперь?
Увы, подобна злая воля змее-горзе![347]
- Сойди с тропы,
Не то ужалит - ведь от страха к земле
прикованы стопы!..
Но у души есть крылья: разум! Крылата
разумом душа,

[347] Ядовитая змея.

Взлетит из пропасти глубокой,
освобождением дыша...
Взнесись на этих крыльях выше! - Внизу, над
разумом глумясь,
Тебя невежество поймает... Не поддавайся! -
втопчет в грязь.

ДОБРОДЕТЕЛЬ.

Да будет жизнь твоя для всех других отрадой
Дари себя другим, как гроздья винограда.
Но если нет в тебе такой большой души,
То маленькая пусть сияет, как лампада;
Не огорчай людей ни делом, ни словцом.
К любой людской тоске прислушиваться надо!
Болящих - исцеляй! Страдающих - утешь!
Мучения земли порой жесточе ада.
Ты буйство юности, как зверя, укроти.
Отцу и матери всегда служи отрадой.
Не забывай о том, что мать вспоила нас,
Отец же воспитал свое родное чадо.
Поэтому страшись в беспечности своей
В их старые сердца пролить хоть каплю яда.
К тому же, минет час - ты старцем станешь сам;
Не нарушай же, брат, священного уклада.
Итак, живи для всех. Не думай о себе.
И жребий твой блеснет, как высшая награда.

ДРУЖБА

Ты знаешь, сердце, что такое друг?
Он должен быть твоей судьбою - друг.
Для этого иди такой тропой,
Чтоб восхищался бы тобою друг.
Ищи такого, чтобы за него
Не жаль пожертвовать собою, друг!

Но в то же время, чтобы за тебя
Рискнул бы также головою друг.
Когда такого в жизни ты найдешь,
Не становись к нему спиною, друг.
В любой тоске, в томлении любом
придет с улыбкою родною друг.
И окунись хотя бы в черный день,
Не станет птицею ночною друг.
Два века надо жить, чтобы понять,
Чтобы осмыслить золотое - "друг".
Не шутка это - клятвенно дружить,
А дружба - дело непростое, друг.
Деяньем дружбу нужно доказать -
Не всякий друг тебе душою друг.

ДРУГ И НЕДРУГ

Ты должен различать, кто друг тебе, кто недруг,
Чтоб не пригреть врага в своих сердечных недрах.
Где неприятель тот, который в некий час
Приятностью своей не очарует нас?
Где в мире мы найдем тот корень единенья,
Который не покрыт корой и даже тенью?
Собака, что визжит и ластится, как друг,
По-дружески друзьям не изменяет вдруг.
Собака - говорю! Но так ли ты уверен,
Что подлинный твой друг тебе до гроба верен?
И сердцевину тайн, доверенных ему,
Не обнажит вовек по слову своему?
Испытывай друзей и голодом и жаждой,
Любовью испытай! Но только раз - не дважды..
Кто дружбе изменил хотя бы только раз,
Тому уж веры нет, хоть пой он, как сааз[348].
И пусть перед тобой юлит гадючье тело,

[348] Музыкальный струнный инструмент.

Башку ей размозжить скорей - вполне благое дело.
Поэтому-то я твержу одно и то ж:
Кто так тебя поймет, как сам себя поймешь?
Лишь те-то и друзья не на словах - на деле,
Кто наши кандалы и на себя б надели.

ЛИЦЕМЕРЫ И ДРУЗЬЯ

Мне дружба в обители этой отрады еще не дала,
Я сердца такого не знаю, в котором
бы правда жила!
От кучки друзей лицемерных уж лучше бы
встать в стороне,
Ненужные эти знакомства довольно
поддерживать мне!
Друзья не затем суетятся, что им твоя доля близка:
Своей они требуют доли и сладкого ищут куска.
Твоей они ищут поддержки, когда ты
здоров и богат,
А в черный твой день убегают и прямо
в глаза не глядят.
Уменьшится если богатство - уменьшится тут
же любовь,
Не быть призираемым хочешь - динары,
динары готовь!
Друзья тебе вред приносили, радея о пользе своей,
От них похвалы ожидая, для них свои силы развей.
Ты весел, покамест у власти, - легко
пробегают года,
Но стать беспокойным, угрюмым любого
заставит нужда!
Напрасно ты ищешь надежных, кольчуге по
добных друзей.
Никто узелка не развяжет запутанной сети твоей.

Ни в холод, ни в зной - ты запомни - друзья
не годятся. Они
Холодного ветра не терпят, от зноя
спасутся в тени.
Но другом мудрец называет того, кто
испытан не раз,
Кто друга нигде не покинет ни в горький,
ни в радостный час,
Поддержкой его успокоит, и тайну его сохранит,
И другу послужит опорой печалей его и обид!
Кто поясом дружбы заветным себя препоясал навек,
Кто счастьем друзей не томился, под корень
его не подсек.
Он жизни желает живущим, друзьям свои
силы дарит,
Душой не кривит, обинуясь: что чувствует,
то говорит.
Друг чистое зеркало друга, друг другу они зеркала:
Взаимно друзья отражают сердца, и мечты, и дела.
Взаимности доброй и дружбы не ищет
мудрец у глупца:
Нигде не сойдутся их мысли, никак не
споются сердца.
Один непонятен другому, а значит всегда и везде
Один неприятен другому - подобны огню и воде!
Лишь глупому глупый годится, но дружба
на лад не пойдет:
Начнут враждовать беспричинно - один на другого
плетет!
Два мудрых зато человека для дружбы пригодны
вполне,
Друг другу прекрасные тайны доверят они в тишине!
Друг друга ничем не обидят, поэтому вечно дружны.
Вранье, сквернословие, глупость, бессмыслица -
им не нужны.

И ты хорошенько запомни, откуда берется вражда:
От праздной, неумной насмешки, которая
братству чужда.
Язык придержи, пребывая порой в нетерпении злом
Не скалься, остроты пустые не делай своим
ремеслом!
Ты сам топором ударяешь по собственным тощим
ногам,
А ногу друзьям подставляя, ты шею подставишь
врагам.
Ты видишь ли внутренним оком - не светится
лик у того,
Кто лжет или зря зубоскалит и друга хулит своего?
А вот клеветник, пересмешник - совсем не в чести
у людей:
Пускай не свершил преступлений - по-моему, все
же - злодей!
Хоть будь ты царем, а насмешка тебя обесчестит,
смеясь,
Хоть месяцем был ты высоким, повергнет на
площади в грязь!
Душа к совершенству стремится, к насмешке -
лукавый язык,
И каждый к тому и другому, не будучи твердым,
привык.
Познанием разум гордится, высокое слово приняв,
Когда суесловием, ложью он брезгует гордо
- он прав!
Зачахнув, душа умирает, бездельем худым занята;
Ее каждодневная пытка - насмешка, вранье, суета...
Душа, оживленная правдой, играет, свободно дыша,
Становится нрав человечий прекрасен и мил,
как душа!
Насилие брось и подругой себе справедливость бери,

А те, кто вершить не боятся неправедный
суд, - дикари.
Чужой тебе нужен достаток, отрады не видишь
в ином...
Доколе тебе упиваться насилия черным вином?
Из этой обители хрупкой какое добро заберешь?
Понравился шелковый саван, холщовый тебе
нехорош.
Ты, коли других не стыдишься, себя самого
постыдись:
Не люди - собаки бесстыдны, взглянуть
не могущие ввысь!

ЖАДНОСТЬ И НИЗОСТЬ.

По ногам опутан ты, поскольку жадно пожелал
чего-нибудь,
Жадность ты от рук отмой без спора - выйдешь на
свободный, чистый путь.
Алчно и угрюмо не гляди ты на принадлежащее
другим:
Имя потеряет именитый, ежели он жадностью
томим.
Желтые всегда у алчных лица, сытому желудку
вопреки;
Алчности - кто мужеством гордится - голову
скорее отсеки!
В жизни затруднение любое легким, я советую,
сочти -
Так преодолеешь легче вдвое непреодолимое почти!
Иве подражаешь ли плакучей - каждый ей тревожен
ветерок?..
Солнце и луна - пример получше: нам
невозмутимости урок.
Будь на этом поприще достоин мужественных
воинов в бою:

Враг твой - вожделение, ты - воин, в твердость мы
поверили твою.
Коркою будь сыт - но на свободе; в рубище - но
истинной красы
Нет у тех надменных, чьи по моде кольцами
закручены усы!
Жадный, ты унижен, как собака, - кто не поиграл
твоей судьбой?
Жадность от себя отрежь, однако, - будешь
властелином над собой.

ДВУЛИЧИЕ.

Слова, которые пошли с делами врозь
И жизнь в которые вдохнуть не удалось,
На дыню "дастамбуй"[349] похожи, как ни грустно:
Она, красавица, душиста, но безвкусна...
Благоразумному указываю путь:
Игральным шариком иль мячиком не будь!
Польстив играющим, в низкопоклонстве пылком
Мяч обращен ко всем лицом, а не затылком.
А ты не сей того, что пожинать не рад,
Те не болтай слова, что самому претят.

ЯЗЫК.

Прекрасен рот. Но в логовище рта
Беда для человека заперта.
Язык его таит и зло и грех,
Молчанье - вот сокровище для всех!
Но коли речь не можешь устеречь,
Так пусть добром твоя блистает речь.
Слова любви - как золото зари...
Такое, если можешь, - говори!
Но слово зла скатится с языка -
Гони его, как беркут бирюка!

[349] Сорт мелкой, круглой, душистой, но безвкусной дыни.

СПОР С БОГОМ.

...Боже! В сердце муравья ты уместил
Целый мир с его объемом и длиной,
Не расширил этим сердце муравья,
Мир ни на волос не сузил, Боже мой!
Цепи гор, что делят Запад и Восток,
В створках жемчуга ты можешь затворить,
Только око приготовится моргнуть -
Землю, небо успеваешь сотворить!
Ты листве быть ветром зыблемой велел,
Ты предвечности твердыню укрепил ...
На пути, ведущем, Господи, к тебе,
Человек претерпевает свыше сил!
Ведь природа человечья и душа
Тем и разнятся, что видят не одно...
Семя древа искушения в сердцах
Посадил ты, сотворив людей, давно...
Кто ячменное зерно посеял, тот
Не надеется пшеницу собирать.
В день предвечный ты начало положил
Тем делам, за кои будешь нас карать!
Если созданы мы только для молитв,
Для чего ты создал дьявола, Господь?
Много слов для разговора я припас,
Страха все же не могу я побороть.
Не могу в своем неверии принять
От подвижников невежественных весть!
Слово разума я только признаю:
Перл в жемчужных только раковинах есть!
Все ж настаивать на сказанном боюсь -
Где спасусь я, коль разгневаешься вдруг?
Можешь твердость непреклонную явить,
Кто натянет тетиву на твердый лук.
Как же быть во время страшного Суда?

Как мы счеты наши старые сведем?
Коль не вырвешь ты из горла мой язык,
Значит, можно не молчать перед Судом.
А лишить меня, однако, языка,
Разве будет справедливо это? Нет!
Для чего же справедливость соблюдать
Дан тобой твоим творениям завет?
Коль присутствовать изволишь на Суде,
Вовсе мыслить я, пожалуй, не смогу...
Коль другому поручишь меня пытать[350],
Для чего за ним напрасно побегу?
Прикажи меня отправить прямо в ад!
Пользы нет в пустопорожней болтовне,
Всеблагому и Премудрому зачем
Подменять себя другим в отместку мне?
Мир загробный не таков, как мир земной:
Там насилие и взятки ни к чему,
На тебя ведь все возложены дела. Исполняй же!
В чем задержка - не пойму?
Грех не нужен был покорному рабу.
Ты греху открыл, увы, дорогу сам!
Сам ты дьявола уловки поощрил,
Проложив ему стезю к людским сердцам.
Ты поститься, Боже, требуешь от нас
И паломничества в Мекку совершать:
Не подобен ли охотнику на серн?
Валишь дичь, когда ей снится благодать.
Сам на серну ты кричишь: беги, беги!
Сам борзую натравить готов тотчас...
Помолиться нам приказываешь ты
И науськиваешь дьявола на нас!
Для извечного, Владыка, существа
Некрасиво друга стравливать с врагом!

[350] Намек на дьявола, пытающего грешников.

Выгнав злого из обители своей,
Позволяешь нас обхаживать кругом!
Я пучиною сомнений поглощен,
То надеждами, то страхами объят...
Рай в уплату за покорность обещав,
Созерцаешь, как меня толкают в ад!
Все обиды от прелестниц, Боже мой,
Так иль этак, жить приходится, терпя...
Но виновны ли красотки предо мной?
Нет, Всевышний, эти козни - от тебя.
Разве смеет возмутиться человек -
Соблазнительниц, одну другой лютей,
Ты в Булгарии[351] разводишь, о Господь.
Для того чтобы дурачить нас, людей,
Ты мечту и вожделенье сочетал,
В жилах жажду наслаждения разжег,
Чтобы вовсе истомился человек,
Чтобы места он найти себе не мог.
Кто же, страсти в человеке пробудив,
У существ розоволикой красоты,
Покрывало их стыдливости украл
Для бесчестия людского, как не ты...
Ты желудки сделал жадными к еде,
Чтобы рыскать нам за пищей день и ночь;
Всем, что чисто и нечисто, человек
Набивать свою утробищу не прочь.
Члены тела моего - мои враги:
Порываются к прелестницам земным,
Жадной плотью, поборяющей меня,
Я всечасно ненавидим и томим!
О, когда бы эти плотские блага
Не давали наслаждений без числа,
Оставалось бы слоняться по степям

[351] Тюрчанка, булгарка – синоним красавицы, соответственно Булгария – страна красавиц.

Терпеливо, наподобие осла...
И зачем угрюмой злобы семена
В человеке ты для роста поместил?
Неужели ради страшного Суда,
Ради мук меня из глины замесил?..
Если ты свое подобие творил,
Не игральную костяшку на кону,
Что глумишься над созданием своим.
Для чего еще ты сделал сатану?
Много есть еще вопросов у меня,
Но боюсь тебе вопросы те задать...
Если, впрочем, бессловесным надо быть,
Ты бы должен был скотом меня создать.
Буду спорить в день последнего Суда,
Хочешь - можешь у меня отнять язык.
А не то тебе придется отвечать,
Чтобы я свое невежество постиг!
Нет, вели меня поглубже спрятать в ад.
Что за прок с тобою спорить всякий раз?
Ты, когда мы честно молимся тебе,
"Соврати их!" - сатане даешь приказ.
Если сам ты без песчинки на ступнях[352],
Как ты создал, повторяю, сатану?..
Словом, столько в этом деле темноты,
Что рукой на богословие махну!
Если создал ты хороших и дурных,
В наказаньях и наградах смысла нет!
Безупречных ты иметь желаешь слуг
Нас, плохих, зачем же выпустил на свет?
По природе я - железная руда:
Содержать в себе алмазы не могу,
Сотни раз меня в горниле переплавь
Я все тот же, пред которым ты в долгу!

[352] Соответствует русскому выражению: „без соринки в глазу».

Зло даешь - и получаешь плату злом.
Чем ты лучше, в этом случае, меня?
Пусть я плох, но я тобою сотворен,
А не нравлюсь - так не делал бы меня!

О РАЗУМЕ И ПРОСВЕЩЕНИИ.

Для коня красноречия круг беговой -
Это внутренний твой кругозор бытия.
Кто же всадник? - Душа. Разум сделай уздой,
Мысль - привычным седлом, и победа - твоя.
Но позор, если круг беговой не широк, -
Пред судом ездоков не сорви скакуна.
Не годится по узкой арене скакать,
Что не только коням - жеребятам тесна.
Знай, в поэзии лучших наездников нет,
Чем арабы, а Греции древней сыны
Медицину избрали ареной своей,
В чародействе - индусские люди сильны,
Математика, музыка - римлян удел;
Власть Китая в искусстве рисунка тверда,
Но искусней художников свет не видал,
Чем багдадские мастера, никогда.
Так, по складу характера, ищет один
Содержание скрытое видимых тел,
А другой - безусловную ценность вещей,
Дорогого, дешевого точный раздел.
И на каждой из названных мною дорог
Превосходные, право, наездники есть,
И немало испытанных в деле мужей
Охраняют высокого опыта честь.
Кто открыл, что Юпитер, и Марс, и Луна -
У горящего Солнца заимствуют свет.
Что моря, и пустыни, и горы Земли
Держит воздух - иного фундамента нет.

Или горьким растением "мироболан"
Огневицу кому врачевать удалось.
Где - в Китае - ревень, или в Риме самом -
Против рези желудочной средство нашлось?
Кто был первым, кто римскую краску добыл,
С желтой серой дрожащую ртуть сочетав.
Кто сказал, что спасенье для гаснущих глаз
Исфаханского горного камня состав.
Кем назначено, что бадахшанский рубин
Йеменского сердолика ценней.
Разве менее красен, чем ла'л, сердолик.
Так откуда ж неравенство этих камней...
В суть явлений глазами ума загляни:
Лишь для них проницаема жизни кора.
Ты глаза свои часто лечил, человек, -
Очи разума разве лечить не пора?
То, что скрыто от наших телесных очей,
Открывается ясному взору ума.
Разум - яхонт, а сердце живое - руда,
Рудником же душа да послужит сама.
Только разум все лучшие блага души
Философскому камню подобно творит:
Он - исток справедливости и доброты,
Милосердию учит и счастье дарит.
Страж бескрылого, темного тела - душа:
Благородная, тело она бережет,
Но не разум ли душу спасает твою
Из мирского зиндона[353] - темницы забот.
Разум - тайный посланец к тебе, человек:
Неспроста поселился он в сердце твоем...
Как разведчик, о множестве тайных вещей
Вопрошает, оставшись с тобою вдвоем:
Это схоже, мол, с тем, а не схоже с другим -

[353] Зиндон - тюрьма.

Почему? А вот это похоже на то...
Строй вселенной был в первое время какой?
И за гранью вселенной крутящейся что?
Если скажешь: вселенной крутящейся вне
Лишь пустая, бездонная есть глубина, -
Объясни: относительно к той глубине,
Где вселенная? Движется ли она?
Предположим, доподлинно знает о том
Бог вертящейся нашей вселенной одни,
Разрушающий и созидающий Бог,
Всех развалин и добрых начал господин.
Предположим, он миру поставил ислам,
Почему же он так оборудовал мир,
Если знал, что в познании смысла вещей
Мусульманина будет превыше кафир[354]?
Не хочу я в твои аргументы вникать,
Что "пророк и учитель такой-то изрек".
Ведь в науках другие народы сильны,
Разве ты - не рожденный с умом человек.
Изучай, познавай, не пугаясь преград:
Познающему - трудное станет легко;
Доказательства сделай кольчугой своей,
Аргументы, как щит, подними высоко!
Мягким словом осилишь невежду-врага:
Дождь долбил полегонечку каменный склон.
Речь премудрых должна быть метка, недолга:
Стал Сахбоном отец лаконизма Сахбон[355].
В сто ман весом - ты разве не видел? - броню
Острый камешек боя пронзает насквозь.
"Ты познанием разум острей отточи", -
Так Лукману[356] напутствовать сына пришлось...

[354] Неверный, безбожник.
[355] Сахбон славился своим красноречием, и его имя стало нарицательным для всякого красноречивого человека.
[356] Лукман – древний мудрец, которому приписывают многие притчи и афоризмы.

ЧЕМ ЛОТОС ГОЛУБОЙ ВИНОВЕН

Чем лотос голубой виновен, - чем небосвод
лазурный плох.
Ты, обвинитель, голословен, - упрямец
к разуму оглох!
Нет, небосвод тобой не занят! Ему земное не
под стать...
Познавший истину не станет незнающего упрекать.
Скинь со спины поклажу долга, по чести
действовать учась.
Зачем откладывать надолго? Срок
правосудию -сейчас!
Как счастья выпросишь у неба и счет
предъявишь бытию,
Когда во мрак уводишь слепо звезду
счастливую свою.
О человек! Ты разве ликом подобен ангелу?
Отнюдь!
В благотворении великом подобен ангелу пребудь.
В навруза[357] день благоуханный в степи ты
видишь неспроста,
Как распускаются тюльпаны, и каждый -
яркая звезда!
Тюльпан блистающий, ликуя, звезде подобен
почему?
Он принял форму не другую, а ту, что надобно ему.
А ты, разумный, почему же не подражаешь тем,
кто прав,
И образцы берешь похуже, высокопробных не
признав?
Нарцисса золото червонно и серебро его бело, -
Как искандарова корона[358], земли созданье расцвело!

[357] День нового года, начинающегося по древнему Персидскому календарю весной – 21 марта.
[358] Искандар – Александр Македонский, герой многочисленных таджикских легенд и литературных произведений.

И померанец благовонный подобен царскому венцу -
Плодами, цветом, пышной кроной он славе
цезарской к лицу.
Но гордый тополь жаждал славы и свысока
на мир глядел;
Он прогадал, сереброглавый: ему - бесплодие удел.
А ты, когда венцом господства твоя
прельстилась голова,
Ищи с достойнейшими сходства, пойди
в учение сперва!
Дерев бесплодных древесину сожгут, и кончено
для них;
И в том бесплодие повинно, судеб не может
быть иных...
Но если знание завяжет плоды на дереве твоем,
Тебе и небо честь окажет: в плодах мы солнце
познаем.
Не ошибись, о брат, считая труд стихотворца
баловством!
Затея, думаешь, простая - писать о сложном
и простом?
Ремесла праведные эти благой указывают путь:
Тебе на том, не здешнем, свете за них причтется
что-нибудь.
Занятия почтенны эти, благоразумен книжный труд:
За них на том, не здешнем, свете подарки
сладостные ждут!
Но если, добрый мастер слова, ты стихотворцем
вздумал стать,
Ты не завидуй, что другому быть музыкантом
благодать!
Где восседать певцу в обычай, тебе не место
ни на миг,
Не похваляйся глоткой бычьей, укороти-ка
свой язык!..

А есть опасность и другая... Доколе будешь
ты опять,
Тысячекратно повторяя, "тюльпан" и "пальму"
восхвалять.
"Явитесь розовые щеки и стан красавицы скорей!
Луноподобный лик жестокий и амбра черная
кудрей!" -
Так льешь потоки славословий на мир
невежества и зла
На тех, кто всюду наготове творить бесчинства
без числа!
Нам всем их прихоти знакомы. Так для чего
тебе, скажи,
Стихами прославлять законы корыстолюбия и лжи?
Обманов бездну не измеря, ты, очевидно,
слишком прост!
Ложь - достояние безверья, бесчестьем
пущенное в рост.
Невежд учение излечит. А я ... Я - тот - благодари,
Кто перед свиньями не мечет твой жемчуг,
о язык "дари"!

СТРЕЛА С ОРЛИНЫМ ПЕРОМ.

Однажды взмыл орел со скал. Он, по обычаю орла,
Добычу свежую искал, раскрыв два царственных
крыла.
Он хвастал крыльев прямизной, их необъятной
шириной:
"Весь мир под крыльями держу. Кто потягается
со мной?
Ну, кто в полете так высок? Пускай
поднимется сюда!
Кто: ястреб, или голубок, или стервятник? -
Никогда!

Поднявшись, вижу волосок на дне морском: так
взгляд остер,
Дрожь крыльев мухи над кустом мой строгий
различает взор".
Он хвастал, рока не боясь, - и что же вышло
из того?
Стрелок, в засаде притаясь, из лука целился в него.
Прошла под крыльями стрела - так, значит,
было суждено!
И сразу сбросила орла с вершины облака на дно.
Упав, орел затрепетал, как рыба, на сухом песке.
Он участь рыбы испытал, и огляделся он в тоске.
И удивился: до чего железка с палочкой просты,
Однако сбросили его с недостижимой высоты.
Он понял, почему стрела, догнав, унизила орла:
Его же собственным пером она оперена была.

ШАТЕР НЕБЕС.

О, доколе кружиться тебе надо мной
Днем и ночью, высокий шатер голубой?
Мчась, как бешеный конь, ты полвека меня
Обещаньем надежды влечешь за собой.
Мать ты многих и многих. Но дети твои
В униженья повергнуты, в горе тобой.
Беспредельны твои вероломство и зло.
Устыдись своей лживой природы кривой!
Мать какая и где еще, кроме тебя,
Для детей своих участи хочет худой?
Осыпаешь ты сахаром яд. Тростником
Накрываешь глубокую яму с водой.
Вот каков этот мир! Лишь дорогой добра
Невредимо пройдешь над его западней.
В Зенд Авесте[359] написано: гибели злых

[359] Комментарий к священной книге религии Заратуштры Авесте.

Все их злые деяния будут виной.
Так бывает: кто яму копает другим,
В эту яму и сам попадает порой.
Если б я злодеяния не совершил,
Я бы не был в оковах, в темнице глухой.
Но доколе же своду тюрьмы тяготеть
Над твоей благородной и мудрой душой?
Поступай, как тебя наставляет Худжат[360],
О мудрец, берегись этой бездны мирской.
Этот мир - безрассудный, бессмысленный дев[361],
Ты один на один с этой силой слепой.
Если хочешь безумного ты укротить,
Знаний крепкий аркан ты имей под рукой.
Удались от злодеев, чтоб не возмутить
Мир душевный раскаяньем, черной тоской!
Что тебе не по нраву, того и другим
Не желай ты, чья жизнь бушевала рекой.
Ты иголку искал, а кетмень[362] потерял -
Для смятенных исход неизбежен такой.
Завтра руки наследников жадных твоих
Достоянье растащат твое меж собой...
Сон тяжелый неведения отгони,
Солнцу знанья навстречу зеницы открой!
Если сам топором ты поранил себя,
Сам своим врачевателем будь, о больной!

***

Утром рать испарений над морем взошла,
Горы перлов из моря с собою взяла.
Рассмеялись зеленые лики полей,
Когда туча над ними рыдать начала.

[360] Исмаилитский сан Носира Хусрава и его литературный псевдоним.
[361] Див, демон, бес, злодей, изверг.
[362] Орудие типа мотыги, употребляемое в Средней Азии для мотыжения, окучивания посевов, а также для рытья арыков и каналов.

Роза, шапочку яхонтовую надев,
С благовонной одежды росу отрясла.
Верба, жалуясь на притесненья зимы,
Воротник на груди своей разорвала.
От наветов и сплетен холодных ветров
Роза робкая взгляд от ручья отвела.
Разве ты не видал: на горах по утрам
Покрывалом собольим наброшена мгла?
Ветер просит прощенья за резкость свою
У тюльпанов, которыми степь расцвела.
Умывает он поле прохладной росой,
Где весна свое знамя с зарей подняла.
И одежды сверкающие цветникам,
Бирюзою осыпанные, соткала.
Чайной розе она подарила наряд,
В чашу красным тюльпанам вина налила.
Принесла она лилии белый венец,
А шиповнику серьги его припасла.
И короной царя в месяц Урдибихишт[363]
Молодому нарциссу главу облекла.
Изумляйся деяньям весенней вокруг,
Поучайся, смотря на земные дела.
Вот ликует земля, увидав, что над ней
Туча темная трауром высь облегла.
Посмотри на тюльпан и на тучу: огонь
Создал тучу, а туча огонь родила.
Тем, кто бедствовал долгой зимою, весна
В утешение свой ветерок подняла.
Если в мыслях твоих вожделенье к вину,
Если сердце красавица песней зажгла,
Ты без муки не освободишься от них,
Крепки путы у страсти, тверды удила.
В плен попав, не уйдешь ни из царских дворцов,

[363] Первый весенний месяц.

Ни от страха перед старшиною села.
Не уйдешь, если страсть, как веревка с кольцом,
В нос верблюду продетым, тебя повела.
Не таков человеческий подлинный путь.
Ты подумай, покамест пора не прошла.
Хочешь славы и чести, а сам говоришь:
"Я слуга властелина, носитель жезла!"
Ты добычею стал, на добычу идя,
Как лиса попадается в когти орла.
Знай - пока ты пытался навьючить меня,
На тебя чья-то грузная ноша легла.
Ты, на взгляд мой, - животное вьючное; спесь
У тебя беспредельна, а честь - умерла.
Ни на чем не основанной спеси твоей
Ты стыдился бы, если бы совесть была.
Ты животного хуже. Ты спину свою
Сам под ношу подставил, что так тяжела...
Ты лишен человечности лучших плодов,
Ты высок, но бесплоден душой, как ветла.
Хоть ветла никогда не приносит плодов,
Пусть бы знания плод твоя жизнь принесла!
Да, напрасно тебе, негодяю, судьба
Стан высокий, стройней кипариса дала.
О, когда б ты опомнился, ива твоя
Плодоносною стала бы, амброй текла!
Ну а если останешься прежним, как див,
С сердцем полным невежества, скверны и зла,
От тебя будет нечего ждать, как в саду
От гнилого лишенного сучьев ствола.
Человеческий образ ты носишь: так что ж
Добровольно себя превращаешь в осла?
Ты прекрасен лицом; но на стенах дворцов,
В банях наших, прекрасных картин - без числа.
Помни: выше невежды в глазах мудреца
И змея, что на солнце из тьмы приползла.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ЮМГАНЕ[364]

Друг отшатнулся от меня вчера,
Увидев, что прошла моя пора.
Любимая дорогу позабыла
Сюда, ко входу моего шатра.
Неужто потому, что исхудал я -
Стал тоньше соколиного пера,
Ты не узнал меня, мой собеседник,
Со мною проводивший вечера?
Мой стан, как ручка посоха, согнулся...
Когда дохнули зимние ветра,
Увял мой цвет, и лик румяный бледен
Стал, как зола угасшего костра...
Но против гнета времени слепого
Есть в сердце сила у меня одна,
Моя опора и моя защита,
Величие духовное она.
Над разумом моим и над душою
Власть небесами диву не дана.
Хоть все, что сделать мог со мной, он сделал:
Гляди, как плоть моя изможднена.
И побелела борода, что прежде
Была, как амбра свежая, черна.
Но эта плоть жемчужнице подобна,
И в ней жемчужина заключена.
Стремиться буду к действенному знанью,
Пока стена Юмгана мне верна.
Я страха перед временем не знаю,
Я независим, жизнь моя вольна.
Покамест на меня не взглянет время,
Мысль от него моя отвращена.
Судьбы-верблюда моего веревка

[364] Ущелье в Бадахшане, где Носири Хусрав провел в изгнании 25 последних лет своей жизни.

Не будет в руки шаху отдана.
Стремлением к презренному величью
Моя одежда не загрязнена.
И никогда, пока владею телом,
Душа врагу не будет предана.
Вовек не будет милость недостойных,
Как оскорбленье, мне нанесена.
По степи знаний и высоких споров
Крылатого гоню я скакуна.
В пыли его копыт тропа кривая
Противников теряется, темна.
Эй, Носиби[365], невежда, враг Алия,
Что так мила тебе со мной война?
Ты, как змея, шипишь и угрожаешь,
Но мне твоя угроза не страшна.
Злорадствуешь, что жизнь моя в Юмгане
Любви и сострадания лишена?
Как в недрах гор скрываются алмазы,
Так мысль моя - в горах блестит он.

***

Вышел волк голодный, видит:
полн ягнят простор степной,
Медленно проходит стадо
мирной пастьбою ночной.
Режет волк овец. А овцы
щиплют сочную траву.
Волк и овцы наполняют
с жадностью желудок свой.
Волк траве - ягненок мирный,
а для волка он - трава.
Помни это! Редко встретишь
меткий оборот такой.

[365] Так Носири Хусрав называл противников Али ибн Аби Муталиба (Девон. 1375. С. 500 -504).

Помни это выраженье,
зорче в жизнь свою вглядись.
Волком быть или ягненком -
бойся участи любой!
Ты в погоне за ягненком?
Но, глупец, не забывай:
На тебя, как на ягненка,
смотрит кто-нибудь другой.
Ты не волк и не ягненок?
Почему же при дворе
Состоишь? Без оговорок
дашь ли мне ответ прямой?
Не гордись, что хлеб пшеничный
и ягненка ешь, а друг
Черствый хлеб, отсевков полный,
ест с холодною водой.
Одинаково придется,
как тебе, так и ему,
Вечность пролежать недвижно
без обеда под землей.
Разве ты услышишь это,
разве сердцем ты поймешь,
Если уши внемлют пенью,
если взгляд пленен игрой?
Удивительного хочешь,
чуда в жизни ищешь ты.
Что ж в окно через решетку
смотришь ты на мир земной?
Нет, гляди и удивляйся на себя,
что скован ты
Цепью крепкою под этой
высью вольной голубой!
Что в неведении жалком
чистая твоя душа,

Как сова, живет в руинах,
в сумрачной степи глухой!
Что тебе от этих пышных
цветников, садов, дворцов?
Плоть твоя - чертог прекрасный,
панорама - разум твой.
Спишь ты сладко. Над тобою
днем и ночью небосвод
Колыбельным пеньем веет,
а не громом, не грозой.
Если жизнь провесть ты хочешь,
как осел, в еде и сне,
Ты душой увязнешь в муках,
как в грязи осел зимой.
Чтоб с лицом, покрытым прахом,
не предстать пред судией,
Чистою водою знанья
лик души своей омой!
Баня, мускус и бальзамы
старости не победят;
Старые стирать одежды
и утюжить - труд пустой,
Ведь они не обновятся...
Наставления прими,
Хоть совет полезный горек,
как целительный настой.
Сохрани же от Худжата
хорасанского навек
Слово доброго совета,
слово мудрости живой!

ЧИНАРА И ТЫКВА.

В тени чинары тыква подросла,
Плетей раскинула по воле без числа,
Чинару оплела - и через двадцать дней
Сама, представь себе, возвысилась над ней!
"Который день тебе? И старше кто из нас? " -
Стал овощ дерево испытывать тотчас.
Чинара скромно молвила в ответ:
"Мне - двести... но не дней, а лет".
Смех тыкву одолел:
"Прожив двадцатый день,
Я выше все-таки! Тебе ж, как видно, лень..."
"О тыква! - дерево ответило. - С тобой
Сегодня рано мне тягаться, но постой!
Вот ветер осени нагонит холода,
Кто низок, кто высок - узнаешь ты тогда!"

АФОРИЗМЫ.

Не суди, о чем не знаешь, упоен тщетою.
Промолчать гораздо лучше, чем сказать пустое.

***

Если многие страшатся рока и судьбы -
Я считаю их звездою, что ведет, любя.
"Называй судьбу - сознаньем, а реченьем - рок", -
Верю мудрому, смятенье в сердце истребя.
Если разуму и слову впрямь я господин,
Так зачем же мне страшится самого себя!

***

Коль сам себе не хочешь накликать горя злого
Ты прикуси язык свой, сдержись от злого слова.

***

Не гордись пустой хвалою, никогда льстецам
не верь,
Коль осмеянным не хочешь жить да каяться весь век.
Плачет, словно об увечьи, о невежестве своем
Оттолкнувший в детстве книгу, заплутавший
человек.

***

Слово с делом примири, чтоб уста и сердце впредь
Не напомнили тебе позолоченную медь.

***

Глупостью на глупость не отвечай.
Верностью предательство обличай.

***

Знанье - краса твоя; с нею ль равнять
Купленный блеск драгоценной одежды!
Спорь, сомневайся и помни, что мир
Тесная клетка лишь для невежды.

***

Все, чем владеешь, сумей уберечь,
Ибо владеньям потребна охрана,
Чтобы в ворота очей и ушей
Зло не могло проникать невозбранно.
Крепостью знаний свой край огради -
Стены пробить не найдется тарана.
Лишь превратившим познание в щит
Не угрожает смертельная рана.

***

Мудрый, зная много, богачом слывет,
Но богач не сможет мудрецом прослыть.
Знанием добудешь тысячи мечей,
Но мечом не сможешь знания добыть.

***

Человек хорош, коль светел изнутри.
На блистательную внешность не смотри.

***

Счастьем возможно ль гордиться, если оно
С вечною силою знанья разлучено.

***

Человек велик бывает лишь умом и знаньем,
А без них - неразличимы, бесприметны станем.

***

Ты взвешивай слово на точных весах,
Бездумное слово - лишь ветер и прах.

***

Если человек ты с виду, волчьей злости не таи,
Не в ладу с высоким званьем низкие дела твои.
Желанное счастье послушно тому лишь,
Кто ясному разуму чутко послушен.

***

Все трудное - легким в учении станет,
Коль будешь с хорошею книгою дружен.

***

Ум рабу вручает дар свободы
И подъемлет рухнувшие своды.

***

Ты в людях цени только нрав благородный,
Не льстись на красу, не пленяйся нарядом.
Лишь знаньем высоким достигни главенства
Над всеми, с тобою сидящими рядом.

***

Свершай только то, что почтил бы хвалой,
Когда свершает такое другой.

***

Перед мудростью склоняться почитай себе за честь,
Если хочешь ввысь подняться и величие обресть.

***

Мир - дворец благого созидания.
Жить в бездельи - хуже нет обычая.
Если в меру сил своих работаешь,
Счастия достигнешь и величия.

***

Невежеством ты осрамлен навсегда,
Невежество - вечный источник стыда.

***

Без ума и знаний - наг и беден ты,
Даже если будешь знатен и богат.
Если ты невежда - ты грешнее всех,
Можно ль утешаться, что не виноват?
Знанье превращая в нерушимый кров,
Обретешь защиту ото всех утрат.

***

Хочешь стать красноречивым - научись
внимать сперва.
Тот, кто слушать не умеет, сможет ли найти слова?

***

Все, что слышишь, мерь неверия мерой.
Достоверно то, что видим мы сами.
Веруй зренью лишь, а слуху не веруй.
Требуй правды лишь и спорь с чудесами.
Жемчуг навсегда б остался химерой,
Если бы его искать словесами.
Надо увидать! Доколь этой серой,
Мутной пелене лежать пред глазами!

***

Ты должен все узнать. Учись! Непременно!
Ученье - не позор. Сокрытое - манит.
Кто стать учеником хотел откровенно
В один прекрасный день учителем станет.

***

Ты другом дорожи, коль это вправду друг,
Его полы на миг не выпускай из рук.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Носири Хусрав и его наследие..... 3

ПРИПАСЫ ПУТНИКОВ

Введение..... 29
Глава первая. О слове, являющемся знанием для присутствующих..... 34
Глава вторая. О писании, являющемся знанием для отсутствующих..... 39
Глава третья. О внешних чувствах..... 43
Глава четвертая. О внутренних чувствах..... 49
Глава пятая. О теле и его частях..... 54
Глава шестая. О движении и его видах..... 64
Глава седьмая. О душе..... 83
Глава восьмая. О первоматерии..... 97
Глава девятая. О месте..... 120
Глава десятая. О времени..... 132
Глава одиннадцатая. Об образовании..... 139
Глава двенадцатая. О действующем и претерпевающем..... 148
Глава тринадцатая. О сотворении мира во времени.... 156

КНИГА ПУТЕШЕСТВИЯ

1. Отъезд. Северная Персия и Малая Азия..... 166
2. Сирия, Триполи и Бейрут..... .179
3. Бейт-ал-Мукаддас и его мечеть. Камень Сахра и купол под ним..... ..193
4. Переезд в Египет. Тиннис, Миср. Нил и его разливы. Каир..... ..218
5. Празднество открытия Нильского канала. Миср. Благосостояние Египта. Султанские пиры. Описание открытия канала..... ..233
6. Прибытие в Мекку. Второй Хадж. Вверх по Нилу. Джуддэ..... ..250
7. Описание Мекки. Аравия и Йемен. Ка'ба.

Замзам.Описание города Мекки, да прославит ее Господь Всевышний.....264
8. Отъезд из Мекки. Йемен. Лахса. Басра.....282
9. Обратный путь. Исфахан, Табас и Тун. Снова в Балхе.....303

ИЗ «ДЕВОНА»

В порицание святошам. *Перевел И.Сельвинский*.....312
В порицание ростовщикам. *Перевел И.Сельвинский*.....312
В порицание поэтам-панегиристам. *Перевел И.Сельвинский*.....313
В порицание царям и власть имущим. *Перевел И.Сельвинский*.....314
Хвала ремесленникам. *Перевел И.Сельвинский*.....315
Хвала земледельцам. *Перевел И.Сельвинский*.....315
Знание. *Перевел И.Сельвинский*.....316
Разум. *Перевела А.Адалис*.....316
Добродетель. *Перевел И.Сельвинский*.....317
Дружба. *Перевел И.Сельвинский*.....317
Друг и недруг. *Перевел И.Сельвинский*.....318
Лицемеры и друзья. *Перевела А.Адалис*.....319
Жадность и низость. *Перевела А.Адалис*.....322
Двуличие. *Перевела А.Адалис*.....323
Язык. *Перевел И.Сельвинский*.....323
Спор с богом. *Перевела А.Адалис*.....324
О разуме и просвещении. *Перевела А.Адалис*.....328
Чем лотос голубой виновен. *Перевела А.Адалис*.....331
Стрела с орлиным пером. *Перевела А.Адалис*.....333
Шатер небес. *Перевел В. Державин*.....334
Размышления в Юмгане. *Перевел В. Державин*.....338
Чинара и тыква. *Перевела А.Адалис*.....342
Афоризмы. *Перевела Е. Петровых*.....342

Носири Хусрав
Избранное

Редактор
Хайрутдинова Н.Ш.

Компьютериый набор
Диноршоева А.
Хайрутдиновой Н.Ш.

Дизайн-верстка Эргашева М.

Подписано в печать 01.09.2003 года.
Формат 60x84 1/16, п.л. 22,5, тираж 300 экз.

Отпечатано в Издательско-Полиграфическом Центре
ООО НПЦ ОГРТ
г. Душанбе, ул. Хусейн-зода , 36а